

Фёдор Микишин

Хан Батый и десантники

Книга 4

Известность

Альтернативная история с попаданцами

Посвящается курсантам военных

училищ СССР

A coastal archaeological site with a lighthouse on a cliff in the background. The foreground shows a dirt path and various stone ruins. The background features a blue sea and a blue sky with white clouds.

16+

Фёдор Васильевич Микишин
Хан Батый и десантники. Книга
4. Известность. Альтернативная
история с попаданцами.
Посвящается курсантам
военных училищ СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67288844
SelfPub; 2022

Аннотация

Продолжаются приключения десяти курсантов Рязанского десантного училища в 13 веке, куда они попали чудесным образом. Они сумели выстоять в противодействии княжескому давлению и справились с попытками монголов уничтожить их с большим трудом устроенный город. Развиваясь и обучая местное население, привлечённое человеческим отношением к трудящимся, курсанты строят новое общество с республиканской формой правления, привлекая на свою сторону всё новых соратников. Главной задачей они видят обучение населения грамоте, построение бесклассового общества и сильной армии, которая смогла бы противостоять любому противнику. Они уже крепко встали на ноги и заставляют себя уважать.

Фёдор Микишин
Хан Батый и десантники.
Книга 4. Известность.

Альтернативная
история с попаданцами.
Посвящается курсантам
военных училищ СССР

Часть 1.

Где Русский крестьянин прошёл с сохой, там и есть Земля Русская.

15 апреля. 1240 года. Воскресенье. Дон очистился от льда полностью. Незначительное половодье, от силы 70 см, залило часть бывшего рынка. Не зря мы перенесли его в другое место. С началом навигации, первыми приплыли казаки. Уже именно с торговыми целями. А у нас на рынке своё представительство – целый магазин. Построили здание 12х9 м. в два этажа. На первом этаже товары, касса, продавцы, а на втором этаже контора по оказанию услуг. Стол зака-

зов. Оптовые покупки и продажа. Рядом здание – ломбард и банк. Для магазина у нас имелись свои бывшие приказчики. Двоих забрал главбух к себе в бухгалтерию, а двое здесь устроились. Казаки приплыли на пяти «Чайках». Привезли товары – кожи самые различные, от бараньих до бычьих.

Шерсть верблюжья, овечья, козья. Шкуры волчьи, лисьи, а также привезли соль. Целых 50 пудов. Шерсть, кожи и соль мы закупили оптом. Ну а шкуры мы брать не стали, пусть продают на рынке. А вот в качестве оплаты, предложили им 5 ладей, из 10 имеющихся. Всё равно нам не нужно так много. И дополнительно 50 рублей. Казаки согласились без торга, поверив нам на слово, но позже уточняли цену нашего рубля в отношении других валют. Мы свои деньги уже протестировали ранее на рынке у нескольких разных менял, и они подтвердили их нарицательную стоимость. Наш банк производил полновесный обмен рублей желающим на другие валюты. Казаки остались на торгу на несколько дней, чтобы продать все товары. На день позже приплыли купцы из Пронска, потом из Рязани и даже из Кафы. Начинался новый торговый сезон. Рынок набирал обороты. Одновременно и местные жители потянулись со своим нехитрым товаром: молоко, мясо, яйца, куры, дичь, рыба, сети.

Венецианцы привезли масло оливковое, вино, финики и массу других продуктов, а, кроме того, промышленные това-

ры. Выбор был достаточно велик: одежда, ткани, маленькие зеркала, изделия из стекла, сукно, оружие и т. д и т.п. С верховьев Дона и от устья, прибывали новые суда. Некоторые плыли дальше вверх по течению, кто-то вниз. Начал пользоваться спросом ломбард и банк. Заходили и в наш магазин, дивились на примусы и керосиновые лампы, ковры, вязанные изделия. Ковры мы выставляли в ограниченном ассортименте, так как ещё не обеспечили самих себя. Подходили купцы в наш стол заказов, интересовались – Не продадим ли мы нашу галеру и ладьи.

Галеру мы сдали на прокат, а две ладьи продали, оставив себе три последних, на всякий случай. В лагере, произвели новую перемену. Отдали третий этаж промышленного корпуса под церковные нужды отцу Никодиму. Ему помогли перенести все его атрибуты в новое помещение, где вполне уже могли разместиться до тысячи человек. Никодиму выдали мегафон, и он им пользуется иногда во время службы, чтобы его голос достигал всех присутствующих. Казарма волонтеров освобождается по мере образования семей, переезжающих пока в общежитие, но дома для них будут построены обязательно, чуть позже.

Браки в лагере приветствуются, а молодые поощряются ценными подарками, типа ковров, отрезков полотна и денежной премией в размере месячного оклада. Из 175 холостых

волонтеров, прибывших из Маргелово, уже почти 100 женились. Женятся и бывшие невольники, и пленные, отбитые у монголов и турок. Всего молодых пар, возникших только в этом году, почти 250. А ведь, если бы история шла по старому руслу, все эти люди исчезли бы в далёких краях, погибнув от тяжёлого труда или болезней. Даже по самым скромным подсчётам, нам уже удалось сохранить для Руси не менее 100 тысяч её граждан.

У нас в Воронеже весна пришла раньше, чем в Рязань, и мы начали готовиться к весеннему севу. На этот раз отказались от использования АСУ 57 в качестве тягачей для вспашки. У нас теперь имеются два неказистых, но вполне работоспособных паровых автомобиля. Уже сейчас они используются для перевозки тяжестей и в качестве бульдозеров, сберегая моторесурс бесценных САУ и ГАЗ 51. Неудобья, распашем конями, а целину за лесом на тракторах. Готовы два четырёх лемешных плуга. Освобождённых от леса пашен вокруг посёлка имеется 80 гектаров и целины 2 квадратных километра, итого 280 десятин, как здесь называют гектар.

Ну, а что посеять, у нас было более, чем достаточно. Пользуясь весенним половодьем, запросили в Маргелово посевного материала. Нашу селекционную пшеницу, гречиху, кукурузу, картофель и ещё кое-что, по мелочи. Совмест-

но с Маргелово, провели небольшую реорганизацию нашего внутреннего устройства. Всех, кого мы до сих пор называли волонтерами, теперь будут именоваться юнкерами. Притом старого призыва всего около 200 у нас и около 300 в Маргелово. Они будут считаться второкурсниками, а новых юнкеров, которых в Маргелово 511, а у нас 300, считать первокурсниками.

Выдать им курсантские погоны и форму. У нас до сих пор имелись 1200 комплектов старой формы, летней и зимней, 300 комплектов новой формы, 300 комплектов комбинезонов. Все комплекты на каждый сезон отдельно. А также 300 комплектов офицерской формы. Мы уже пользовались старой формой и где-то до 500 комплектов износились. Эту изношенную форму решили починить и выдавать рабам.

В сентябре запланировали выпустить старших юнкеров с присвоением им офицерских званий, а затем ещё раз внимательно пересмотреть внутреннюю организацию обучения. Организовали вывоз навоза на поля. Одновременно с этим начали устраивать селитряницы, по примеру Маргелово. За лесом присмотрели полосу земли длиной в 300 метров и шириной 10. Выкопали три неглубоких параллельных рва на всю длину и засыпали туда часть навоза, содержимое выгребных ям, всякий органический мусор, старую солому и т.п. Осенью добавим ещё листьев и мусора и закроем на 2 года.

И вот сегодня я получил неожиданное известие. Бажена и Веселина признались в беременности.

Оказывается, вначале об этом узнала Бажена, но боялась мне сообщить, а чуть позже Веселина. Они, видя, что я занят с Мананой, не хотели говорить мне об этом, но не выдержали и сознались. По предварительным расчётам, нам предстояло ждать детей в ноябре – декабре. Ну что тут поделаешь! Я пожурил их за то, что не доложили в своё время и пообещал, что я их не брошу, а известию очень даже рад.

23 апреля. Понедельник. Только в субботу закончили разгрузку семенного материала, присланного из Маргелово обычным маршрутом, через Данков. Перегрузили груз на паровой фрегат «Ока», который и доставил грузы в Воронеж. Получены были следующие грузы: картофеля-350 тонн, кукурузы-40 кг, гречихи -25 тонн, подсолнечника 70 кг, пшеницы- 50 тонн, ржи -700 грамм (весь урожай прошлого года), а ещё семена помидоров, кабачков, тыквы, баклажанов и перец болгарский в малых количествах. Пахать начали, не спеша, ещё с прошлого понедельника, поэтому сеять, решили начать немедленно.

Кстати, все мы заметили, что средняя температура воздуха в этом веке, гораздо ниже, чем в нашем. Я сам помнил из газет, что в Воронеже начинали сеять в начале апреля,

но, то ли годы эти были холоднее, то ли само столетие. Так что все, кто имел отношение к крестьянству, вышли в поле, засеять вспаханные поля. Начали сеять с наружных площадей, по равнине. За сеятелями двигался трактор с бороной. Юнкера продолжали заниматься учёбой, так что этот день не отличался от других. За севом наблюдал и руководил Терентий Петрович, под началом которого имелись 120 человек.

Остальные занимались повседневными работами. В 16 часов собрались на совещание. Теря отчитался за первый день посевов. Засеяли пшеницей первые 20 гектаров, полосой 1км x 200м. Терентий подсчитал, что привезённого материала вполне хватит на 550 га площади, а мы планировали всего 380. Следует продолжать пахать в степи и поднять дополнительно 170 гектаров. Возразить было нечем и решение утвердили. Между тем, площадь под посевы в Маргелово достигла 420 га., то есть меньше нашей. Но, как раз эта площадь позволяла нам засеять семена наших высокопродуктивных злаков.

А вот на следующий год, если урожай удастся, то мы уже сможем снабжать посевным зерном своих подопечных крестьян, а сами будем обеспечены полностью. Естественно, встал вопрос о сооружении к осени мельницы. Скорость течения реки Воронеж была крайне мала, поэтому постановили выстроить 2-3 ветряные мельницы в поле, на территории

только что выстроенного форта. Форт располагался на юго-востоке лагеря, в 8-9 километрах от границы леса, в конце пашни, на огороженной забором, площади в один гектар и представлял из себя 3-этажное здание. Первый этаж был сложен из кирпичей с толщиной стены в 75 см. Окон на этом этаже не было предусмотрено. Лишь под потолком устроили несколько стеклянных проёмов 25 х50 см, для освещения, чтобы человек не мог проникнуть внутрь.

А на втором этаже, вместо окон устроили бойницы, окна высотой полметра и шириной 25 см, с вынимающимися рамами, чтобы было удобно отстреливаться. А вот третий этаж был с нормальными окнами и там располагался комендант форта прапорщик с десятком дружинников. Комендант имел автомат АКМ, а ещё имелся карабин и ракетница. Остальные были вооружены самострелами, так называли здесь арбалеты.

Лестницы внутри помещений втаскивались на верхние этажи, лишая врага возможности подняться вверх. Над третьим этажом выстроили башенку на высоту ещё 3 метра с четырьмя окнами во все стороны, для наблюдения за окрестностью. Над башней развевался флаг ВДВ. На территории форта имелась конюшня и рылся колодец, чтобы не зависеть от поставок. Площадь двора вполне позволяла поставить в двух углах периметра по мельнице. На этом и порешили.

Старшины рот, присутствующие на совещании пожаловались на то, что женатые юнкера, живущие в квартирах и общежитии для малосемейных, массово опаздывают на утреннюю физзарядку и даже на занятия. Здесь мы сообразили, что несколько преждевременно допустили послабление. В наше время, женатыми курсантами были очень немногие. Отпускать их домой с ночёвкой позволялось с 3-го курса. Поэтому мы приняли решение – всем женатым юнкерам, вернуться в казармы. Посещать жён, разрешить с 19 часов до половины десятого вечера. Также, в субботу после обеда, до подъёма в понедельник, если не заняты на дежурстве. Остальные дни ночевать в казарме. Ночевать дома имеют право только офицеры.

4 мая. Пятница. Посевная кампания у нас закончена, а в Маргелово только началась. Самым тяжёлым моментом явилась посадка картофеля. Для этой операции пришлось привлечь всех юнкеров. Участвовали здесь почти 700 человек и то, потратили почти два дня времени. Посадили все полученные материалы. На кукурузу хватило меньше гектара, а рожь всего на 1 сотку. Два гектара ушли на тыкву, 1 га на кабачки. По 30 соток использовали на помидоры, подсолнухи, баклажаны.

Короче сеяли лишь продукты 20 века. В Маргелово, из-

за нехватки площадей, передали для крестьян Переяславля, часть семенной пшеницы и гречки, а также несколько тонн картофеля. А нам оставалось теперь ждать окончания посевных работ в Маргелово и выступать в поход на Константинополь. Я обсуждал с Мананой и Этери, куда их лучше доставить. Этери надо было попасть к Абазинам, в своё княжество, расположенное в Абхазии и поэтому, ей было удобнее высадиться в Сухуми, Цхум – так он сейчас назывался. А Манане, было удобнее, добраться до Поты, оттуда до Рачи менее 100 км.

А от Сухуми 150. Но сошлись во мнении, что лучше Сухуми, так как это Абхазия, где княгиню Этери знают. А Манану уже проводят до Рачи Абазины, подчинённые мужа Этери. В преддверии расставания, я с Мананой, предавались жуткому разгулу по ночам. Но дело того стоило.

Поход на Константинополь.

21 мая. Понедельник. Катамаран «Воронеж» принял на борт прибывших из Рязани 500 юнкеров и 500 наших дружинников из Пронска и самой Рязани. От князя Ингваря выступили в поход 200 человек из его личной дружины. В 18 часов вся армия прибыла в Воронеж и разместилась, частью в свободных помещениях посёлка, частью в палатках. После ужина, войско отдыхало, а наш «Совет десяти» собрался на совещание в зале заседаний штаба. Присутствовали: все на-

ши, кроме оставшихся в Маргелово дежурных –Винокурова и Семёнова. Теря, Леонид, все командиры взводов и приданных подразделений дружинников. Всего почти 40 человек.

Обсуждали маршрут похода. Я предложил двигаться вдоль побережья северного Кавказа до Сухуми, чтобы оставить там грузинских княжон и десяток грузин, пожелавших вернуться на родину. От Сухуми плыть прямо на Гераклею, где мы договорились встретиться с Никейскими войсками. Отплытие назначили на послезавтра, а завтра заняться погрузкой необходимого. Нам, в сущности, было всё равно, так что идею поддержали. Мы уже заранее оповестили казаков о встрече с их отрядом в устье Хопра, до которого около 600 км. От нас выступают – моя рота и 6 взводов дружинников, всего 320 человек. Казаков ожидается 5 сотен. В плавание отправляются корабли «Воронеж», на котором разместится основная часть войска – полторы тысячи человек –Маргеловские и казаки. «Ока» с моими людьми.

«Дон» – та самая галера, которую мы отобрали у бродников, решили оставить. Завтра надлежало загрузить в трюмы БМД, БТДМ, 3 САУ, ЗИЛ 131 и ГАЗ 51, 8 миномётов, два пулемёта, снаряды, патроны, продукты питания 50 лошадей, все палатки из комплекта походного лагеря на 500 человек и ещё отдельных шатров на 1000 человек и многое другое. Одним из важнейших грузов являлся самолёт. По сути, сам

он был совсем невелик и лёгок, разве что с широким размахом крыльев. Однако он вполне разместился на верхней палубе, у самого борта, носом к морю. Его надёжно

укрепили от падения и смещения. Он занял всего 30 квадратных метров. Сверху его накрыли брезентом, чтобы не вызывать у людей глупых вопросов.

23 мая. Среда. Отчалили в 9 часов утра. Вчера день был заполнен суетой, шла погрузка необходимых вещей для похода. Вся округа была встревожена и сотни людей с удобных мест наблюдали за нашими сборами. С казаками наша армия достигнет по

численности 2 тысячи человек. Огромная сила для того времени, даже вооружённая обычным холодным оружием. Итак, мы начинаем творить историю! Обе княжны со своими служанками занимали маленькую каюту, предназначенную для капитана корабля. С капитаном разместились я и Арзамас, в каюте на троих. Плыли по течению, без включения мотора, только под парусами. Погода стояла просто великолепная.

26 мая. Суббота. В 8 часов утра проплыли мимо Тана. Казаков подобрали, как и рассчитывали в устье Хопра, в количестве 480 человек. Предводительствовал войском, наш друг, Степан Кочебор. Плыли без происшествий. Возможно, что о кораблях с Андреевским флагом, уже пошли слухи и никто не желал к нам приближаться. А с нашим флагом

успели познакомить и турки, и Венецианцы с Генуэзцами, не говоря о пиратах. Корабли вошли в Азовское море. Люди отдыхали, любовались морскими пейзажами. Солнце грело и все почти находились на палубе.

Я рассказывал своим спутникам о мировом океане, об Атлантическом, к которому относилось Черное и Азовское моря. Отвечал на десятки вопросов, касательно русалок, морских змеев и гигантских осьминогов. Но люди всё равно начали скучать. Хуже всего приходилось Судейкину, на «Воронеже». Пёстрый состав команды, незнакомые друг другу люди, толкали на ссоры. Несколько раз приходилось разнимать драки. Кое-кто напивался пьяными, но люди в основном терпели, боясь наказания и лишения будущих дивидендов из полученной добычи. Особо рьяных нарушителей обещали высадить в Сухуми и оставить на произвол судьбы.

28 мая. Понедельник. Входим в порт Сухуми. Время - 13 часов. В порту переполох. Ещё на подходе к порту встретили дежурную галеру, которая, увидев громадных монстров, с толпящимися на палубе сотнями вооружённых людей, помчалась в порт предупредить об опасности. Чтобы не провоцировать население на непредвиденные действия, послали вперёд шлюпку с грузином, а сами остановились на рейде, в кабельтове от причала. Русских здесь знали и народ успокоился. Оба корабля вошли в гавань, но не стали причали-

вать, бросив якоря недалеко от берега. Грузин оповестил начальника порта о прибытии особ княжеской крови. Мы стали ждать последствий. На берегу происходили метания и суета.

Наконец от причала отошёл богато разукрашенный баркас с флагом Грузинского царства, к которому принадлежала в то время Абхазия. На борт поднялись представители местного, так сказать, истеблишмента. Они представлялись мне, а грузин, научившийся у нас русскому языку, переводил. Корабль посетили Моурави Сухуми – Давыд Чирикба, Цихистави – комендант города, Хварцкия Арчил, Бокаул тухуцес – оберполицмейстер, Гочава Иванэ и несколько сопровождающих.

Я представился им тоже и только после этого вызвал княжон из их каюты и, вежливо поддерживая Этери под локоть, провёл к встречающим. Моурав Сухуми лично знал Этери и, увидев её, склонился в глубоком поклоне, заставив всех остальных тоже поклониться. Этери тоже узнала Давыда и обрадованно приветствовала его. Последовал быстрый разговор на грузинском, из которого я, понятное дело, ничего не понял. Но я счёл необходимым напомнить Моурави, что ожидаю от него самого почтительного отношения к княжнам и уверен, что тот приложит все усилия для доставки княжны Мананы к её отцу в Рачу. Конечно же, меня заверили, что

очень рады принять у себя дочь эристави Кахаберидзе и выполняют все её желания.

Мне ничего не оставалось делать, как попрощаться с девушками, поцеловав у них руки. Со всеми предосторожностями, девушек усадили в баркас, и он отплыл к причалу. Во

время прощания мы ни одним движением не показали наших отношений с Мананой. Всё прошло чинно и благородно. Я обещал Манане, что приеду к её отцу свататься после войны. На шлюпке были отправлены к причалу вещи княжон и бывшие невольники, из числа грузин, пожелавшие вернуться в Грузию. Они горячо поблагодарили меня, и я попрощался с ними, выдав каждому из них по 2 рубля. Мы не стали задерживаться и сразу же направились в сторону открытого моря, взяв курс на Гераклею.

30 мая. Среда. Около 5 часов утра обогнули мыс и оказались в виду гавани Гераклеи. На кораблях объявили подъём. Позавтракав пораньше, двинулись к Гераклее и в половине восьмого вошли в гавань. Остановились в кабельтове от причала и бросили якоря. Вскоре к нам направился баркас, и подплыв к борту катамарана, остановился. Сбросили трап и на палубу корабля ступил местный турмарх, Исидор Фага. Судейкин с помощью переводчика объяснил тому, что мы прибыли по согласованию с императором Nikeи, Иоанном для совместных действий против латинян.

Турмарх заявил, что он в курсе событий и его предупредили о прибытии русского флота, но император сейчас не может их принять, как и великий domestik Андроник Палеолог. Сам турмарх не может ничего сообщить нам и поэтому представит нас стратигу Вифинии, находящемуся сей-

час в городе. Оба корабля причалили к пристани и встали на прикол. Судейкин, я, Забуиров, Иманкулов, Марченко и Зотов отправились в префектуру, оставив Коверду за старшего. Турмарх привёл нас в префектуру и провёл через серьёзный отряд стражников, в здание и через коридор в обширное помещение общественных собраний.

Здесь нас встретил лысоватый и полный мужчина, в кирасе, с мечом на поясе, представившимся, как стратиг Вифинии, Михаил Хониат. Мы все уселись на скамьи, стоящие в зале, напоминая зал кинотеатра. Кроме ещё турмарха, присутствовали 4 человека, все в военных доспехах. Один из них, самый старший по возрасту оказался полемархом (воеводой) Никифором Васиlaki, а трое мужчин помоложе, хилярхами (что-то вроде полковников), командирами тысяч.

Хониат сообщил нам, что император помнит о нашем с ним договоре и поручил ему встретить нас в Гераклее. По рассказу стратига выходило, что именно после моей встречи с императором, началась острая фаза военных действий между Никосией и Латинянами. Во-первых, Император Бодуэн второй, уговорил наконец-таки Европу, а точнее французского короля Людовика, нанять для Бодуэна 30 тысяч латного войска, с которыми тот добрался до Константинополя, договорившись с половцами, которые, под давлением монголов, бежали в Болгарию и, разорив Фракию, согласи-

лись в союзе с крестоносцами напасть на Nikeю и первым делом приступили к осаде крепости Цурул, лежащей в 70 км от Константинополя, сейчас находившейся в руках Nikeйцев.

Гарнизон крепости, возглавляемый Никифором Тарханиотом и великим хартуларием Иоанном Петралифом, уже почти 2 месяца отражают атаки союзников. По слухам, стены крепости уже разрушены камнемётными машинами и осаждённые вынуждены будут сдаться в ближайшее время. Есть и ещё более плохие новости – флот Nikeи разгромлен совсем недавно Венецианцами, под командованием Микаэля Джованни. Самое позорное в том, что Nikeйский флот, под началом бездарного армянина Жофре, имел 30 триер, против 13 триер венецианцев. От флота остались только 4 триеры.

Есть и хорошие новости – сам император с войском сражается на европейской стороне Босфора и сумел захватить 2 крепости. Только потеря флота не позволила императору прийти на помощь осаждённому Цурулу. Таким образом все войска используются против латинян, и они не могут нам помочь. Однако император, выполняя свои обязательства, оставил для нас 2 хилиархии (тысячи) и последние 4 триеры, для их перевозки на Европейский берег. Больше он ничем не может нам помочь.

Командование Никейским корпусом поручено полемарху Васи́лаки. Император

надеется, что мы сможем помочь ему, хотя бы в снятии осады Цурула. Судейкин и мы, переглянулись. Такого оборота никто из нас не ожидал. Только под Цурулом у латинян более 40 тысяч войска, против нашей горсточки. Уж не вляпались ли мы по самые уши?

Катепан флота, предупредил нас, что вход в Босфор патрулируется двумя триерами Венецианцев, а в гавани Константинополя стоят ещё 6 триер, так что в пролив нам не войти. Судейкин предложил подумать и вносить предложения. После часовой дискуссии постановили, что мы всё равно ввяжемся в войну. Всему нашему войску следует немедленно выступать в сторону Константинополя, а пока Никейцы собираются, мне предписывалось слетать на рекогносцировку.

Я немедленно отправился на корабль и приступил к выгрузке самолёта. К кораблю причалили двумя шлюпками с общим настилом, скинули на них сходни и осторожно опустили на них самолёт. Вес его был не более 230 кг, так что его могли бы переносить 7-8 человек, без особого напряжения. Надо было найти подходящую площадку для взлёта и посадки. С этой целью пришлось везти самолёт за город на

телеге, поставив его боком в сторону движения. Ехали шагом, поддерживая самолёт вдесятером. За полчаса выехали в поле и нашли ровный участок достаточной длины. Я приказал обозначить ВПП флажками, чтобы, вернувшись с полёта, не потеряться. Со мной летел Арзамас. Взлетели в 13 часов, держа направление на запад, вдоль берега.

До Босфора чуть более 200 км, пролетели за 1 час 20 минут. Как и ожидали, в непосредственной близости от входа в Босфор, дрейфовали 2 галеры, кроме которых, мы никого не встретили и, поэтому тут же повернули обратно. В голове созрел план – галеры сторожат вход в Босфор и нападут на Никейцев, если те затеют перевезти войска на Европейский берег с востока.

Они вполне смогут справиться с двумя и даже тремя галерами Никейи, а если врагов будет больше, последуют в Константинополь с предупреждением об опасности. Необходимо лишить их возможности уйти, а для этого стоит послать вперёд одну галеру, на которую Венецианцы непременно нападут и уничтожить их. Так что, по возвращению, я доложил о своём плане Судейкину и тот поддержал меня. Самолёт погрузили на катамаран, а я со своим кораблём «Ока», не дожидаясь остальных вышел в море и направился к Босфору на всех парусах и двигателе. Движение мы начали в 18 часов.

31 мая. Четверг. Около половины пятого утра показались паруса итальянских галер. Светало и, хотя солнце ещё не показалось, видимость была удовлетворительной. Нас также заметили заблаговременно и Венецианские триеры двинулись в нашу сторону, забирая меня в клещи. Ветер дул с моря и идти приходилось курсом бейдевинд, под латинским парусом. На расстоянии в две мили между кораблями, капитан Радомысл приказал убрать паруса. Матросы кинулись по мачтам и вскоре «Ока» шла на одном двигателе. Планы противника определились моментально.

Галеры брали нас на abordаж с обеих бортов. Нас это вполне устраивало. При сближении до, примерно, километра, одна из триер выстрелила в нас из баллисты. Камень, размером в человеческую голову, пролетев почти 700 метров упал в воду далеко перед нами. При скорости сближения в почти 40 км в час, уже через минуту, камни будут падать на нашу палубу. Тогда я приказал открыть огонь из орудий. Два наших 57 мм орудия уже были готовы к стрельбе. Я приказал стрелять по палубе, уничтожая живую силу противника, мачты и рулевых. Против нас выступали две триеры, имеющие по 120 гребцов и по 70 человек экипажа.

На баках триер можно было разглядеть вооружённых воинов, готовящихся к abordажу, среди которых выделялись по 20 арбалетчиков, целящихся в нашу сторону. С расстоя-

ния в 800 метров загрохотали наши пушки, сметая с палубы вражеских воинов, взрываясь среди толпы, ломая перегородки, фальшборта, снасти и валя мачты. Уже после 5-6 залпов обеих пушек, на палубы галер упали фок-мачты, а ещё через пару выстрелов и грот-мачты, а при расстоянии в два кабельтовых, рухнули и бизань-мачты.

Падая, мачты крушили на палубах все надстройки и давили воинов. Все снасти перепутались, а паруса и вовсе накрыли палубы таким образом, что из-под них было невозможно выбраться. Обе галеры потеряв управление, половину экипажей и большую часть гребцов в обстреливаемых бортах, потеряли ход и по инерции, продолжали двигаться в нашу сторону. Так получилось, что галера, шедшая справа от нас, прижалась бортом к нашему борту, а другую понесло на берег, находящийся от нас слева. Юнкера и дружинники закрепили галеру к нам и стали наблюдать за трепыханием итальянцев, накрытых своими парусами. Радомысл приказал тянуть паруса на себя и сбрасывать в море. Одновременно корабль дал задний ход, чтобы приблизиться к второй галере, гонимой ветром на азиатский берег Босфора.

Её положение было аналогичным первой галере. Экипаж судорожно пытался освободиться от упавших на палубу парусов, мачт и перепутавшихся снастей. Нам удалось сбросить паруса первой галеры в воду и дать возможность коман-

де увидеть нас воочию. О сопротивлении уже никто и не думал. Бросая оружие в кучу, матросы группировались в середине корабля. На борт галеры спрыгнули три десятка дружинников и начали сгонять всех итальянцев в трюм, к гробцам.

Вместе с прикрепленной к нам галерой, наш корабль, задним ходом поравнялся с местом крушения второй галеры, которая села на мель у берега. Её экипаж освободился наконец от упавшего на них такелажа и собирался в группу, не соображая, что им предпринимать. Несколько человек спрыгнули в воду, пытаясь добраться до берега, но были уничтожены выстрелами из карабинов. «Ока» задом приблизилась к корме галеры и на её борт перепрыгнули до 60 дружинников. Теперь можно было не опасаться побега вражеских моряков, и мы смогли ознакомиться с результатами сражения. Победа была полнейшая. Обе галеры потеряли не меньше половины команды убитыми и ранеными.

Всех выживших высадили на берег и заставили снять доспехи и всё оружие, включая ножи. Затем каждый был обыскан и лишён всех ценных вещей, кроме крестиков на груди. Заставили итальянцев перетащить своих убитых и раненых также на берег и уложить рядами убитых, а раненых усадить отдельно. На все эти мероприятия, включая и само сражение ушло почти 4 часа. Как раз на горизонте показались паруса

нашей эскадры. До её приближения подсчитали количество Венецианцев.

Убитых среди команды, оказалось не так и много. Снаряды в основном были бронебойными и наносили повреждения такелажу и постройкам, нежели личному составу, а вот среди гребцов, оказавшихся на обстреливаемых бортах, погибли почти 50% состава. Так что мёртвых на берегу, лежало почти полторы сотни. Раненых было человек 40. Вряд ли кто из них выживет, но добивать их мы не стали. Таким образом выжило 86 членов экипажа и 167 гребцов с обеих галер. Имущество, найденное в трюмах и постройках галер, а также доспехи и оружие, свалили в кучу на берегу.

Я приказал своему взводу юнкеров перебрать трофеи, пересчитать и сложить в организованном порядке. В это время с нами поравнялись корабли эскадры. Народ высыпал на палубу и рассматривал то, что осталось после битвы. Я не знал, что делать с пленными. К нам, на шлюпках направились Судейкин и воевода Никейцев. Корабли продолжили движение к азиатскому берегу, где мы запланировали высадку. Мы решили, что пленных следует пока взять с собой. Галеры, освобождённые от имущества, бросили на месте и загнали пленных в трюм «Оки».

Между тем к нам приблизились несколько местных рыба-

ков из находящей неподалёку деревни и наблюдавшими за ходом сражения. Увидев, что на некоторых галерах развеваются Никейские флаги, они осмелели и, подойдя поближе приветствовали нас. Васибеки разрешил им порыться в брошенных галерах и забрать всё, что для них представляется ценным. На месте оставили 50 выживших гребцов и 10, вооружённых карабинами, юнкеров, с задачей похоронить убитых.

С ранеными остался корабельный врач венецианец, которому передали все найденные средства перевязки и лечения. К вечеру их должны были забрать в наш лагерь. Я велел загрузить все ценные вещи на «Оку», и мы продолжили путь за эскадрой. По договорённости, мы должны были, как можно ближе подобраться к Константинополю и обойти его с северной стороны, где и встать лагерем. Я велел войти в пролив Босфор и направляться по нему до наиболее удобного места стоянки. Такое место нашлось примерно через 17 км.

В этом месте пролив изгибался, а с правой стороны образовалась бухта длиной в 600 метров и шириной 120, защищённую с юга мысом с горой. Как раз в этом месте лежал небольшой населённый пункт, село Состенион, с большой церковью святого Михаила. Имелся приличный причал, к которому уже пристала вся наша эскадра. Нам тоже нашлось место, и мы начали выгружать необходимое снаряже-

ние. Наш воевода Василаки, пообщался с местными жителями.

Все они были греками и радовались нашему приходу, мечтая об изгнании ненавистных латинян. Это село было передано в собственность некоему барону Петру де Буасье, который, при виде входящей в бухту эскадры, бежал со своими слугами, бросив свой замок на произвол судьбы. Василаки послал в замок несколько человек, чтобы собрать имеющиеся там ценности. Ближе к вечеру, я на «Оке» отправился за оставленными мною пленными и, убедившись, что все умершие похоронены, забрал их и охрану и вернулся в Состенион.

Все руководители собрались на совет в церкви. Завтра с утра договорились выйти к

Константинополю, до которого было всего 8 километров. Пленных оставили под охраной. Для охраны кораблей оставили экипажи «Воронежа» и «Оки», в полном составе, а также 50 казаков и 50 Никейцев. Я сообщил об уничтожении двух галер и доставшейся нам добыче, включая две сотни пленных. Впредь договорились, всю добычу, захваченную в походе, делить в следующих пропорциях –половину добытого «Совету десяти», половину остальным в равных долях, по количеству людей, не забывая об оставленных здесь для охраны.

Опять же, от жителей узнали, что в Константинополе остался лишь небольшой гарнизон, а все войска с самим Болдуином заняты осадой Цурула. Но, кроме гарнизона, насчитывающего около 1000 человек, в городе находятся не менее 1500 солдат венецианцев и 6 галер с командами. Две галеры мы, только что, вывели из строя, но, всё-таки, общее число защитников составляет около четырёх тысяч.

Василаки сообщил, что император договорился с тайными заговорщиками в самом городе, которые, в случае нападения, будут ждать сигнала от нас, которым явится захват одних из ворот крепости в стене Феодоссия. В этом случае, восставшие, числом до 600 человек, захватят противоположные ворота в стене Константина, обеспечив нам, в этом случае свободное проникновение в город, к латинскому кварталу и пристаням с кораблями.

Предварительно запланировали прорываться в город через ворота Силиври, расположенные в дальнем углу крепости, ближе к Мраморному морю. Эти ворота выбрали из расчёта, что ими и воспользовались Никейцы в будущем 1261 году, согласно историческим данным, хотя могли мы избрать любые другие. По плану, нам выпадало открыть и удержать ворота, до подхода основной массы войск. На этом мы разошлись и расставив охрану, устроились спать. Многие спали вне кораблей, так как стояла очень тёплая погода.

1 июня. Пятница. После подъема и завтрака, армия выступила в сторону города, обходя его с севера. Впереди выступали Никейцы, следом шли казаки, потом юнкера, с техникой, САУ, БМД и ЗИЛ 131. Для конспирации, все машины волокли лошадьми. Уже к 10 утра мы подошли к задней стене Феодоссия и расположились лагерем, заняв территорию от ворот Селиври до Меландизийских ворот,

на расстоянии от стены в один километр. Размеры города и его красота, впечатляли. Васи́лаки утверждал, что в нём живут почти 200 тысяч человек. Во всём Рязанском княжестве, на сегодня, живут немногим больше.

На всём протяжении стены Феодоссия был прорыт ров, шириной 5 метров, соединяющий залив Золотой Рог и Мраморное море. Примерно 500 метров перед стенами не имелось никаких построек, но далее, в северном направлении к Чёрному морю, располагались многочисленные деревушки, жители которых разводили сады и виноградники. Местные жители убежали частью в крепость, частью на запад, оставив немощных стариков и больных. Мы никого не трогали и даже не пытались входить в брошенные дома. Солдатам дали команду разбивать палатки и устраиваться.

Я, Судейкин и несколько юнкеров, отправились взглянуть на окрестность, в поисках подходящего места для ВПП самолёта. Подходящее место нашлось и самолёт перекатали руками к началу полосы, которая являлась наезженной дорогой между городом и поселениями на побережье Чёрного моря. Несколько человек занимались очисткой ВПП от камней и веток. Вокруг лагеря установили сторожевые посты. Гарнизон города уже был предупреждён о нашем подходе и на этом участке стены скопилось максимальное количество защитников. У нас неспешно готовились к обеду.

Дымили походные кухни, отдельные костры. По лагерю сновали солдаты, устанавливая палатки и шатры. В это время отворились Меландизийские ворота и опустился подъёмный мост через ров, а по мосту в нашу сторону поскакали несколько рыцарей, в блестящих доспехах, разноцветных плюмажах на шлëмах и пëстром одеянии. Один из рыцарей держал в руках копьë с белым флагом. Рыцари подскакали к лагерю и остановились в сотне метров. Навстречу им вышел Васибеки, Судейкин и пять юнкеров с карабинами. Однако, все были одеты в монгольские доспехи.

Рыцари спешили и ждали наших представителей. Группы встретились и один из рыцарей вышел навстречу Васибеки, шедшему впереди. Васибеки знал латынь, но рыцарь заговорил по-французски и его речь начал переводить переводчик на греческий. Судейкину, наш переводчик, переводил на русский. Рыцарь слегка поклонился и представился – Граф Гугон, от лица наместника Ансо ди Кайо, послан спросить –кто вы такие и чего хотите? Васибеки тоже представился и заявил, что он и союзные ему войска, прибыли, по поручению императора Никейской империи Иоанна Второго, чтобы предложить гарнизону города покинуть его, захватив с собой своё имущество.

В этом случае никому из защитников города не будет при-

чинён вред, и мы расстанемся друзьями. В противном случае, мы вынуждены будем силой захватить город и тогда его защитникам не поздоровится. Граф Гугон, выслушав перевод, усмехнулся и спросил:

– Неужели вы, в таком количестве собираетесь исполнить свою угрозу?

– Почему нет? – ответил полемарх. – Мы ждём подхода основных сил, которые должны прибыть со дня на день.

– Мне очень жаль – заявил граф, – но мы отказываемся покидать город и даём вам возможность сразиться с нами!

На этом рыцари откланялись и, сев на коней, ускакали. Судейкин и полемарх вернулись в лагерь. Как раз подоспел обед и мы, руководители похода, собравшись в офицерской палатке, приступили к еде.

– И как же вы, господин полковник, собираетесь отворять ворота? – спросил Васибеки у Судейкина. – Лично я не вижу никаких возможностей.

– Вы слышали легенду о Троянском коне, господин Васибеки? – Задал вопрос Судейкин.

– А как же! -Воскликнул Полиарх. – Мне ли не знать об этом! Я, грек и, с детства слышал все легенды о странствиях Одиссея и осаде Трои.

– Тем более -продолжил Судейкин. – Именно подобным способом мы попадём внутрь города.

– Вы смеётесь! – возразил Полемарх. – Да кто же купится на такую уловку? Латиняне не хуже нас знают эту историю.

– Посмотрим –отвечал Судейкин, – во всяком случае, попытаемся.

– Поступайте, как знаете, но я не уверен в успехе этой задумки- заметил Васибеки.

Тем временем, в городе, собрались на совет руководители Константинополя. Это были Ансо ди Кайя –наместник императора Болдуина и Марко Градениго, правитель Венецианской части города., а также знатные рыцари и командиры отрядов. Был заслушан доклад прибывшего в город барона де Буасье, предупредившего о подходе Никейцев. Барон не мог точно сообщить число кораблей противника, но точно уверял, что их, по крайней мере, пять, притом у одного из них, по форме и размерам совершенно не похожего ни на один, известный барону военный корабль, имелся на мачте

незнакомый ему флаг. Описанный флаг никто не распознал, кроме одного из капитанов галер.

Тот вспомнил, что такой же флаг имел корабль, посетивший в прошлом году Nikeю, с таинственным визитом, а капитан корабля имел аудиенцию у императора Иоанна. Как доносят соглядатаи, обитающие при дворе императора, речь шла о совместных действиях против католиков. Имеются, ничем не подтверждённые, но имеющие действительные факты, слухи, что этот корабль, в одиночку, разорил крепость Судак и город Тан, а также потопил одну и захватил в плен другую галеру Венецианцев.

Выслушали и вернувшегося от осаждающих графа Гугона, сообщившего о намерениях и дерзких предложениях Nikeйцев. По словам полемарха Васибеки, тот ожидает прибытия подкрепления, а в настоящий момент количество Nikeйцев и их союзников не превышает размеров гарнизона крепости, а возможно, даже меньше. Высказалось предположение, что флот Nikeйцев захватил дежурившие галеры врасплох и не позволил им заплывать в пролив Босфор. Скорее всего, обе галеры, не рискнув сразиться с превосходящими силами противника, отступили в море или на запад от пролива.

Необходимо немедленно снарядить сотню всадников и послать их из Галаты, по азиатской стороне пролива, просле-

довать до побережья Чёрного моря, с целью восстановить сообщение с галерами и согласовать с ними взаимодействие, а также, по возможности, разглядеть количество судов на европейском берегу в бухте Состениона.

Одновременно выслать сотню всадников к Цурулу, чтобы поставить в известность императора и уверить его в том, что город в состоянии защититься самостоятельно, ввиду незначительных сил противника. Марко Градениго выразил уверенность, что слова Васибеки о подходе подкреплений, не более, чем блеф, а вся эта экспедиция, всего лишь ложная операция, ставившая перед собой задачу, отвлечь часть сил крестоносцев от осады Цурула.

Все рыцари совершенно согласились с данным предположением и приняли решение, пока не предпринимать никаких действий, ограничившись наблюдением. Тем временем, по приказу Судейкина, юнкера запрягли полтора десятка лошадей и покатали с их помощью БМД по дороге к воротам Селиври и в двухстах метрах от них, выпрягли коней и ускакали, оставив БМД на виду у расположившихся на стенах воинов.

Демонстративно, в БМД влезли шестеро юнкеров и один из них, открыв люк, надзирал за воротами и стенами крепости. Латиняне выстрелили из арбалетов по машине, но болты

либо не долетали, либо летели мимо, а пара попавших в машину болтов не причинили ей ни малейшего вреда. Стрельбу прекратили из-за бессмысленности.

Следом за БМД, пять лошадей прикатили САУ и оставили её в 150 метрах от БМД, ближе к лагерю. Так же демонстративно, в неё влезли трое юнкеров и также начали наблюдать за крепостью. Вторую САУ подтащили к Меландезийским воротам и оставили на полпути между лагерем и воротами. Что интересно, осаждённые могли разглядеть, что находящиеся в машинах воины, свободно вылезают из машин, справляют нужду в стороне или просто сидят сзади, прикрывшись машинами от случайных выстрелов. Об этом странном поведении врага и непонятном назначении железных повозок, было немедленно сообщено руководству города и через некоторое время лично сам ди Кайя, появился на стене с десятком рыцарей и долгое время наблюдал за этими устройствами и действиями воинов противника.

С рыцарями он поделился предположением, что из-за малочисленности отряда, Никейцы поставили эти повозки для предупреждения о возможной вылазке латинян и поэтому не представляют опасности. В то же самое время, я вылетел в сторону Чёрного моря, имея с собой Арзамаса, в качестве наблюдателя и, набрав высоту, направился в сторону Цурула через Константинополь, на высоте более 3-х километров. В

городе происходили перемещения воинских отрядов в различных направлениях. Заметили 4 боевых галеры, стоявшие в гавани Золотой Рог. Вообще во всех гаванях города наблюдались несколько десятков кораблей различного назначения.

Никто не спешил покидать город, видимо уверовав в свою безопасность. Далее мы полетели вдоль побережья Мраморного моря на запад и через полчаса оказались над крепостью, явно находящей в осаде. Были отлично видны палатки осаждавших, камнемёты, время от времени посылавшие камни в стены крепости. Тысячи фигурок людей суетились под нами. Если кто-то нас и увидел, то вряд ли что-нибудь понял.

Мы разглядели и место расположения императора, на небольшой возвышенности в паре километров от крепости. В нашу сторону никто не двигался, и мы вернулись обратно, совершив посадку со стороны Чёрного моря. Я и Арзамас прошли в палатку – штаб, где нашли всех командиров. Со стороны города всё было спокойно. У нас же, приняли меры предосторожности, окружив лагерь постами и соорудив в его середине вышку из срубленных неподалёку деревьев. Вышка получилась неказистая и высотой всего в 8 метров. Тем не менее, на ней расположили пункт наблюдения за крепостью.

Примерно в 20 часов устроили ужин, причём, на виду у врага, провели смену экипажей машин. В Константинопо-

ле вновь собрались руководители обороны, чтобы обсудить донесение разведки, вернувшейся от берега Чёрного моря. Разведка доносила, что, добравшись до Никомедийского берега, обнаружила обе галеры в разбитом состоянии, лежащие на мели у берега. Местные рыбаки сообщили, что рано утром, произошло сражение между галерами и неизвестным кораблём, окончившееся уничтожением галер. В течение дня, оставленные здесь пленные Венецианцы, захоронили более сотни убитых. К вечеру, пленных забрал этот же самый корабль и удалился в пролив.

Группа наблюдателей, тем временем следила за действиями вражеской эскадры в бухте Состениона. В бухте стоят на причале 4 Никейских галеры и два чужих корабля, один из которых выглядит совершенно не типично для кораблей всех стран региона. Заметно, что в бухте присутствуют совсем немного людей, оставшихся сторожить корабли. По прикидкам, их не более 200 человек.

При этом, сотня располагается на берегу, а остальные на кораблях. Со стороны осаждающих ничего не предпринимается, да и что они могут сделать? Графы Шамплит и Гугон, а с ними Марк Санудо предложили сделать вылазку и захватить железные повозки. А командующий флотилией адмирал Лоренцо, настаивал на нападении на эскадру противника немедленно. Тем не менее, рассмотрев все предложения, по-

становили – сегодня ничего не предпринимать и подождать развития событий до завтра. Что предпримет враг?

Штурм Константинополя.

2 июня. Суббота. Ночь прошла спокойно, хотя 300 юнкеров не спали, ожидая сигнала о захвате ворот. Утром, после завтрака, произвели смену дежурных в машинах. Между воротами поставили дополнительно ЗИЛ 131, на расстоянии от стены в 600 метров. Лагерь жил своей жизнью – примерно половина солдат спали, готовясь, на всякий случай, бодрствовать ночью, другие занимались ремонтом оружия и доспехов, некоторые, подойдя поближе к укреплениям, рассматривали стены и башни. По рассказам Василяки стало известно, что общая протяженность стен – 5630 м.

Центральная часть сооружений имеет 12 м высоты и 5 м ширины. Через каждые 50 м стояли 20-метровые башни. Их количество составляло около 100 (6 и 8-угольных

конструкций). В стенах имелось множество ворот, но самыми знаменитыми были Золотые, пропускавшие внутрь караваны и пешеходов. Все ворота имели подъёмный мост через ров, а ширина прохода по нему равнялась всего 3 метра. Перед входом

дорогу охватывали две, выдвинутые вперёд фронтальные башни, из которых на пытающихся прорваться к воротам,

лили расплавленную смолу и осыпали стрелами.

А вот попавшим под въездную арку, толщиной в 6-10 метров, уже не угрожала опасность сверху, а только со стороны города. Поэтому главной задачей, ставилось проникновение под арку и оборона от нападавших со стороны улиц, с целью недопущения поднятия моста и закрытия ворот. Нашей задумкой было вызвать любопытство со стороны латинян к нашим машинам. Мы предполагали, что ночью, латиняне сделают вылазку и захватят БМД.

Несомненно, что они потащат машину в крепость, чтобы там, под прикрытием стен, выковырнуть из машины экипаж и разобрать с ним. А по нашему плану, экипаж должен был при прохождении под аркой, включить моторы и начать отстреливать окружающих, с последующим захватом ворот и удержанием их, пока в них не ворвутся наши основные силы.

Ну а пока, Венецианцы и крестоносцы со стен, переругивались с Никейцами, показывая друг другу неприличные знаки. До обеда обе стороны не предпринимали никаких шагов. Васиlaki сильно нервничал, ожидая, что Болдуин пришлёт подмогу городу, тысяч десять латников и тогда нам, несдобровать. Судейкин успокаивал его, напоминая, что до Цурула два дня хода и, даже, если он пошлёт подмогу, то её следует ждать не раньше, чем через 3 дня. К обеду, я уже

второй раз поднимался в воздух для разведки, но пока никаких опасностей не находил.

Однако, после обеда, с наблюдательного пункта, ведущего наблюдение за боевыми галерами, донесли, что галеры снялись с якоря и направились к выходу из гавани к проливу. Пришлось взлетать, чтобы определить, куда они направятся. Когда я сверху заметил, что галеры сворачивают в сторону Чёрного моря, сомнений не осталось – они собираются напасть на нашу эскадру. Я немедленно вернулся и сообщил об этом остальным.

Объявили тревогу и начали собирать отряд для отправки на помощь эскадре. Однако враг предусмотрел подобное развитие событий и совершил вылазку против нас. С наблюдательной вышки донеслись крики, призывающие к вниманию. Однако уже и так было видно, что раскрылись Меландезийские ворота, опустился подъёмный мост и из крепости начали выезжать конные рыцари, скапливаясь за мостом и выстраиваясь «свиньёй». Все планы летели к чёрту.

Судейкин немедленно начал перестраивать наши порядки. Раздались команды и наши Рязанские полки, имеющие опыт маневров и боёв с монголами, моментально выстроились против ворот в две шеренги, общей длиной по фронту в 300 метров из 500 юнкеров. С правого фланга выступали

300 катафрактов Васибеки на конях, а за ними, колонной, тысяча skutатов –тяжело вооружённых пехотинцев. Слева, также, колонной по 50 человек в ряд –казаки, ещё левее 320 Воронежских дружинников. В резерве остались 500 легковооружённых пехотинцев Васибеки. Несмотря на опасность, в сторону Состесиона поскакали взвод юнкеров на 30, имеющих у нас конях и почти бегом, поспешили 200 дружинников князя Ингваря и 200 лёгких пехотинцев Васибеки.

Вырисовалась общая картина сражения. До 300 конных рыцарей, выстроились свиной и начали разбег в нашу сторону. Следом за ними выбежали ещё примерно 500 пеших латников и, выстроившись в три шеренги двинулись следом за рыцарями. Открылись вдруг и ворота Силиври, выпуская 200 конных рыцарей и 500 пехотинцев. Не обращая внимания на САУ и БМД, они ринулись в бой. На стенах столпились несколько сотен защитников, наблюдая за ходом сражения.

По замыслу, выстроенная «свиной» колонна, должна была опрокинуть и растоптать наш центр, на удивление рыцарей, столь жидкий, что было заметно колебание первых рядов колонны, раздумывающих, а не повернуть ли на более опасный, с их точки зрения, наш правый фланг, состоящий из конных катафрактов, но это было уже невозможно, так как кони уже набирали скорость. Вышедшие из ворот Силиври,

также выстроились в колонну и начали атаку на катафрактов. Судейкин, находящийся в центре шеренги юнкеров выкрикнул команду и, юнкера, строго по науке, поставили щиты на землю и прицелились в несущуюся на нас массу рыцарей.

Я находился со своими двумя взводами ближе к катафрактам и повторил маневр, поставив щит на землю и выставив на него АКМ. Зрелище, несущихся на нас тяжёлых рыцарей, в блестящих на солнце латах, с разноцветными плюмажами на шлёмах и разнообразными рисунками на щитах, было грандиозным и прекрасным, а также страшным одновременно. Расстояние до конницы сократилось до 150 метров, когда последовала команда —«Огонь»! 500 карабинов и автоматов не оставили коннице рыцарей ни малейшего шанса.

Строй рыцарей моментально смялся и превратился в кучу-малу. По инерции, падающие кони и люди катились юзом ещё по 20-30 метров, прежде чем, замереть в неподвижности. В это время, катафракты схлестнулись с рыцарями лоб в лоб. Конечно же 200 рыцарей против 300, аналогично им, вооружённым катафрактам, не выдюжили и были рассеяны, вступив в одиночные схватки с отдельными катафрактами. В это время правый фланг юнкеров перенёс огонь на рыцарей, выехавших и выбегающих, из ворот Силиври. Здесь свершилось самое непоправимое для латинян. Взрели моторами БМД и обе САУ, ринувшись к распахнутым воротам. Снача-

ла, стоящие на стенах и дежурившие у ворот латники, даже не услышали, а услышав, не обратили внимания надвигающихся к воротам боевым машинам.

Да они, малограмотные кнехты, не могли уразуметь, что машины едут сами, без помощи лошадей, тащивших их вчера по дороге. Некоторые, с криками ужаса побежали от машин в сторону города, другие замерев, наблюдали за приближением грозных чудовищ. Первыми пришли в себя, стоявшие на стенах арбалетчики и начали обстрел машин, уже почти в упор, совершенно без успехов. БМД короткими очередями уничтожила десяток стражей у ворот и, не обращая внимания на тучу арбалетных болтов и стрел, отскакивающих от брони, въехала под арку ворот и проехав до выхода в город, остановилась, постреливая по пытавшимся напасть на неё отдельным воинам.

Примерно такая же картина приключилась в Меландезийских воротах. Оставшись в тылу нападающих крестonosцев, САУ, а следом за ней ЗИЛ 131, ринулись к воротам. Всего две минуты понадобились САУ, чтобы въехать под арку и немного вперёд, до выезда, чтобы держать под обстрелом все, лежащие перед воротами, улицы, оставив место для ЗИЛа, въехавшего следом и занявшего оборону против возвращающихся после неудачной атаки, латинян. В воротах Силливири, САУ держал оборону от нападавших со стороны го-

рода, а БМД со стороны поля боя.

В это время, бой перед стенами заканчивался. Вся тяжёлая конница латинян была повержена и происходила массовая сдача в плен выживших рыцарей. Кинувшаяся в атаку пехота, очень быстро распознала всю бесперспективность своей атаки и бросилась обратно к воротам, преследуемая казаками и Никейцами. Многие венецианские пехотинцы, показывая отменную храбрость, развернулись в сторону преследующих и схватились с наступающими казаками и лёгкой пехотой Nikei, осознавая, что силы не равны.

Сотни удирающих со всех ног, пеших наёмников, вступили на узкий мост к воротам и были встречены пулемётными очередями из ЗИЛа в Меландезийских воротах, а в воротах Силиври пушечными выстрелами в упор из БМД. Десятки людей падали убитыми и ранеными в ров, другие повернув назад, оказались перед наступающими их Никейцами. Большая часть зажатых между молотом и наковальней, ринулись к Мраморному морю и расположенным в той стороне, Золотым воротам.

Но они просчитались, ворота не открыли, и люди кинулась в разные стороны, преследуемые Никейцами. Воины, стоящие на стенах и башнях, пришли в себя и открыли стрельбу по нашим соратникам. Судейкин выкрикнул ко-

манду и все 500 юнкеров, огибая громадную кучу поверженных всадников, быстро пробежали к стенам и, остановившись в ста метрах от них, начали выборочно отстреливать арбалетчиков, высывающихся между зубцов стен, для очередного выстрела.

Очень скоро, уразумев свою беспомощность против огнестрельного оружия, защитники спрыгнули со стен и помчались к стене Константина, подстёгиваемые командами уцелевших командиров. В поле, перед стенами, остался один друнг (400 человек), под командой друнгария Фёдора Дафнопата, с задачей собрать всех, сдавшихся в плен латинян, и одна центурия, для уничтожения пытающихся сопротивляться. Все защитники стены Феодоссия, со стороны Золотых ворот, покинули её и организованно начали отходить к стене Константина у церкви богородицы Перивлепты.

В открытые ворота Силиври начали вливаться сотни казаков и Никейцев, разливаясь потоками по улицам города. Юнкера и дружинники вошли через Мезанделийские ворота и, пропустив вперёд САУ и ЗИЛ в две параллельные улицы, пошли следом. В городе стоял громкий шум скрежечающихся мечей и ударов по щитам. Громко вопили убиваемые и ещё громче раздавали команды командиры, топот тысяч ног сливался с рёвом наступающих казаков и дружинников. Не подвергнувшись атаке, защитники другой половины

стены, от Меландезийских до Калигарийских ворот, также организовано, спускались со стен и перемещались к стене Константина в район у церкви двенадцати апостолов, откуда их перераспределяли по всей длине стены Константина.

Преследующие бегущих перед ними латинян, машины, достигли второстепенных ворот, ведущих к форуму Аркадия, когда, вдруг, впереди возникла пробка. Раздался звон мечей и крики убиваемых и нападавших. Как оказалось, это были восставшие греки, которые, по предварительной договорённости, тайно собрались у этих ворот и увидев удирающих латинян, объединились и напали на них. Оказавшись в окружении, на узкой улице, ромейцы сдавались нам, бросая оружие.

Восставшие громко выражали радость, махая мечами и копьями. Большим плюсом являлся тот факт, что обе улицы от захваченных нами ворот сходились в этом месте, так что все наступающие союзники, подступали к этому проходу. Дождавшись прихода Полемарха, Судейкин попросил его распоряжаться в дальнейшем продвижении, как хорошо знакомым с городом и расположением улиц. Между тем, отряд венецианцев, прибывший на шум из латинского квартала, заметив скопление врага у ворот, открыл стрельбу по восставшим, а затем напал на них с северной стороны. Разгорелся бой.

Было очень тесно и восставшие, находясь к нам спиной, загромождали проход. Перекрывая шум боя, полемарх закричал, чтобы последние немедленно разбежались в сторону, освобождая дорогу БМД. Этот крик услышали, и греки раступились. В проход проник БМД и полоснул очередь по толпе Венецианцев. Стены домов, не позволяли разбежаться, и Венецианцы падали рядами на землю. Задние давили на передних, увеличивая панику. Многих задавили свои же. В городе царила неразбериха.

Нам удалось захватить всего лишь небольшой участок города, узкой полосой, в примерно полкилометра, от ворот Силливири и Меландезийских до форума Быка, при этом, прижав южную часть обороняющихся, к внутренней стене крепости у церкви святого Акакия и Богородицы Энергетиссы. В переплетении улиц и переулков, было очень трудно выкурить обороняющихся оттуда. В руках латинян оставались вся северная половина города и весь восточный район с Акрополем, а также латинский квартал, опасный, живущими там Венецианцами, имеющими возможность организовать местное ополчение.

В общем, мы захватили примерно пятую часть огромного города. с населением в 200 тысяч человек. А нас было слишком мало, чтобы развивать успех далее. Выручали местные

жители, подсказывая места скопления врагов. Устроив короткое совещание, мы решили закрепиться на захваченном участке и вдоль стены Константина, чтобы не дать латинянам обойти нас со стороны. В тот же час, на стену были направлены триста дружинников, срочно разбитых на 30 десятков, возглавляемых вооружёнными карабинами или автоматами юнкерами. Каждый десяток расположился на верху тридцати башен стены Константина, в прямой видимости друг друга и заняли там позиции. Остальные распределились по ближним улицам и приготовились к обороне.

САУ и БМД двинулись по трём разным улицам к Амастридскому форуму, церкви Панакранты и сорока мучеников. Сотня казаков перекрыла дорогу от форума Быка до внутренней стены, загораживающей от гавани Феодоссия, заперев группировку, человек 200, между воротами Вланга и святого Эмилиана. Сражение длилось уже пять часов и начинало темнеть. Часы показывали половину девятого вечера.

По просьбе полемарха, руководитель восставших, Георгий Пахимер, призвал всех своих сторонников и призвал их привести надёжных людей, которым можно доверить оружие и принять в свои ряды. В недавнем бою, Георгий потерял более двухсот единомышленников. Оставалось 346 человек, вооружённых чем попало и совершенно без доспехов. Мы срочно раздевали убитых врагов, собирая оружие и доспехи,

которые немедленно передавали восставшим, а сами срочно начали подсчитывать число оставшихся в строю. В начале сражения в строю стояли 3970 человек.

В сторону стоянки кораблей отправились 430 человек. После боя, остались за стенами в лагере 500 человек. Итого 930. Значит нас должно остаться 3040. Всем командирам велели сосчитать своих людей, хотя бы примерно. Через полчаса, собрав информацию от командиров, получили результат – примерно 2200. Ещё имелись местные ополченцы, число которых начало расти и, возможно, может достичь полутора тысяч, а может и больше, так как некоторые местные жители непрерывно подходили к нам и просили взять их с собой. Количество латинян было неизвестно, хотя их потери можно было примерно подсчитать. Подсчитали.

Выходило, что латиняне потеряли в бою за стенами около 1500 человек убитыми и пленными. Сколько их погибло на стенах и в самом городе, подсчёту не подлежали. Можно было принять эту цифру за 300- 600 человек. На галерах, в налёт на нашу эскадру, кроме команды галер, отправились около 500 человек. В этом случае можно считать, что против нас действуют всего 700 -1000 человек. Но Венецианский квартал, может выставить до 1000 ополченцев из своей среды.

Таким образом будем считать, что против нас сражаются

около 2000 воинов. Нас примерно столько же, то есть, фактически, силы равны. Из этого расчёта и будем действовать. Во-первых, следует выслать две сотни, лучше всего, Nikeйцев, в лагерь. Проверить обстановку на месте, а затем отправить два десятка к стоянке кораблей и узнать, что там происходит. Немедленно послать один десяток к нам с донесением.

Ну а мы будем действовать следующим порядком. Ещё 300 человек разбить на десятки и каждый, с одним из юнкеров с карабином, послать на стены, чтобы занять очередные 30 башен, начиная от стыка со стеной Константина до стены Феодоссия, у Золотых ворот и по всей стене Феодоссия до Фанарских ворот в гавани Золотой Рог.

Этим, мы сможем контролировать треть города и выходы из него на запад и в сторону Чёрного моря. Сейчас мы займёмся уничтожением группировки противника в районе церкви святого Акакия. Для этой цели направили в южном направлении три группы по разным улицам на юг. Однако противник не стал ждать нас, а открыв ворота Вланга, выбрался в гавань Феодоссия и вдоль берега, по узкой полоске, между морем и стеной, проскользнул в незанятую часть города. Однако, это облегчило нашу работу, и мы смогли взять в свои руки ещё несколько кварталов города.

Расставив наши войска вдоль речушки Ликос, протекающей через город и впадающей в гавань Феодоссия и, как раз, являвшейся границей, контролируемой нами территории, мы начали осторожно продвигаться к церкви Стефана Первомученика, за которой начинался латинский квартал, а с южной стороны, между улицей Меса и стеной, в направлении Ипподрома, захватывая всё новые кварталы. С южной стороны, сопротивления пока не встречали и предположили, что остатки обороняющихся перешли в Латинский квартал, Ипподром и дворец императора.

Продвижение в Латинский квартал остановили, сосредоточившись на захвате южной части города. В самом деле нам удалось дойти до Ипподрома достаточно свободно, но здесь нас встретили несколько сотен латинян. Мы не стали вступать в бой, решив укрепиться на этом месте и ждать до получения сведений извне. Все наши машины отъехали немного назад и заняли позиции посреди улиц, в окружении отдельных отрядов и время от времени, включали прожектора, выискивая нападающих.

Юнкера получали боеприпасы и снаряжали магазины. Раздавали всем подряд лепёшки с холодным мясом, так как поужинать не удалось. Я послал Арзамаса и с ним 20 дружинников, проверить состояние самолёта. Я очень беспокоился о его безопасности. Последний раз я оставил для его

охраны два десятка дружинников и пятерых своих юнкеров. Бои в городе временно прекратились, но шум, создаваемый суетой и перемещением отрядов, был слышен во всех концах города.

Подбегали посланцы с передовой, сообщая о состоянии дел. В гавани Золотой Рог, иностранные корабли, с началом боя были арестованы местными властями и сейчас, загруженные гражданским населением, в основном из латинского квартала, отплывали в Мраморное море, направляясь в сторону Цурула. Все гавани вокруг города опустели.

Видимо в городе, из числа итальянцев, остались только мужчины, способные держать оружие, а значит нам предстояла серьёзная работа. Латиняне не собирались покидать город, тем, более, что силы наши примерно сравнялись. Из истории мы помнили, что Никейцы, ворвавшись в город, подожгли латинский квартал, но мы не стали повторять этот приём, боясь всеобщего пожара.

Все наши воины были предупреждены о запрете грабить и разрушать жилища местных жителей и последние сидели в своих домах, закрыв все окна и двери. В половине одиннадцатого вечера, вернулся Арзамас и сообщил о состоянии дел в лагере. Военнопленных согнали в одно место и заставили сидеть там. Число их было точно не известно, но при-

мерно в 400-500 человек. Прекратились последние стычки с прятавшимися крестоносцами и наши дружинники, действуя отрядами по 20-30 человек разыскивали остатки разбежавшихся.

Пленных охраняли 250 Никейцев. Ещё столько же, до темноты, собирали брошенное оружие и наших раненых, которых переносили в лагерь и укладывали в палатках, где им оказывали первую помощь. В целом, за сохранность лагеря и самолёта, можно было не беспокоиться. Наконец, около 12 часов ночи, прибыли посланцы из Состениона.

Там произошли следующие события: пока я, проследив за курсом галер Венецианцев, возвратился на землю и сдал самолёт под охрану, пока доложил об опасности, пока мы не послали помощь, галеры подошли к мысу, загораживавшему вид на бухту Состениона и высадили в том месте десант из 500 человек, а затем ворвались в бухту. Из донесений разведки, им было известно, что прямо за мысом, с левой стороны стояли на причале 6 кораблей. В самом дальнем углу расположился катамаран, затем 4 галеры и прямо за мысом, парусно-паровая галера «Ока», пришедшая в бухту последней.

На всех кораблях присутствовали команды в полном составе. На берегу находились несколько десятков Никейских

матросов. Вражеский десант, перевалив через холм на мысу, рассредоточился на несколько отрядов, скрываясь среди кустов и деревьев, чтобы напасть на все корабли одновременно и выжидал момента появления атакующих галер. Вход в бухту был слишком узким и галеры начали врываться в неё, по очереди, на полной скорости. Замысел врага был следующий – первая галера атаковала катамаран и должна была его протаранить и взять на бордаж.

Следующие действовали по обстоятельствам. Время только что показало 5 часов дня. Было светло, и наблюдатели заметили прячущихся в кустах, приготовившихся к нападению латинян. Раздались крики, поднялся шум, заставивший латинян кинуться в бой. У галер развернулось сражение. А вот нападшим на наши корабли не повезло. Наученные горьким опытом, дежурные были начеку, а пулемётчик в кабине, обязан был находиться на месте в любое время дня и ночи. Латиняне уже взбегали по сходням на палубу корабля, когда по ним полоснули очереди пулемёта.

Такая же картина наблюдалась и на катамаране, а вот на галерах, дела обстояли хуже. Бой шёл непосредственно на палубах. Никейцы не успели применить арбалеты и вынуждены были отбиваться мечами и копьями. В это время в бухту, можно сказать, влетела первая галера и помчалась курсом на катамаран, стоящий кормой к причалу, Второй пулемёт

немедленно открыл стрельбу по галере, уничтожая столпившихся на носу и бортах воинов, однако галера, продолжала плыть по инерции, хоть и сбавив скорость, потеряв много гребцов убитыми, а остальных заставив бросить вёсла.

Расстояние было слишком мало, чтобы галера полностью потеряла ход. Команда «Воронежа» пыталась остановить галеру, упираясь в неё имеющимися на борту вёслами и шестью, но удара избежать не удалось. Подводным тараном галера вломилась в борт катамарана, пробив дыру с правой стороны носовой части. Удар был замедленный, но чувствительный. Несколько человек команды вывалились за борт, но большинство смогли устоять. Под напором галеры, катамаран сдвинулся назад и разрушил причал в этом месте, упёршись кормой в берег.

Вторая галера, ворвавшись в бухту, была обстреляна уже не только из пулемёта, но и из пушки, так что, потеряв управление, она ударила по корме первой галеры, заставив первую галеру глубже воткнуться в катамаран и разворотив её корму. Третья галера вошла в бухту не полностью, а только показав нос, по которому были произведены выстрелы из пушки. Гребцы отчаянно гребли назад, но пока галера остановилась и начала выплывать из бухты, её нос был разбит вдребезги, и она начала тонуть.

Четвёртая галера, увидев трагический конец атаки, начала выбираться из бухты в пролив. Задержать её не было возможности, и она беспрепятственно выбралась в пролив и вернулась в гавань около 7 часов вечера. О случившемся было сообщено руководству, которое приняло решение оставить её в гавани, на случай бегства.

В это время продолжался бой в бухте Состениона. Отбив атаку на «Оку», команда начала помогать стоящей рядом галере, отстреливая сражающихся на палубе с Никейцами, латинян, Катамаран огрызался огнём по нападавшим с берега и с галеры. На остальных галерах шёл бой, когда со стороны села показались юнкера на лошадях. Спешившись, они напали на латинян с тыла. Солнце ещё не село, и латиняне представляли из себя отличные мишени. Тем не менее враги захватили две галеры, стоявшие посредине и скрывались за их бортами, опасаясь выбраться наружу под пули юнкеров.

Они заставили гребцов захваченных галер начать выгребать к выходу из бухты, но затонувшая третья галера, не давала возможности выплыть. В то же время латиняне подвергались обстрелу из карабинов и пулемёта, со стоящей у выхода «Оки». Поняв безвыходность ситуации, латиняне подняли белый флаг. Команда утонувшей галеры, вплавь добралась до берега и разбежавшись по лесу, устремилась в направлении Галаты. Их не преследовали. В это время на при-

чал высыпали 400 дружинников, заставив пытавшихся сопротивляться латинян бросить оружие.

Начали разбираться в ситуации. Всех пленных, заставили сдать оружие и доспехи, а потом собрали вместе и окружили охраной. Раненых переносили в церковь и раскладывали на полу. В селе нашлись несколько человек, умеющих оказывать помощь раненым, они тут же, занялись своим делом. Галеры водворили на места, они пострадали незначительно. С помощью «Оки» начали растаскивать образовавшуюся кучу первых двух галер и катамарана. Канатами прицепили поочерёдно галеры и оттащили от катамарана, прибуксировав их к причалу.

Обе галеры сильно пострадали и дали течь, которую не успевали откачивать. Приняли решение посадить их на мель, что и было сделано. Начали осматривать повреждения «Воронежа». Какими предусмотрительными оказались проектировщики, устроив непроницаемые переборки в корпусах корабля. Затопленной оказалась одна секция, в результате чего, приняв внутрь до 50 тонн воды, катамаран несколько осел на правую сторону, оставшись на плаву. Пробоину начали заделывать, благо вода была тёплой.

Включили насос и стали откачивать воду. В течении двух часов, наспех залатали дыру и осушили секцию. Теперь сле-

довало убраться затопленную у входа галеру, чтобы выбраться в пролив. Глубина в этом месте, не превышала 4 метров и проплыть над галерой было невозможно. Мачты и выступающие части корабля, возвышались над поверхностью воды. Сдвинуть галеру даже и не думали.

Начали шестами промерять глубину с обеих сторон потонувшей галеры, рассчитывать ширину необходимого прохода, прерванного наступившей темнотой. Ничего не оставалось делать, как прекратить работы. Эта волокита продолжалась до половины первого ночи. Но уже в 11 часов вечера в лагерь отправили сотню дружинников и прибывших на выручку юнкеров. Они-то и сообщили нам о деталях происшествия.

Освобождение Константинополя.

3 июня. Воскресенье. 1 час ночи. Мы собрались в церкви Панахранты, чтобы обсудить дальнейшие действия. Судейкин, Георгий, Васибеки, Кочебор, Воевода Ингваря Тимофей Твердоус, Архип и трое друнгариев. Мы уже уяснили, что врагов в городе не более полутора тысяч, а наше войско увеличивается ежечасно. Георгий сообщил, что у него уже почти 1800 человек. Оружие и доспехи для них, мы принесли из лагеря, снятое с пленных и убитых латинян.

Приняли следующее решение - наступать тремя колоннами. Первая колонна, под командой Василяки, на район города Платея, расположенный в углу, образованном стыком стены Константина и стены, отгораживающей город, от гавани Золотой Рог. Вторая колонна, под командой Архипа, должна расширить нашу территорию от этого места на восток, до форума Константина. А третья колонна, под командой Георгия, захватить ипподром и подобраться к дворцу императора. Мы остаёмся в резерве и двигаемся следом за колоннами, оставив здесь один друнг Никейцев и ЗИЛ.

Впереди каждой колонны будет следовать БМД, БРДМ и два САУ. Сражение продолжилось. Опять шум всколыхнул город и фары прожекторов машин осветили направления ударов. Продвигаться по улицам, населёнными местными, было гораздо безопаснее. Враг не мог находиться здесь без риска, быть преданными. Сражаться с жителями домов, тоже не входило в планы латинян. Так что, с небольшими потерями, удалось взять под контроль почти всю часть города, заселённую греками.

Ипподром дался не так легко, ополченцы Георгия столкнулись с ожесточённым сопротивлением группы рыцарей и оруженосцев, защищённых крепкими доспехами. Ценой больших потерь, пользуясь многократным превосходством в количестве, удалось выбить и, частично, уничтожить груп-

пировку противника, загнав выживших на территорию дворца императора. К 4 часам утра, поставленные задачи были выполнены.

Сделали перерыв, улёгшись спать прямо на улицах под защитой машин и дежурных. Местные жители выносили нашим бойцам вино и пищу. Мне тоже удалось подремать 2 часа. Встав в 6 утра, мы разглядели при свете солнца результаты штурма. В руках латинян оставалась полоса города шириной до 400 метров, идущая от стены Константина и захватывающая кварталы итальянцев вдоль гавани Золотой Рог, а потом вдоль Босфора до его соединения с Мраморным морем, включая императорский дворец и надёжно укреплённый Акрополь. В наших руках оказалось 90% территории города.

Осталось самое трудное. За ночь, итальянцы перегородили улицы своих кварталов баррикадами, засев за ними с арбалетами и луками. А дворец и Акрополь, являлись мощными укреплениями. Начать решили с итальянцев. Здесь проживали Венецианцы, Генуэзцы, Пизанцы и другие иностранцы, не только из Италии. Мы решили пойти на хитрость. Полемарх Василаки, через мегафон объявил, что мы воюем только с Венецианцами, а остальных не будем трогать вообще и поэтому мы приглашаем их выйти к нам и сдаться. Взамен они получат свободу после захвата города и смогут вер-

нутья в свои жилища. Их дома не подвергнутся ограблению.

Время на размышление, давали один час. В стане врага начался шум и суета. Мне Судейкин велел лететь до Цурула, чтобы уточнить, не идут ли на помощь осаждённым войска. Я ушёл с Арзамасом и через короткое время, летел к Цурулу. На расстоянии в 10 км от Цурула мы разглядели отряд кавалерии, скакавший в нашу сторону, видимо, только что выехавший из лагеря осаждающих. Как оказалось, Болдуин не внял уверениям ди Кайо о том, что крестоносцы удержат городе без помощи и выслал 3 тысячи кавалерии, на всякий случай.

Мы немедленно повернули обратно. Оставив самолёт под охраной, я помчался к нашим позициям и сообщил о результатах разведки. По примерным расчётам, подмога прибудет или поздно вечером, или завтра утром. Времени оставалось совсем ничего.

Послали небольшой отряд на азиатский берег в Никомедию, находящуюся в 40 км от пролива, чтобы оттуда прислали хоть сколько-нибудь подкрепления, а также сообщили императору Дуке, об освобождении столицы. Но надежды было мало. Подкрепление раньше завтрашнего вечера не успеет, но может быть, мы продержимся это время. Между тем, во время моего полёта, время, отпущенное на разду-

мья, окончилось. К нам вышли всего около сотни Испанцев, Англичан, Неаполитанцев, Турок, которым разрешили удалиться и ждать окончания битвы на контролируемой нами территории.

Остальные решили сражаться, надеясь на помощь от императора. Судейкин дал приказ начать штурм латинских кварталов. Было уже 10 часов утра. Как раз нашей эскадре удалось выйти в пролив и оба наших корабля и две галеры подошли к гавани Золотой Рог, перегороженной цепью. К сожалению, эти части города ещё находились в руках латинян. Галеры продолжили путь и встали на причал в гавани Юлиана на Мраморном море, напротив ипподрома. С неё вышли 300 наших дружинников и примкнули к нам.

Итак, по трём параллельным улицам, двинулись вперёд, на баррикады, БМД, САУ и БРДМ. Выстрелами из пушек, разметали преграды и двинулись дальше, уничтожая наёмников и ополченцев. Следом шли казаки, Никейцы и Рязанская дружина, врываясь в дома, выволакивая имущество наружу, громя ненужное. Мы вообще решили не рисковать своими юнкерами. Между нами, мы зареклись на будущее, участвовать в овладении городов. Наше дело – дать войти в город пехоте или разгромить врага в поле. Уже через час сопротивление итальянцев было сломлено.

Часть итальянцев сумели выбежать за ворота к гавани и, усевшись в уцелевшую галеру, переправиться в пригород Галлату, на другом берегу гавани. Не менее 500 итальянцев было убито, столько же взято в плен. В плен сдавались Генузцы и Пизанцы. За то, что они сразу же не сдались, их дома предавались погрому и ограблению. В 12 часов дня латинский квартал был захвачен. У нас объявили обеденный перерыв.

Прибыли 4 походные кухни с готовой пищей, начавшие раздачу во дворе собора Христа Пантократора. Закончив обед, войска начали сжимать кольца, вокруг дворца императора и Акрополя. Во дворце засели знатные рыцари со своими отрядами и наместником императора Ансо ди Кайо. А в Акрополе остатки венецианцев и наёмники из Ломбардии и Милана. Убежать они уже не могли, так как выход из гавани, для оставшейся в единственном числе галере, был закрыт нашей эскадрой.

Окружив императорский дворец, Судейкин выслал к засевшим в нём крестоносцам парламентёра с предложением переговоров. Через 20 минут встреча состоялась в воротах дворца. На переговоры Судейкин послал Полемарха – пусть сам решает! Васибеки выдвинул следующие требования: всем рыцарям позволялось убраться из Константинополя на нашей галере, которую мы им дарим.

Они могут забрать с собой своё вооружение и карманные деньги, оставляя нам всё своё имущество, в том числе, боевых коней. В противном случае, никому из них не будет пощады, при штурме дворца. Рыцари попросили два часа на раздумья. Через два часа рыцари вышли из дворца и побрели, через наши ряды, к гавани Юлия. Проходя мимо, наместник Ансо ди Кайо, остановился и попросил познакомить его с руководителем нашей армии.

К нему подошёл полемарх, но Ансо сказал ему: – Я знаю, что это не ты сумел нас победить. Я хочу видеть истинного руководителя. Подошёл Судейкин. С помощью полемарха между ними произошёл разговор, в котором Ансо интересовался происхождением Судейкина и его положением в обществе. Очень удивился, что тот не имеет титула даже простого шевалье. Предложил тому служить у него за любые деньги, в чём Судейкин решительно отказался. Ансо пригласил его посетить себя с визитом в любое время, поскольку очень хочет с ним пообщаться. Судейкин неопределённо пожал плечами. На том и расстались. Крестоносцев со своими слугами, оставалось всего 160 человек.

Они погрузились на предоставленную им галеру и отчалили в Мраморное море. Венецианцы, засевшие в Акрополе, видели сцену убийства крестоносцев и, поэтому, когда и им предложили аналогичное требование, согласились. При

этом сдавался и весь пригород Галата с крепостью. Для венецианцев, своей галеры не хватило, и мы были вынуждены передать им свою, дополнительно. Они отпустили цепь, перегородивающую вход в гавань, и отплыли в количестве более 600 человек, едва поместившись в галеры. Город достался нам.

Об этом оповестил горожан через мегафон, один из друнгариев, проехав по улицам города в БРДМ. Толпы народа выбежали на улицы и праздновали освобождение. 36 лет город находился под властью иноземцев католиков. Не обошлось и без эксцессов. Были захвачены и выставлены на народный суд, говоря по-нашему, коллаборационисты, то есть те, кто поддерживал правящий режим Болдуина и, даже, принял католичество.

Произошли несколько казней, прямо на улице. Кого-то побили камнями, не до смерти, но очень больно. Дома обвиняемых были разграблены толпой. Нам с трудом, из-за малочисленности, удалось восстановить порядок. Комендантом города, временно объявили полемарха Василаки, определив его резиденцией дворец епарха. Первым же указом, полемарх призывал на службу всех мужчин, способных носить оружие и добровольцев.

Указы объявлялись посредством мегафона из разъезжаю-

щего по городу БРДМ. Мы торопились, чтобы до вечера создать хоть какое-то ополчение для защиты от Болдуина. Наш лагерь переместился в город, в акрополь. Туда же перенесли все захваченные трофеи. Спецкоманды обыскивали дворец императора, дома рыцарей и венецианцев, забирая все ценности и оружие. Пока шли разборки в городе, все башни на стенах заняли наши люди. На каждой башне по 3 юнкера с карабинами и 20 воинов из числа дружинников и ополченцев-греков.

Открыли городской арсенал и вооружили всех добровольцев арбалетами, луками и другим холодным оружием. Наши корабли вошли в гавань Золотой Рог и продвинулись до края города, чтобы видеть поле перед стенами, как раз там, где только что, был расположен наш лагерь. В Галату переправилась рота юнкеров и остатки казаков, понёсших наибольшие потери. Их оставалось всего 320 человек из 480.

Всего удалось вооружить до вечера 2700 добровольцев, которых отбирали лично офицеры из отрядов Nikeйцев. Наконец-то, удалось подсчитать примерные потери. Было убито и умерло от ран 710 Nikeйцев, 120 казаков, 46 дружинников Ингваря, 82 дружинника из Пронска и Рязани, 135 дружинников из Маргелово, 62 из Воронежа и 17 юнкеров, 10 из Маргелово и 7 моих.

Юнкера погибли в уличных схватках, из чего мы и решили, больше в них не участвовать. Всего погибли чуть более 1300 человек военных и до 500 ополченцев греков. Потери врага были солиднее. Латиняне потеряли только убитыми более 3 тысяч. В плен захватили примерно 1700 человек. А ещё были раненые. наших около 200 и латинян до 400. Точные цифры пока ещё не были известны. Мы ждали

французов от Цурула. Эти наёмники не торопились и в этот день, мы их не дождались. Мой самолёт перебазировали в Галату, опасаясь, что другая сторона гавани будет полностью занята французами. До конца дня грузили ценности из особняков рыцарей в ЗИЛ и отвозили в Акрополь. Считать было некогда. Нам помогали грабить местные жители. Конечно, они грабили не для нас, а в свой карман.

Мы не поощряли эти, их действия, но проконтролировать весь город не было возможности. Слава Богу, что не случилось пожаров! Из числа ополченцев создали народную милицию, которая пыталась навести порядок в городе. Церковные патриархи пытались устроить торжественные церемонии, но мы их отговорили, напомнив, что к нам движутся отряды наёмников. Выставив караулы, большинство наших бойцов завалились спать, сразу, после ужина

Защита Константинополя от Болдуина.

4 июня. Понедельник. Завтрак прошёл в нормальных условиях. Мы продолжили сбор ценностей, оставшихся от рыцарей. Васибеки организовывал оборону силами ополчения. К 2 часам, «под ружьё», поставили 5500 ополченцев. Офицеры Никейцы очень строго подходили к отбраковке слабых и старых добровольцев. Так что ополченцы, в основном, состояли из молодых людей в возрасте от 19 до 35 лет, достаточно здоровых на вид, без увечий.

Мы торопились выставить их на стены, не столько для фактической обороны, сколько для демонстрации, якобы, нашей многочисленности. Тут то и показались французы. Они скакали колонной по направлению к Золотым воротам, главному въезду в город, со стороны Мраморного моря. Все трупы и другие следы недавнего сражения были наскоро убраны и почти ничего не выдавало происшедшую здесь недавнюю битву.

Впереди колонны, в запыханных доспехах, но с красивыми плюмажами на шлёмках скакали самые знатные из рыцарей, переговариваясь между собой. Следом за ними, широкой полосой, скакали рядовые воины, отыскивая наш лагерь, о котором они узнали от посланцев. Однако лагеря не обнаружилось, зато ворота были заперты, а на стенах и башнях стояли сотни греков с взведёнными арбалетами и луками в

руках.

Колонна остановилась в 50 метрах от ворот. Рыцари, подняв головы, удивлённо взирали на негостеприимных хозяев. Первые несколько всадников, отделились от колонны и подъехали ближе. Один из всадников закричал на латыни: – В чём дело? Здесь находится граф де Шамплит, – при этом он указывал на стоящего рядом рыцаря. – А с ним 3000 войска. Мы требуем, чтобы вы немедленно открыли ворота и впустили нас к наместнику императора Ансо ди Кайо, а также предоставили нам пищу и отдых.

На стену взобрался Васибеки и отвечал: – Я комендант и временный епарх Константинополя, патрикий и полемарх Васибеки, при дворе императора Никеи Иоанна. Город сей всегда принадлежал нам, и мы только что, изгнали из него захватчиков. Сюда больше никогда не ступит нога иноземца, без разрешения его императорского величества Иоанна!

– У меня здесь 25 тысяч воинов и вам не удастся вновь завладеть городом. Я предлагаю вам вернуться обратно во Францию, бросив самозванца Болдуина! – Рыцари начали переговариваться между собой. Этот же рыцарь вновь крикнул: – Мы не признаём тебя, полемарх, епархом города и если нам не откроют ворота, мы захватим город силой и тогда разберёмся с тобой!

Полемарх отвечал: – Попробуйте! – и удалился.

Французы разъехались по полю, разбиваясь на отдельные группы, спешиваясь и усаживаясь на землю. С ними не было никакого обоза, видимо они взяли с собой небольшой сухой паёк на один день, намереваясь пообедать в городе. Главари собрались в одном месте и начали совещаться между собой, поглядывая на стены города. А вид стен заставлял задуматься. Стены и башни были заполнены вооружёнными воинами в доспехах и число их увеличивалось.

По скромным подсчётам, только на этой стене, между гаванью и Мраморным морем, расположились не менее двух тысяч человек. О штурме не могло быть и речи, тем, более, что все воины были уставшие, от многочасовой скачки под жарким солнцем. Через час, та же группа рыцарей подъехала к воротам и вызвала коменданта. Васибеки прибыл через полчаса и забрался на стену, чтобы выслушать предложения французов.

Между тем, французы, понимая, что им не в силах овладеть городом, а возвращаться в Цурул обидно, решили не маячить на виду у защитников, а отъехать от города на 10-20 км и послать гонца к императору, испрашивая дальнейших действий, а самим ждать его решения на месте. Граф Шам-

плит сообщил, что он согласен уехать прочь, но просит выдать ему продуктов для его отряда, поскольку они не располагают запасами пищи, а ехать им далеко.

После некоторых раздумий, было решено рыцарей продуктами обеспечить. Войску графа велели отойти на 3-4 км, а потом открыли ворота Силиври, вынесли в поле несколько бочек вина, двадцать туш быков, 1000 караваев хлеба, 20 мешков зерна для лошадей. Французы забрали эти продукты и, выстроившись в колонну, направились обратно. Мы, конечно, не стали предаваться радости. Эта маленькая победа, всего лишь небольшая отсрочка. Не было сомнений, что Болдуин уже завтра получит сообщение о захвате города и прекратив осаду Цурула, направится к столице.

Без Константинополя он станет никем. Получив известие о малом числе освободителей, он должен спешить исправить положение. В этом случае, даже один день промедления, может быть решающим. Через час, я вылетел в направлении ушедшей колонны и, как и ожидалось, обнаружил её в 15 км от города, разместившихся в небольшом селе. Мы пролетели дальше, к Цурулу, и обнаружили, что осада продолжается. Значит Болдуин ещё не получил известия о захвате города. Это даёт нам, по крайней мере, 2 дня форы.

Я вернулся в город и доложил обстановку. Собрались на

совещание. Рассматривали вопрос – сможем ли мы противостоять 30 тысячам французам и 15 тысячам половцам? Теоретически, вполне возможно. Укрепления вполне надёжные. Пусть защитники не обучены, но полны патриотизма и если рядом с ними поставит толковых командиров, то мы справимся. Правда, в голове точил червь сомнений. Крестonosцы взяли город числом, как раз 30 тысяч. Но ладно, мы будем защищаться. Император, как только узнает об освобождении города, немедленно примчится сюда.

В течении этих двух дней, решили упорно учить ополченцев владению оружием. Незадолго перед ужином, прискакал гонец и сообщил невероятно радостное известие – Император Иоанн Ватац, находится всего в 35 км от Босфора. Он только что захватил небольшой Ромейский город-крепость Дакибузу и пока ещё не отошёл от него. Вот это отличная новость! Его необходимо срочно предупредить! Но день уже потерян, лететь можно только завтра.

5 июня, Вторник. Чуть только рассвело, я собрался вылетать. Вместо Арзамаса возьму с собой Васибеки, его лично знает император, а меня может уже забыл. Еле уговорил полемарха. Посоветовал ему одеть самый роскошный свой наряд со знаками различия, чтобы его сразу опознали воины, а то могут и прибить, как колдуна. Взлетели с ВПП на стороне Галаты. Перелетели Босфор и направились вдоль побережья

Мраморного моря на юго-восток. Полемарх, во время взлёта, несколько раз закричал дурным голосом, но потом успокоился и стал наблюдать за проплывающими внизу полями Никомерии.

Уже через 20 минут мы были у цели. На земле ясно просматривались палатки и шатры Никейской армии, небольшая крепость на берегу моря. Я сделал несколько кругов над местностью, высматривая удобное для посадки место, каждый раз провожаемый изумлёнными криками с земли. Наконец я выбрал место и пошёл на посадку. Сели удачно, всего в полукилометре от лагеря. К месту посадки бежали десятки людей, размахивая оружием.

Я испугался за самолёт и, выскочив из него, быстро помог полемарху вылезти и, забравшись обратно, знаками указал на приближающихся людей с явными намерениями растерзать нас. Завёл мотор и взлетел вновь, оставив полемарха разбираться. Я сделал ещё не меньше 10 кругов в течении 15 минут, прежде чем мне стали махать руками, приглашая приземлиться. Я опять приземлился и вышел наружу.

На этот раз меня приветствовали несколько, явно высокопоставленных, офицеров. Я знаками показал, что самолёт надо охранять и ничего не трогать. Офицеры что-то мне сказали, но я не понял и решил, что мне лучше остаться

здесь. Если императору нужно, он сам подойдёт, здесь совсем близко. Я показал офицерам, что буду ждать здесь, хотя они недвусмысленно звали меня с собой. Но я, демонстративно уселся на землю и привалился спиной к колесу самолёта.

Офицеры отстали и удалились, кроме одного, севшего рядом. К самолёту сбежалось уже порядочно людей, и я отгонял тех, кто пытался потрогать его. Увидев такое дело, офицер громко скомандовал и люди неохотно стали расходиться, постоянно оглядываясь. Так мы и сидели около часа, когда от лагеря отделились и направились в мою сторону десятка два пышно одетых людей в блестящих доспехах, при мечях, со шлѐмами, с которых свешивались плюмажи всевозможных цветов.

В середине толпы шествовал император Иоанн, которого я сразу узнал. Его лицо выражало радость, и он широко улыбался. Император, также узнал меня и приблизившись ко мне, приветствовал. Я, в это время, поклонился ему и продолжил стоять в положении вольно. Рядом с императором встал переводчик и начал мне переводить.

– Слава Богу! – воскликнул император. – Я очень надеялся на наш договор, но до последнего дня сомневался в возможности его выполнения. Но ты доказал свою правоту и сдер-

жал слово. Я безумно счастлив, что наконец-то моя столица освободилась от захватчиков, проклятых католиков! Полемарх рассказал мне все подробности, и я в курсе событий. Я уже отдал приказ и в направлении города немедленно поскочат конные траpezиты. Уже вечером они будут у вас.

Мы же, прибудем послезавтра. Солдаты уже начали собираться в поход. Я очень рад тебя видеть и свою часть договора выполню безусловно. Не буду тебя держать, у нас очень мало времени, мы выступаем немедленно. А у тебя, однако, новая машина? Не собираешься ли ты её продавать? Шучу, шучу – успокоил меня император. Знаю, такие вещи не продаются. Но я надеюсь, ты меня покатаешь на ней?

Я ответил: – Как только вы пожелаете ваше императорское величество!

– Ну ладно, – сказал император – до скорой встречи в столице.

Он развернулся и направился к лагерю. Со мной остался полемарх. Его довольная физиономия чуть не лопалась от счастья. Я уверен, что император произвёл его в маршалы или дал титул герцога. Василаки схватил меня за руку и крепко её пожал, говоря что-то по-гречески. Я кивнул ему головой и знаком показал, чтобы он лез на своё место. Через

полчаса, сдав самолёт на хранение, мы шли в расположение войск. Нас перевезли на другой берег и вскоре я входил на территорию акрополя.

Нашёл Судейкина и рассказал ему о встрече с императором. Пообедав, я вновь отправился к самолёту. Напрягала необходимость каждый раз переплывать через бухту в Галату и обратно. Арзамас уже обслужил самолёт. Дозаправил, проверил масло и т.д. Мы полетели оба. Вот и лагерь французов, они так и ждут в этом месте. Летим дальше. А вот и Балдуин! Длинная колонна пылит по дороге, впереди конница половцев, за ними конница рыцарей, потом пехота. Летим к Цурулу.

Лагерь опустел, но несколько тысяч французов и часть половцев остались, чтобы не дать Великому Хартуларию Иоанну Петралифе выбраться и погнаться за ними. Повернулись и летим назад. Армия прибудет к городу не раньше завтрашнего дня. Так и скажем. Возвращаемся в Галату и я плыву в город. Сообщаю новость Судейкину и полемарху. Завтра все силы соберутся здесь. Завтра решит будущее Византии. Я устал, потерял счёт времени, но не страшно – мы делаем историю!

Вечером, как и ожидалось, на другом берегу Босфора, появились кавалеристы, это прибыли 2 турмы лёгкой кавале-

рии, примерно 5 тысяч всадников. Для их переправы на наш берег, использовали катамаран «Воронеж», залатанный, на скорую руку и «Оку». Потребовалось всего три ходки обеими кораблями. Кавалеристы вошли в город, под радостные крики населения.

6 июня. Среда. День начался обыкновенно, сначала завтрак, потом совещание. Ждали Болдуина с армией. Предполагали, что он подойдёт примерно к обеду. Прекрасно было известно, по какой дороге он пойдёт. И у нас созрела мысль, а почему бы не заминировать эту дорогу? С собой мы привезли 4 мины МОН 200. И все мы отлично помнили результаты их применения. С этой идеей все согласились, хотя и поморщились – не этично это. Просто бойня получается.

Но как говорят те же французы – «На войне, как на войне», то есть все средства хороши. Немедленно отправили к дороге Иманкулова, Марченко и десять юнкеров с минами. Вдоль дороги, на обочине, установили по две мины на каждую сторону, через 100 метров. Протянули верёвки к пункту встречи, где передовой отряд встретят Марченко и Иманкулов, которые приведут мины в действие и тут же уйдут сквозь выстроившихся сзади них кавалеристов обоих турм, тут же перешедших в атаку на остатки половцев, скачущих впереди колонны. Далее, когда в бой вступят тяжело вооружённые рыцари, изобразить бегство к золотым воротам, ко-

торые будут распахнуты. Едва последние всадники скроются в воротах, в дело вступит БМД и БРДМ. Эта дорога самая широкая и обе машины отлично поместятся в проёме.

Ну и конечно, со стен откроют огонь две роты юнкеров, одновременно. Эффект, думаем, превзойдёт все ожидания. Навстречу Болдуину выслали конный разъезд, чтобы предупредить нас о его появлении. Кавалеристы уже в 11 часов утра приготовились к бою, собравшись снаружи города, у золотых ворот. Ждать пришлось долго. Только хотели приступить к обеду, когда прискакали дозорные и объявили о приближении колонны. Тут же выступили к дороге. Иманкулов и Марченко встали посередине дороги, держа в руках верёвки. Следом за ними выстроились обе турмы в три колонны.

Тут то мы сообразили, что вновь не учли того, что половцы не будут скакать по узкой дороге длинной колонной, а тоже будут скакать широкой лавой. Но мины уже настроены на дорогу. Допустим, что мины шарахнут по середине идущих лавой кочевников, но фланги уже пройдут этот рубеж. Куда нам деваться? Придётся с сумасшедшей скоростью удирать сквозь ряды перешедших в галоп кавалеристов, скачущих нам на встречу! Мелькнула мысль, а не отставить ли это мероприятие и спрятаться за стены? Но оба лейтенанта отказались изменить первоначальный план и вышли вперёд. А половцы уже показались.

Они в самом деле скачут толпой, в ширину на 100 метров. Мы быстро переиграли план. Обе турмы встали по бокам от нас, оставив для нас путь к спасению, шириной в 5 метров. Десяток конных выехал впереди нас, чтобы сохранялось подобие общего строя на всю ширину фронта. Половцы, увидев противника, меньшего по численности, послали коней в галоп, на ходу выхватывая луки, чтобы успеть произвести хотя бы по 2-3 выстрела перед сшибкой. Скакали они, не выдерживая строя, толпой в 10 тысяч всадников, против наших 5 тысяч. Едва передние ряды половцев пересекли линию первых мин и приблизились ко второй установке на 20-30 метров, лейтенанты дёрнули за верёвки. Эффект был ожидаемый. Середину толпы будто корова языком слизнула.

Образовалась брешь, глубиной, около 150 метров и шириной, в 10. По прикидке, выбило сразу до 300 всадников, которые свалились в пыль вместе с лошадьми, образовав кучу. Задние ряды налетели на упавших и начали сами падать, спотыкаясь об упавших ранее. Скакавшие ещё дальше, вынуждены были отпрянуть в стороны, сбивая соседей, и увеличивая общую неразбериху. Марченко с Иманкуловым в это время мчались сквозь скакавших навстречу и обтекающих их кавалеристов к золотым воротам. Произошла сшибка, перед которой половцы, не успели выпустить ни одной стрелы, ошеломлённые случившимся.

Первые ряды замешкавшихся половцев были смяты, а задние подъезжали, заметно сбавив скорость в какой-то нерешительности. Некоторые, вообще останавливались и поворачивали обратно или в сторону. Но их было слишком много, и скоро это превосходство начало сказываться. Тут уже было не до рыцарей. Видя, что половцы, не взирая на потери начинают слишком давить на Никейцев, командиры подали сигнал к отступлению. Обе турмы, поредевшие в рядах немедленно обратились вспять.

Слава Богу, что лейтенанты успели забежать в ворота, когда следом за ними в город ворвались Никейцы. Буквально, на их плечах висели половцы, порой, в общей массе. Со стен открыли огонь, отсекая половцев от Никейцев и эта мера позволила последним оторваться от погони. Тут же в ворота выдвинулись БМД и БРДМ, на ходу поливая половцев огнём из пулемётов и пушек. Половцы, будто бы наткнулись со всего разбега в стену. Первые ряды кучно падали перед воротами. Со стен били по середине и увидев такую картину, половцы не выдержали и помчались в разные стороны и обратно, веером. Наш план удался лишь частично. Рыцари не успели вступить в бой.

Однако, по нашим расчётам, половцы потеряли половину состава, а те, кто остался, подумают, прежде чем идти в

атаку. В это время, в поле зрения попали тяжёлые рыцари на конях, въезжающие на место недавней схватки. Картина, представшая их взору, была, наверно, впечатляющая. Рыцари разделились на два потока, объезжая груды убитых половцев и Никейцев. Глядя на этот ужас, многие снимали шлёмы и крестились. Выезжая на поле перед стенами, крестоносцы начали разъезжаться, выбирая себе удобные места для ночёвки.

Они спешили и отпустив коней пастись, садились отдыхать. Многие подходили к стенам и осматривали их, отмечая неприступность. В прошлый раз, крестоносцы захватили город со стороны моря, прямо с кораблей, которых сегодня у них не было. Территория перед городом постепенно заполнялась всё новыми подразделениями армии Болдуина. Подъехал и он, в окружении своих придворных и, первым делом, остановился перед Золотыми воротами, разглядывая стоявших на стенах греков. Его вполне можно было бы снять выстрелом из карабина, но Судейкин не позволил стрелять в него.

«**Балдуин II де Куртене** , сеньор де Куртене и де Монтаржи, последний император Латинской империи, маркграф Намюра, сын Пьера II де Куртене и Иоланты». Был ещё совсем молод, ему едва исполнилось 23 года, наш ровесник.

В течении всего дня продолжали подтягиваться отдельные части войска. В последнюю очередь прибыл обоз, и французы начали ставить шатры, готовить еду. За это время, половцы, обозлённые огромными потерями, разграбили все окрестности в радиусе 10 -15 км от города и тащили к себе различные вещи, отобранные у местных жителей. На их стоянке происходили скандалы и драки, при разделе награбленного. Император Болдуин поморщился от увиденного, но промолчал.

Сейчас ему, как никогда, требовались союзники, выходки которых ему приходилось терпеть. Как раз, по разрешению Василаки, из крепости был отправлен парламентар с просьбой к императору, разрешить забрать тела погибших кавалеристов –трапезитов. Император согласился и, на время до утра, было объявлено перемирие. Лагерь наёмников отодвинулся от города на 2 км. Из города выпустили тысячу пешеходов трапезитов, которые вместе с половцами начали собирать своих убитых однополчан и уносить в своё расположение. Наших убитых оказалось 640 человек.

По приблизительной оценке, половцев погибло не меньше 3500. Пропорция почти 1:6, но для армии Болдуина не критическая. В это самое время на противоположную сторону Босфора начали прибывать войска Никеи. Наши корабли начали их перевозку в город, за которой наблюдали половцы,

отряд которых, по приказу Болдуина, обогнул бухту Золотой Рог и подступил к стенам Галаты. Враги, никоим образом не могли помешать переправе, не имея ни одного корабля в этом регионе.

По нашим расчётам, Венецианцы непременно приплывут сюда, как только получают известие о захвате города. И произойдёт это, скорее всего через 3-4 дня, не раньше. Им придётся добираться сюда от острова Лесбос. Беженцы достигнут этого острова, возможно, сегодня. Во время переправки войск, стало известно, что император Иоанн, передумал лично принимать участие в обороне города, отправив большую часть войска нам в помощь, а сам отбыл в Никомедию, заявив, что он должен войти в город торжественно, после устранения всех возможных опасностей его повторного взятия латинянами. Ну и это не плохо.

Всего прибыло: тысяча катафрактов, 3 тысячи тяжёлой пехоты –скутаты, 5 тысяч лёгкой пехоты –псилы и около тысячи вспомогательных войск и обслуживания. С трапезитами, уже прибывшими к нам, общее число присланных, составило 15 тысяч.

Прибывших французов с половцами набиралось около 30 тысяч. Перевес небольшой и, скорее всего, Болдуин снимет осаду с Цурула окончательно, чтобы иметь более значитель-

ное превосходство в силах. Уже в сумерках, Болдуин, вполне ожидаемо, предложил нам сдаться, обещая отпустить с миром. Предложение, как водится, было отвергнуто.

7 июня, Четверг. День начался с общей тревоги. В 5 часов утра французы ринулись на приступ в районе ворот святого Романа, как раз в центре стены Феодосия. Французы незаметно подкрались к стенам и были замечены в момент, когда они укладывали брёвна через ров. Последовал сигнал тревоги и к этому месту, поспешили войска и ополченцы. Французы преодолели ров по брёвнам и начали устанавливать лестницы на участке стены в 200 метров. В это время к месту штурма уже подбегали и карабкались на стену защитники города, бодрствующей смены.

На данном участке быстро удалось создать сплочённую оборонную группировку в почти 5 тысяч. Стены и башни густо заполнили ополченцы и лёгкая пехота Nikei. Поэтому, карабкающимся вверх латинянам, был устроен достойный отпор. Через полтора часа боя, не достигнув положительного результата, латиняне отошли назад, потеряв до 2 тысяч убитыми. Наши потери составили около 800 человек, в основном ополченцев, не имеющих достаточного опыта.

Были и раненые, которых относили в лазареты города. Вновь прибыл парламентёр, попросив перемирия до обеда,

с целью вынести убитых. Василаки согласился, и французы начали выносить убитых к себе в лагерь. Нашим тоже пришлось выйти наружу, чтобы подобрать выпавших со стен убитых. Между прочим, Василаки был официально назначен комендантом Константинополя, с правом командования всеми, предоставленными ему войсками.

По окончании боёв и включению города в состав империи, ему была обещана должность Эпарха города. Уже сейчас, Василаки начал назначать на должности городских руководителей новых людей, заменяя старую администрацию, служившую при Болдуине. Потерпев неудачу при штурме и убедившись, что ему противостоит очень серьёзная сила, Болдуин принял решение снять осаду Цурула и перевести сюда камнемётные машины, а также дожидаться Венецианцев с их флотом и дополнительной помощью. Французы начали устраиваться основательней.

Половцы совершали грабительские рейды до самого Черноморского побережья, вызывая ожесточённость местного населения. Кстати, отряд половцев забрёл в село Состенион, где произошла схватка с нашим небольшим гарнизоном, охраняющим там пленных Венецианцев и две наши галеры. Половцев удалось отогнать без потерь, но наше пребывание в этом месте стало опасным.

Немедленно, пленные были загружены в галеры и весь гарнизон переправился в Галату, где и расположился, поставив галеры в гавани, у причала. Наступило время ожидания. В городе, ударными темпами, проводилось обучение ополченцев искусству обращения с оружием, дисциплине и действию по командам. Распределяли прибывшие войска на определённые участки стен и башни. К противоположному берегу, по приказу императора, доставили большие запасы продовольствия, которые мы перевезли в город.

Состоялись похороны всех погибших воинов, по православному обряду, включая и некоторых наших юнкеров Эрзя. Город уже зажил совсем другой жизнью, избавившись от диктата католической церкви и латинской администрации. Утверждались новые, они же старые, до 1204 года, законы. Отменялись другие законы, принятые Болдуином.

Население воодушевлённо помогало военным, участвовало в восстановлении повреждённых укреплений, ремонте, зданий и сооружений, пострадавших во время освобождения города. Акрополь был передан в наше полное распоряжение. Мы точно определили наше количество и оценили добычу. Наши потери составили с начала боёв: 466 человек. Из них: казаки 120, юнкера, включая матросов -22, дружинников -312.

Меньше всех потеряли дружинники князя Ингваря -12 человек. А вот казакам не повезло. Кстати, из этого числа, 128 умерли от ран позже. Легко раненных, набиралось почти 200. Добыча состояла из следующего: -Без учёта комплектов вооружения и доспехов, переданных ополченцам безвозмездно, у нас осталось этих комплектов, включающих в себя доспехи и оружие на одного воина- 1650.

Захвачено на 5 уничтоженных галерах 1420 золотых дукатов и 5600 серебряных матапанов, много продуктов питания, вина и оливкового масла. С убитых и плененных сняты золотые и серебряные украшения, не поддающиеся учёту, а просто сложенные в мешки. Различная утварь хозяйственного назначения, типа котлов, посуды, треножников и т.п. Казаки, ко всему, снимали с убитых одежду и обувь, но мы её не стали учитывать, оставив её им.

В городе, в домах итальянцев и рыцарей, добыча была побогаче. Одних золотых монет, не считая их количества в штуках, набрали 270 кг, а серебряных 820. Золотых и серебряных украшений, посуды и оружия, отделанного золотом и камнями 8 сундуков. Были и ценные ткани, зеркала, шубы и платья. Всё это просто свалили в кучу в одной из комнат крепости. Опять же, огромные запасы муки, зерна, масла, соли и, даже, сахара, который ценился очень высоко.

Имелись церковные и мирские книги в драгоценных обложках и в обыкновенных, написанные вручную, в том числе очень много морских карт отдельных участков моря, а также всей Европы и половины Африки, которые стоило просмотреть на досуге. Католические храмы не стали грабить, как и жилища католических иерархов. Это сделали за нас местные жители. Многие из них неплохо нажились во время освобождения города, обирая убитых латинян и грабя их дома, не брезгуя ничем.

Осмотрев хранилища императорской казны, мы обнаружили там примерно 18 тысяч золотых монет и чуть больше серебряных. Эти деньги предназначались для оплаты наёмников, и этого количества, Болдуину должно было хватить всего на месяц. Мы постеснялись их брать, тем, более, что горожане сами понесли немалые потери при освобождении города и оставили их для нужд города. Вечером собрали совещание, вызвав недовольство коменданта города Василяки, именно так следовало его сейчас называть. Он был занят назначением на должности. Его резиденция в последнее время осаждалась местными олигархами, выпрашивающими себе доходные должности, понятно, не за бесплатно.

Судейкин высказался в том духе, что нам не стоит ждать подхода оставшихся в Цуруле войск Болдуина, которые придут через два дня, так как они везут с собой осадные ма-

шины. Как раз через два дня должны прибыть венецианцы на кораблях. Общее число солдат противника, может достигнуть 60-70 тысяч, и тогда, мы можем вновь потерять город. Здесь Васибеки задумался, как и присутствующие здесь командиры отдельных частей императорских войск.

– Что вы предлагаете? – спросил комендант.

– Я предлагаю устроить завтра генеральное сражение-ответил Судейкин. – Разбив завтра основные силы противника, нам уже вообще не стоит опасаться остальных участников. Никто из них уже не рискнёт нападать на нас. К тому же, у Болдуина уже нет денег и ему нечем платить наёмникам.

– Но нас гораздо меньше –заявил комендант.

– Ничего, мы справимся –заявил Судейкин.

Ему удалось убедить военачальников императора устроить завтра сражение. Рассмотрели примерный план боя. Предлагалось, не спеша, после завтрака, вывести войска в поле и выстроить по разработанному плану. Позволить французам и половцам построиться и дать им возможность пойти в атаку. Далее приводились детали. Никейцы, честно говоря, ознакомившись с возможностями нашей техники, почти безоговорочно приняли наш план.

Часть 2.

Разгром наёмников и пленение Болдуина.

1240 г. 8 июня. Пятница. Наступил решающий день. В 9 часов утра раскрылись ворота Силиври, Меландезийские и Военные. Из них, неспешно, начали выходить и строиться наши войска. В центре расположились катафракты, тысяча человек, следом за ними 1000 пехотинцев и 2 тысячи ополченцев, правее 5 тысяч пехотинцев, вперемешку с тремя тысячами ополченцев, в десять шеренг. Затем правый фланг – 2 тысячи лёгкой конницы. Слева от катафрактов, 3 тысячи тяжёлой пехоты, а за ними, 3 тысячи ополченцев. На левом фланге – 2 тысячи лёгкой конницы.

Всего 19 тысяч воинов – фактически вся армия. Совершенно не заметно для противника, впереди всего строя рассыпались в одну шеренгу 700 человек юнкеров с карабинами и автоматами, держа интервал между собой в два метра. По фронту, наше построение заняло почти половину ширины поля – 4 км. Французы, немедленно выстроились против нас. В середине 3000 рыцарей. Слева и справа, пехота, на флангах по 3000 половцев. Две тысячи в резерве, охраняют шатры императора и свиты.

Всего, чуть больше 24 тысяч человек. Их строй был гораздо шире нашего и вполне мог охватить нас в полукольцо. Однако это исключалось наличием на левом фланге БМД, а на правом БРДМ. Между колоннами наших войск, были предусмотрены 100 промежутков, через каждые 40 метров, в которые должны были просочиться 700 юнкеров, после первого залпа.

Этот пункт был разжёван и вбит в головы всем участникам битвы. Кстати, со стен крепости, после нашего залпа начнут стрелять 6 миномётов по резервам противника. Перед боем, юнкера специально пробежали вперёд и назад по этим промежуткам- коридорам, задевая встречающихся руками и напоминая о своём существовании. Кроме Судейкина и Забуирова, остающихся в резерве, все остальные лейтенанты участвовали в битве.

Я стоял со своими двумя взводами слева от центра. Левее меня расположился Марченко, справа-Иманкулов. Построение закончилось к половине одиннадцатого. За это время мы ещё пару раз пробежали по коридорам для закрепления в памяти солдат. Затем обе армии ещё полчаса стояли на месте, ожидая, кто первым начнёт атаку. Наконец французы не выдержали и начали наступление. Расстояние между армиями составляло примерно 500-600 метров и, чтобы его преодолеть, достаточно было 2-х минут для коня и 4-х минут, для

пехотинца. Кавалерия набирала скорость, наши ряды заволновались и выставили вперёд копья, сдерживая своих коней.

Мы находились в чрезвычайно щекотливом положении. Боязнь, что нас растопчут враги, а, возможно и свои, так и вертелась в голове, поэтому многие не выдержали и начали стрелять уже с расстояния в 300 метров. Понятное дело, меткость с такого расстояния уже была не такая высокая, но для такого плотного строя, ни одна пуля не пропадала даром. Всё-таки, как хорошо, что это не 20 век, когда в атаку идут рассыпным строем или цепями и приходится целиться внимательней и патронов тратить в разы больше. Пришлось и остальным открывать огонь.

Конница не успела набрать скорость и поэтому эффект от стрельбы оказался намного ниже ожидаемого. Не получилась куча-мала. Всадники объезжали упавших и продолжали скакать вперёд, но уже гораздо медленней, но, тем не менее, близость к врагу, дала ему возможность сблизиться уже через полторы минуты скачки.

Выпущенные семьястами стрелков, до 4000 пуль, возымела действие, но не столь большое, ввиду построения колонной. Действительно, первые ряды были сметены, но тысячи тел сохранили жизнь скачущим сзади, а наше время кончилось, и все юнкера кинулись в коридоры между солдатами,

убегая от копыт, рвущихся навстречу противнику, лошадей. Атака французов сомкнутым строем, не удалась.

К цели они пришли разрозненной кучей, а вот 1000 катафрактов ударили слитно, разбрасывая остатки скомканного строя. Задним рядам французов пришлось объезжать кучи трупов коней и всадников, так что, даже численное превосходство в середине построения не помогло. Французов смяли, опрокинули, заставив задние ряды остановиться и попятиться назад, под натиском Nikeйцев.

Как бы то ни было, но пули снесли с сёдел или свалили на землю с конями, до 1500 рыцарей, совершенно сломав их строй. А разрозненные группы или, одиночные рыцари, никак не смогут устоять против слаженной атаки сомкнутого строя. Вот и получилось, что при ударе катафрактов, сразу же были опрокинуты ещё тысяча рыцарей, а ударный отряд катафрактов пронёсся сквозь строй и врубился в стоящий сзади, резерв, из двух тысяч пехотинцев, пройдя сквозь них, как раскалённый нож сквозь масло. Следующие за катафрактами тысяча пехотинцев и 2 тысячи ополченцев, добивали упавших рыцарей и вломились в опрокинутые ряды резерва французов, вступив с ними в схватку, вокруг шатров императора. Пехота, наступающая с обеих сторон конных рыцарей, бежала в атаку, но медленней лошадей и пули начали их доставать ещё в 400 метрах от Nikeйцев.

Как они не пытались закрываться щитами, пули, всё равно прошивали их, выкашивая ряд за рядом, заставив их остановиться и попятиться. Но вот юнкера побежали назад, давая путь кавалерии и стрельба прекратилась. Сержанты вновь погнали пехоту вперёд и те, потеряв от огня противника не меньше 4 тысяч соратников, вскоре схлестнулись с пехотой никейцев. Завязалась битва.

На флангах, картина боя выглядела следующим образом – половцы помчались на лёгких кавалеристов спереди и сбоку, окружая их с флангов. Однако БРДМ и БМД, стреляя из пушек и пулемётов остановили толпу нападавших и те, продолжая терять своих соплеменников, сначала остановились, потом вновь бросились вперёд, воспользовавшись моментом перезарядки пулемётов, опять остановились.

Патронная лента вмещала в себя 250 патронов и пулемёт, выплюнув 250 пуль, прекращал стрельбу на 2-3 минуты, для перезарядки. Но для 5000 всадников мчащимся широким фронтом, потеря сотни или двух, не была катастрофой и не остановила их продвижения вперёд. Со стен забухали миномёты, посылая мины в тыл пехоте французов, но и это мало помогло Никейцам. Всё –равно, наёмников, было слишком много. Тем не менее, успех в центре, несколько остудил стремление пехоты и они, опасаясь нападения сзади, отпря-

нули в стороны, пропуская мимо себя катафрактов и сгучившись, ослабили натиск на нашу пехоту.

БРДМ и БМД выехали уже во фланг половцев с обеих сторон и поливали их свинцом, останавливаясь, чтобы сменить очередную ленту и, отбросив раскалённый ствол, вставить новый. За 15 минут по половцам выпустили по 5 лент, более тысячи пуль, но они этого не замечали, продолжая напирать на наших всадников, которые уже подумывали об отступлении. Множество половцев кидались на БМД и БРДМ, пытались поразить их копьями и мечами, как правило, безрезультатно, сами падая, сражённые, под гусеницы и колёса.

Перед обеими машинами уже лежали горы убитых, когда половцы, поражаемые ко всему минами, сообразили, что их, даже в случае победы над почти разгромленными никейцами, ожидает неминуемая гибель от плюющихся огнём монстров, которых не берёт никакое оружие. Мало того, заметив, что наши фланги вот-вот побегут назад, из ворот города выехал ЗИЛ и напал на правый фланг противника, а два САУ, на правый, добавив по ещё одному пулемёту к имеющимся на флангах.

САУ также стреляли из пушек по толпам половцев, а из амбразур в кузове ЗИЛа, строчили из автоматов, стоящие там юнкера. Отступившие вначале сражения первые 700 юн-

керов, влезли на стены и начали отстреливать французов сверху, поражая каждым залпом по 300-400 человек,двигающихся сзади сражающейся пехоты, пока те, вдруг не заметили, что сзади у них, не имеется поддержки. Вот тут, наконец, наступил перелом в битве, французы и половцы развернулись и побежали прочь.

Однако их никто не преследовал, слишком велики были потери и усталость. Никейцы опустили руки, пытаясь отдышаться. Только несколько сотен всадников пытались преследовать отступающих, но достигнув императорского шатра, остановились. Здесь шло отчаянное сражение между двумя сотнями личной охраны императора и остатков резерва, с пехотой никейцев, ополчением и спешившимися катафрактами. Здесь имел место следующий расклад сил – катафракты, опрокинув рыцарей, пробились сквозь резерв и упёрлись напрямик в шатры со свитой императора.

В то время, как часть катафрактов начала отбиваться от воинов резерва, три сотни катафрактов, спешили и попытались пленить императора, на защиту которого встали 200 его телохранителей и свита. Резерв дополнительно связали боем, достигшие шатров ополченцы. Бой продолжался 25 минут и вокруг шатров лежали сотни поверженных. Конные катафракты едва сдерживали наседающих на них пехотинцев французского резерва. Ещё 2-3 минуты и император по-

лучил бы свободный выход к отступлению, но триста всадников, начавших было преследование убегающих наёмников и половцев, врубилась в толпу рубивших друг друга рыцарей и тяжело вооружённых никейцев.

Пехота прекратила атаку и разбежалась, а, соскочившие с коней лёгкие всадники вступили в бой с охраной императора. Надо сказать, к чести последнего, он сражался в одном ряду со всеми. Его окружение уже, едва насчитывало 30 человек, когда количество нападающих возросло до двухсот. Поняв безысходность положения, император крикнул, что он сдаётся и приказал окружающим его рыцарям прекратить сопротивление. Его сдачу принял командир катафрактов, domestик Михаил Хониат, который и привёл императора с остатками его свиты в город.

Победители немедленно вошли в покинутый лагерь французов и начали его грабить. Из города вышли 3 тысячи ополченцев греков и начали стаскивать убитых в одно место. Одновременно их освобождали от доспехов, оружия и ценных вещей. Раненых, французов и никейцев, переносили в больницы города. Из города прискакал комендант Васибеки и приказал командирам никейцев соблюдать порядок, а все, оставленные французами вещи складывать в одном месте, приставив к нему охрану. Вокруг лагеря стали нести охрану наши машины, 300 дружинников и 30 юнкеров.

Казакам предоставили возможность поучаствовать в грабеже лагеря, стаскивая добычу в отдельное, от никейцев, место. Оставленного имущества было настолько много, что просто не было возможности оприходовать его за один день. Кстати, практически не оказалось пленных, кроме императора, его свиты, менее сотни пехотинцев, да разве ещё раненые. Убитых было очень много, включая и никейцев.

Их ещё не считали, но, по предварительной оценке, полегло примерно: половцев до 5 тысяч, рыцарей – более 2000, остальных, приблизительно 13 тысяч, итого противник потерял более 20 тысяч убитыми и ранеными. Убежали, по крайней мере, 2 тысячи половцев и 3-4 тысячи французов. У нас убитых насчитали почти 5 тысяч никейцев и 3 тысячи ополченцев. Катафракты погибли почти все. Точные цифры пока ещё не были известны. Ещё и раненых в больницы поступило, где-то 4-5 тысяч.

Битва продолжалась совсем недолго – два часа, да на построение ушло тоже 2 часа. Так что подошло время обеда, и солдаты начали собираться на обед. Но в это время затрещали выстрелы и все, вновь схватились за оружие и кинулись на шум схватки.

Оказалось, что половцы, не смирились с потерей награб-

ленного имущества, оставленного ими в своём лагере, собрались вместе и сделали попытку прорваться к своим шатрам. Они были замечены и обстреляны. Встретив организованное сопротивление, они предпочли убраться окончательно, потеряв 15 человек убитыми. На этом, сегодняшние схватки закончились. Больше, нас в этот день, никто не тревожил. Мне же, сразу после окончания битвы, Судейкин велел лететь на разведку. Мне удалось вылететь в половине второго, так как пришлось переправляться в Галату и

вывозить самолёт из крепости. Летели, как обычно, с Арзамасом.

Сначала полетели через Мраморное море к проливу Дарданеллы, но ничего в море не обнаружив, вернулись вдоль побережья и разглядели колонну французов, со стенобитными машинами,двигающимися в направлении Константинополя. Осада Цурула была снята. Французы совсем недавно оставили Цурул, скорее всего, сегодня утром. С этими машинами, они придут к городу не раньше вечера, завтрашнего дня.

Зато, уже приближаясь к Константинополю, увидели колонну половцев, идти которым оставалось чуть более 40 км. Эти придут в лагерь уже вечером, так как их сдерживает обоз, но передовой отряд придёт уже через 3 часа. Времени оставалось совсем ничего, поэтому я посадил самолёт

в старом месте, у стен, где мы сами, совсем недавно стояли, осаждая город. Я ссадил Арзамаса, чтобы он немедленно оповестил наши войска, занимающиеся сбором добычи, а сам полетел в Галату и приземлившись, вновь заставил дружинников загнать самолёт в крепость.

Собирающие убитых и раненых, а также трофейные команды, заторопились и через пару часов, прекратили свои работы, вернувшись в город. С собой загнали всех лошадей, которых удалось поймать. Наверно тысячи три. Но ещё больше лошадей продолжали пастись снаружи стен. Все своих убитых и раненых, как и раненых наёмников, внесли в город, оставив убитых французов и половцев лежать перед своим лагерем аккуратными рядами. Обшарить все вражеские палатки не успели и оставили их, как есть. Однако захватили все продукты противника, приготовленные для обеда вместе с котлами. Большую часть добычи половцев даже не стали трогать.

Это были малоценные вещи ограбленного, местного населения. В шатре императора изъяли сундук с деньгами для ежедневных расходов. Там лежали золотые и серебряные деньги в кошельках. Их не успели сосчитать, но вес сундука составлял примерно 2 центнера. Через час после того, как последние защитники укрылись в городе, к разорённому лагерью примчались на взмыленных конях остатки разбитых по-

ловцев, с подошедшими соплеменника из Цурула, которых прибыло 2 тысячи.

Они кинулись к своим шатрам и убедившись, что награбленное ими имущество, практически не тронуту, ринулись грабить оставленные шатры французов. Однако, на подходе, нарисовались выжившие в битве, 3 тысячи французов, которые были оповещены своими разведчиками об отступлении византийцев в город и немедленно бросились на защиту своего имущества. Половцы были вынуждены отступить.

Голодные наёмники начали выискивать в лагере остатки продовольствия и готовить из него обед. В городе, несмотря на большие потери, царило праздничное настроение. Разгром основного войска наёмников, пленение императора, вызвало взрыв радости среди населения, омрачённого горем родственников погибших ополченцев. Погибших разложили в нескольких церквях, и священники уже начали производить похоронные обряды. На кладбище рылись могилы на 7 тысяч человек. Все затраты на похороны, принял на себя город. Похороны назначили на завтра.

Захваченная в лагере казна императора, также была передана городу. Византийцы занялись сортировкой добычи и подсчётом её стоимости. Мы тоже занялись этим приятным процессом. На стены города были отправлены достаточ-

ное количество наблюдателей. К вечеру в лагерь наёмников прибыл обоз половцев и последние их воины – примерно 3 тысячи. Общее число половцев достигло 7 тысяч, менее половины первоначального состава. И нам был приготовлен сюрприз. На другую сторону Босфора прибыло пополнение, присланное никейским императором. Ещё одна тысяча катафрактов, тысяча skutатов и 4 тысячи пехотинцев – псилы. Всего 6 тысяч человек.

Это было всё, что имелось у императора на сегодня, в ближайших пределах Никомедии. Их предводитель – сам великий доместик империи, Никифор Тарханиот, являлся одним из известнейших полководцев того времени. Император послал его, понимая всю важность сохранения Константинополя в составе империи. Никифор, тут же принял на себя командование обороной города. Его громадный авторитет высоко поднял дух защитников города, что привлекло в последующие дни, в ополчение ещё несколько тысяч добровольцев. Таким образом, гарнизон Константинополя увеличился и составил почти 16 тысяч никейцев и примерно 4000 ополченцев.

9 июня. Суббота. День начинался обычным порядком. Все выспались и отдохнули. Ситуация вокруг города вырисовывалась следующим образом – снаружи расположилась армия наёмников, в количестве 2 тысяч французов и 7000 по-

ловцев. В городе расположилась вдвое большая армия, что и вдохновило Никифора вывести из города войска в составе 1000 катафрактов, 3 тысячи конных траpezитов, 5 тысяч пехотинцев и 5000 ополченцев, взятых для создания видимости огромного численного перевеса.

Наёмники быстро выстроились против ворот города и наблюдали за выходящими из города войсками, конца которым никак не наблюдалось. Определив, что их гораздо меньше, наёмники, тем не менее приготовились к бою, заняв оборону. На них, в первую очередь, двинулись катафракты, стоящие в центре, а с правого фланга 3 тысячи лёгких кавалеристов. Слева шли 5 тысяч пехотинцев, а все ополченцы наступали сзади.

Наёмники поставили в середине 2000 пеших рыцарей, а по флангам по 3 тысячи половцев, оставив тысячу половцев в резерве. Наступавшую никейскую пехоту, поддерживали на самом краю левого фланга, едущие борт о борт, БРДМ и БМД.

Против наступающей пехоты, половцы применили луки, но тяжёлые 3000 skutатов, шедших впереди, были достаточно хорошо защищены доспехами и щитами, чтобы стрелы могли нанести им ущерб. Тогда половцы ринулись вперёд, выставив копья. В это время заработали пулемёты и пушка,

за минуту выпустив 500 пуль и несколько снарядов в толпу половцев, уложив первые ряды и остановив задние. Со стен города, по половцам, начали стрелять миномёты, посылая мины в середину их строя.

Половцы замешкались, раздумывая, то ли нападать, то ли отступать. Вторая очередь из пулемётов, помогла им принять решение, и они помчались прочь. В середине, конные катафракты, вполне ожидаемо, опрокинули пеших рыцарей, а следующие за ними ополченцы схватились с выжившими. Хотя рыцари были гораздо опытнее и лучше вооружёнными, но ошеломлённые и раскиданные атакой катафрактов, начали массово сдаваться, перед втрое превышающими их по количеству, ополченцами.

Ну а на нашем правом фланге, 3000 трапезитов схватились с таким же числом половцев. Однако половцы, почти сразу почувствовали превосходство обученных никейцев и повернули назад, преследуемые трапезитами. Миновав лагерь наёмников, трапезиты соединились с БМД и БРДМ и вместе погнали толпы удирающих половцев, но те применили свою тактику – рассыпались в разные стороны и ушли от погони. Машины и трапезуты вернулись к шатрам. На этот раз, победа была полная. Рыцари потеряли тысячу убитыми и 2-3 сотни ранеными, а половцы не меньше 3-х тысяч убитыми. Почти 4000 ускакали в направлении Цурула, чтобы

воссоединиться с подходившими к городу остатками французов.

По нашим расчётам, французских наёмников оставалось 8-9 тысяч. Никифор принял решение выступить навстречу французам. Пленные французские рыцари подтвердили, что оставшихся французов примерно 8 тысяч и во главе их стоит граф Анри де Блуа и ещё несколько высокородных рыцарей. Как я уже докладывал, французы должны были подойти к вечеру и сейчас находились в пути. Авангард, возможно уже находился в 10-15 км от города, а основная часть войска со стенобитными машинами и обозом в 20-25 км. Было решено устроить засаду на их пути следования.

Вперёд выслали разведку, а войско направилась следом. Через час, разведчики доложили о показавшейся в пределах видимости колонне авангарда, примерно в 3 тысячи лёгкой кавалерии и приставшим к ним недобитым половцам. То есть общим числом 7 тысяч всадников. БРДМ и БМД разъехались в разные стороны и заняли позиции с флангов. С каждой машиной проследовали по 1 тысяче трапезитов.

Встречать наёмников выстроились в несколько шеренг полторы тысячи арбалетчиков и 500 юнкеров, вперемешку. Сзади приготовились к атаке 800 уцелевших катафрактов. А после них 3000 ополченцев. Это число посчитали достаточ-

ным, чтобы сразиться с остатками наёмников. Все остальные войска занялись сбором убитых и захватом добычи. Ждать пришлось не долго. Предупреждённые половцами об опасности, французы выслали вперёд разведку, которая увидела перед собой ряды византийцев.

Немедленно доложили в основную группу. Весь авангард постепенно собрался в 200 метрах от нас. Французы не решились начать наступление, хотя, на первый взгляд их было больше. Но они уже скакали целых 4 часа и устали. Видя их колебания, мы решили напасть первыми. С флангов выехали машины и показались скачущие в атаку трапезиты. Тут же открыли огонь 500 юнкеров и машины.

В рядах наёмников началась паника. Половцы уже больше не стали ожидать последствий и ускакали, как оказалось, навсегда. По пути они грабили попадающиеся селения, но достигнув Болгарии, были взяты в плен. Французы, оставшись в явном меньшинстве, повернули коней и помчались прочь. Трапезиты и машины погнались за ними, а следом уже не так быстро поспешали катафракты. За ними последовали 500 юнкеров на трофейных конях и ещё 500 последних трапезитов.

Пехота двинулась пешком. По сведениям разведки, до главных сил французов оставалось не более 10 км. Уставшие

кони французов не могли мчаться быстро и трапезиты, нагоняя их, рубили и кололи копьями, оставляя упавших лежать на дороге. Машины прибавляли паники, расстреливая с флангов удирающих наёмников, без труда выдерживая скорость. Французы не сдавались, надеясь на помощь и, загоняя насмерть лошадей, мчались к основной колонне.

Эти 10-12 км, удирающие французы и настигающие их трапезиты, промчались за 15 минут, а затем всем скопом обрушились на ничего не понимающих пеших воинов. Возникла жуткая свалка. Конные французы уже не имели возможности скакать на падающих от усталости конях и смешались с пехотой. А трапезиты, ворвавшись в строй, начали избивать пехотинцев, тоже уставших от длительного похода. БРДМ и БМД поливали свинцом, сбившуюся в кучу толпу всадников и пехотинцев. Подоспели катафракты, на ходу выстроившись в клин и врезавшись в противника. Бой разгорался, когда прискакали отставшие 500 трапезитов и юнкера. Последние немедленно спешили и установив на щиты карабины, начали отстреливать французов.

Толпа ринулась мимо брошенных камней и стенобитных машин в поле, избиваемая никейцами. Тут, в середине французского строя, взвился белый флаг на копье, которым махал один из рыцарей. Атака остановилась, а французы сбились в каре, опустив мечи и копья к земле. К фран-

цузам подъехал Никифор Тарханиот с десятком офицеров и встретился с группой рыцарей, обступивших своего главаря, графа де Блуа. Враги представились друг другу и граф сообщил, что он сдаётся на милость победителей. Начали обговаривать условия сдачи.

В это время начали подтягиваться пехота никейцев и ополченцы, окружая наёмников. Обговорили и утвердили условия сдачи. Наёмники разоружались тут же и отправлялись в Константинополь, ожидать выкупа от Людовика IX –го или от венецианцев. Французы начали освобождаться от лат и оружия, которое складывалось на повозки, тянувшие на себе детали стенобитных машин. Сами же эти детали складывали в кучу, чтобы забрать позже. Карманные деньги и драгоценности, имеющиеся при наёмниках, разрешили оставить при себе, всё остальное отходило победителям в качестве трофея, как и имущество убитых в сражении.

После этого, всех пленных выстроили в колонну и погнали в Константинополь в лучах заходящего солнца. Пленных должны были привести в город сегодня, без остановки. Пленных сопровождали конные траpezиты. Весь обоз отправился следом, а на месте остались ополченцы, чтобы сторожить трофеи до прибытия повозок. Добычи было слишком много. Одних доспехов и оружия набиралось 80 тонн.

Здесь пришлось пожалеть о том, что следовало бы оставить доспехи на пленных, чтобы они на себе притащили их в лагерь, а там уже сняли с себя. Все остальные вернулись в город, чтобы отпраздновать победу. В Цурул выслали гонца с известием о разгроме наёмников. В городе вновь царил праздник. Гудели колокола, звучали фанфары. Люди веселились на улицах. В первую очередь определились с пленными.

Со взятыми в плен ранее и византийцами, общее число пленных составило 12 тысяч человек, плюс до 2000 раненых. Всех их поместили на территории католического собора, выросшего в городе, за годы правления латинян. Своих пленных, до этого находившихся с нами, мы ещё вчера передали городу. Пока ещё не была подсчитана вся добыча, каждому воину выдали по 3 золотых дуката и 10 милисиариев, из уже подсчитанной части трофеев. Офицеры получили в соответствии со своим рангом. Нас это тоже касалось и деньги эти не засчитывались в сумму положенной нам выплаты.

Венецианцы.

10 июня. Воскресенье. С утра зазвонили все колокола в церквях, Духовенство организовало крестный ход по городу в ознаменование освобождения города от латинян и празднование победы над наёмниками. Все наши тоже приняли участие в торжествах, кроме меня. Я вновь вылетал на раз-

ведку, что узнать место нахождения венецианского флота и вообще наличия каких-либо врагов. Кроме этого, к месту захвата в плен остатков французов, под командованием графа де Блуа, отправили 380 повозок для доставки в город трофеев, охраняемых ополченцами.

Я, как обычно, вылетел с Арзамасом в направлении Мраморного моря. С высоты полёта мы разглядели вереницу пустых повозок, направляющихся за трофеями. Я свернул к Цурулу, чтобы увидеть, как защитники крепости начали работы по восстановлению разрушенных стен. Затем направился вдоль берега к Дарданеллам. Венецианский флот я встретил, уже прошедшими пролив, и проделавшими первые десяток миль по

Мраморному морю в направлении к Константинополю. На фоне синих вод, ясно виделись 8 парусных галер. Понятно. При длине моря в 280 км, галеры придут к городу не раньше, чем через 20 часов, то есть утром завтра. Надеюсь, мы успеем к этому времени подготовить им сюрприз. Я развернулся и полетел обратно.

Слава Богу, до сих пор у меня не было никаких претензий к самолёту. Он, всё ещё летал безупречно. Арзамас вполне наловчился заправлять самолёт на лету. Мы провели в кабину заливную горловину трубы и могли позволить себе полёт

за 300 км, а может и дальше. Но рано или поздно, скорее всего, лет через 7-8, летать на нём, станет опасно. Сомневаюсь, что нам удастся придумать и построить новый двигатель. Вернулись в 13 часов. Сегодня мы приземлились у бывшего лагеря наёмников и поставили самолёт в Константинополе. Мы уже особо не скрывали своих возможностей, не до этого было.

Многие жители видели воочию нашу технику и ознакомились с её возможностями, преклоняясь перед людьми в форме 20 века. Я отправился к Судейкину и доложил о результатах разведки. Затем пошёл обедать. Торжества прервались и после обеда состоялись торжественные похороны погибших в сражениях воинов. Хоронили и латинян с половцами. Для этой церемонии допустили католических священников, которые провели свой обряд и похоронили латинян и половцев, на своём кладбище.

После траурной церемонии, вновь вернулись к празднествам и вечером устроили торжественное угощение для горожан, а руководство города отмечало праздник в резиденции епарха, занятого Васиlaki. Пригласили туда всех руководителей от «Совета десяти». Я пошёл, хотелось немного расслабиться. Кстати, каждому из нас предоставили по комнате в крепости Акрополя, так что я имел свой, весьма недурственный «угол». Вечер проходил традиционно, пили

за императора и императрицу, за Никифора Тарханиота и за Судейкина.

Столов в зале было несколько, чтобы не выделять кого-то особо. Мы заняли один из столов, члены совета, а также, Архип, Кочебор,, Твердоус. Некоторые военачальники одели гражданские одежды, которые я называл бесстыдными, поскольку они подчёркивали некоторые отдельные органы человеческого тела. Однако сами византийцы нисколько не стыдились своих одежд. Может быть, мы и смотрелись экзотично в глазах местных модников, но я считал, что меня больше никто не заставит надеть такую одежду. Между прочим, европейцы, особенно византийцы, считали варварами всех тех, кто носил штаны.

Итак, мы исправно пили здоровье всех перечисленных персон и закусывали. Наш стол привлекал внимание окружающих, и они, с каким-то страхом следили за нашими действиями, возможно, ожидая от нас каких-то неординарных поступков, типа пьяного разгула с дракой и членовредительством окружающих или поедания сырого мяса и питья крови. Было как-то неприятно ощущать на себе подобные взгляды, но мы старались их не замечать, пили и ели в своём кругу, ведя разговоры на русском языке.

Между тем, я, Судейкин и Иманкулов отошли к окну и

закурили там папиросы, кстати почти последние. Уже через пару месяцев они закончатся. Этот невероятный акт, вызвал удивление и суеверный ужас среди гостей. Хотя присутствующие наверняка слышали, а кто-то может и видел кальян, через который персы, а позднее арабы, курили гашиш в смеси с целебными травами. Но фурор мы произвели, хотя и гости делали вид, что не обращают на нас внимания. К нам подошли три очаровательные девушки и, показывая на папиросы попытались выяснить, что это такое?

Давать им закурить новые папиросы, мы пожалели, но выбрав себе пару, предложили покурить вместе. Я отошёл со своей девушкой на несколько шагов в сторону, чтобы не привлекать особого внимания, но она повлекла меня дальше, и мы вышли на широкий балкон, проходящий на уровне второго этажа вокруг всего здания и служащего, чем-то вроде променада для гостей эпарха. На балконе уже находилось довольно много пар, некоторые из которых, совершенно не скрываясь, целовались и лапали друг друга.

Притом пары были не только разнополые, но и однополые, что вызвало во мне омерзение. Моя подруга, нисколько не смущаясь, назвала своё имя –Алексия. Имя мне понравилось. Я назвалась и девушка, как мне кажется, удивилась, очевидно ожидая от меня какого-то, труднопроизносимого слова. К сожалению, никто из нас не понимал чужого языка,

и мы объяснялись знаками. Я выбросил выкуренную папиросу с балкона и достал новую, вставил в рот и зажёл спичку, от чего Алексия испуганно отшатнулась от меня. Но тут же, смеясь, вернулась и подойдя ближе, положила руку на моё плечо.

Я закурил и выпустив дым изо рта, протянул папиросу Алексии. Она не стала брать папиросу в свою руку, а потянулась к ней губами. Я, держа папиросу в руке, протянул её, мундштуком к её лицу. Она, неумело взяла в губы мундштук и сделала затяжку, но не вдохнула дым, а подержав во рту, выдула. При этом она сделала такую уморительную, очаровательную, мордочку, что мои чувства зашкалили.

Я взял папиросу и затянулся. Она смотрела на мои губы. Я выдохнул дым и вновь протянул ей папиросу, при этом приобняв её за плечи. Она несколько не смутилась и не попыталась отодвинуться. Я, кстати, заметил, что она немного пьяна, совсем чуть, чуть и это, видимо, придавало ей храбрости. Мы выкурили папиросу до конца, причём она так и не затянулась ни разу. Меня совершенно не интересовало курение, а только совместный процесс. Я уже всю обнимал её, и она не отстранялась. В какой-то момент, я понял, что её можно поцеловать, что и сделал со всей страстностью.

Она обняла меня за шею и это показалось мне восхити-

тельным. Потом мы целовались беспрерывно, в течении получаса, пока я не понял, что не могу сдерживаться и начну её раздевать. Я знаками предложил ей идти со мной, и она кивнула. До акрополя мы чуть ли не бежали, и через полчаса уже заперлись в моей комнате.

Я целовал её в губы, шею, плечи, лихорадочно раздевая её. Она подставляла мне своё лицо, прикрыв глаза и немного помогла в раздевании. Я тоже разделся и закинул её в широкую кровать. Потом была чудесная ночь. Мы оба были слегка выпивши, но не пьяны и могли насладиться всеми радостями взаимного обладания. Она казалась мне невероятно красивой, и я на эту ночь совершенно забыл о Манане.

11 июня. Понедельник. Нас разбудил набат. Время было половина девятого. Я вскочил и посмотрел в окно. Акрополь располагался на высоте и с него открывался прекрасный вид на Мраморное море в месте его перехода в Босфор. Далеко за горизонтом я увидел приближающиеся паруса венецианской эскадры. Я повернулся к кровати. Алексия сидела на ней, чуть прикрываясь одеялом, с распущенными волосами, прекрасная и юная, как Афродита. Она совершенно не была смущена или удивлена и смотрела на меня огромными, чёрными глазами, которые контрастировали с её необычайно белым и нежным лицом.

Вообще она выглядела настолько мило, что не поцеловать её было просто преступлением, что я и проделал с удовольствием. Она спросила что-то, но я её понял и показал в окно. А сам начал одеваться, чтобы бежать к своей роте. В голове крутилось – куда деть Алексею? В дверь постучали, и я открыл её. Вошёл Арзамас, держа в руках поднос с едой. Он сразу заметил Алексею, но не подал вида и сказал – Вы не ходили на завтрак, и я принёс кое-что перекусить.

Я его поблагодарил и сказал, что скоро выйду. Я прикинул, что корабли подойдут примерно через час и предложил Алексии поесть со мной. Она совершенно естественно, не ломаясь, взяла с подноса кусочек лепёшки и начала её есть, показывая белые, ровные зубки. Мы поели вместе и запили вином из кувшина. Алексия тоже оделась и показала, что она уходит. Я не знал, как договориться с ней о новой встрече.

Но, вроде бы понял, что её нужно ждать завтра вечером. Я закивал головой и проводил до ворот акрополя. Потом подзвал двух юнкеров и велел проводить до дому. Она, увидев мои распоряжения, отрицательно покачала головой и показала, что пойдёт одна. Я развёл руками и отпустил юнкеров. Мы обнялись и поцеловались. Она пошла прочь, лёгкая и воздушная, накинув на голову платок, совершенно закрыв лицо. Я смотрел за ней, пока она не скрылась из виду. Тогда я пошёл к своим.

Из акрополя вышел Судейкин, ведя под руку одну из девушек, с которыми мы познакомились вчера. – Вот, тебе и на! – Сказал я себе. И Судейкин туда же! Было не удивительно, что и Иманкулов вышел не один. Судейкин, попрощавшись со своей подругой, позвал всех командиров на совет в зал приёмов акрополя. Оттуда было прекрасно видно, как корабли венецианцев, подплыли к Босфору. Три из них вошли в пролив и остановились у входа в бухту Золотой Рог, которая была перегорожена цепью.

Ещё три плыли вдоль берега, осматривая берег в надежде заплыть в одну из гаваней Мраморного моря. Однако, все они были перекрыты. Один из кораблей приблизился к Аркадским воротам и направил к ним шлюпку. Из неё вышли несколько важных венецианцев и попросили стражу на стенах пригласить кого-нибудь из руководства. Через полчаса к ним вышел комендант Василяки с пятью стражниками и между ними произошёл разговор, в конце которого, Василяки пригласил этих людей в город.

Они прошли во дворец эпарха, куда пригласили Никифора Тарханиота, Судейкина и руководителя ополчения Георгия. Венецианцы сообщили, что с эскадрой прибыл адмирал Микаэль Джованни, тот самый, что недавно разбил Никейский флот. Между прочим, мы решили не сообщать вене-

цианцам о разгроме Болдуина, чтобы посмотреть, что они предпримут. Конечно, венецианцы не были в курсе последних событий, уж очень быстро всё приключилось.

Поэтому их посол, Джузеппе ди Лоредано, вёл себя вызывающе и нагло. Во-первых, он осведомился, кто сейчас главный в городе? Васибеки ответил ему, это он главный и назвался полемархом Никомедии. Потом последовало требование выдать всех пленных венецианцев и открыть гавань для их кораблей. На все требования, Васибеки ответил отказом. Взбешенный Джузеппе увёл своих людей и отплыл к своей галере. Вся эскадра собралась вместе и направилась к Галате. Судейкин велел немедленно моей роте и роте Иманкулова бежать в гавань и садиться в наши корабли, чтобы быть готовыми к действиям венецианцев.

А замыслы у адмирала Джованни были следующие – имея на галерах, 1200 человек десанта, плюс 800 матросов, он собирался захватить крепость Галату, которую в настоящий момент охраняла рота юнкеров Марченко, усиленная тремя взводами дружинников. Адмирал велел четырём галерам подняться чуть далее по Босфору за Галату и высадить там десант, который выйдет на крепость с тылу и приготовится к атаке. Четыре других корабля подплывут к стенам Галаты и начнут штурм со стороны моря. Видя, что Венецианцы предпринимают военные действия против Галаты, мы снялись с

якоря и под парусами, и на вёслах начали править к цепи у самой крепости.

Пары ещё не подняли до нужного давления и приходилось плыть таким образом. Галеры венецианцев и наши корабли начали подходить к Галате почти одновременно. Венецианцы держали наши корабли в поле зрения и, когда расстояние сократилось до 300 метров, начали швырять в нас камни. При этом швырял камни последний корабль, так как первые три уже причалили к берегу и начали обстрел стен из арбалетов и баллист. Обошедшие крепость с тыла, в это время кинулись в атаку, неся с собой длинные лестницы. Со стороны моря, десант также кинулся вперёд с лестницами, поддерживаемый арбалетчики.

Всё это время гарнизон выжидал, ожидая подхода врага поближе. Кстати, несколько камней упали на палубу «Воронежа», причинив незначительный ущерб наружным постройкам. Убедившись, что корабли противника хорошо закорились у берега, перед стенами, «Воронеж» открыл огонь по последней галере, ещё не приставшей к берегу, что послужило сигналом для гарнизона крепости, открывшему огонь из луков, карабинов и пулемёта по палубам приставших галер, а также по подбегающим к стенам десантникам. С тыла крепость штурмовали тысяча человек, с моря, пока ещё 600.

Огонь 50 карабинов по каждой нападающей группе, не позволил нападавшим даже поставить лестницы, а пулемёт смёл с палуб галер, выжидающих результатов атаки, матросов команды. Пушка «Воронежа», несколькими выстрелами снесла с последней галеры мачты и разрушила постройки, заставив команду спрыгнуть за борт и плыть к берегу. Как раз опустили цепь, перегораживающую вход в гавань и «Ока» с «Воронежем» направились в Босфор, причём «Воронеж» продолжал расстреливать приставшие к берегу галеры, а «Ока» пошла дальше, к стоявшим в километре от крепости, четырём другим галерам.

Следом за нами плыли обе Никейские галеры с десантниками на борту. Пытавшиеся штурмовать крепость с моря оказались зажаты между стенами и катамараном, уничтожающим пытающихся сопротивляться. А сверху их расстреливали юнкера. Катамаран поплыл за «Окой», предоставив дальнейшее, экипажам наших двух галер.

Венецианцы, метавшиеся между кораблями и стенами, не имея возможности спрятаться от убийственного огня, запросили пощады. Две наши галеры тут же взяли на abordаж 4-ю галеру, а первые три, лишённые экипажей, бросившихся в воду, держали под прицелами арбалетов, не давая выжившим матросам выйти на палубу.

Между тем, получив столь решительный и неожиданный отпор, десантники первых четырёх галер, кинулись бежать к своим галерам, бросив на месте свои лестницы. Однако там уже стояли оба наших фрегата, расстреливая палубные команды. Очень многие матросы спрыгнули на берег и задали стрекача в глубь территории. Бежавшие к галерам десантники, поняв, что им не удастся вернуться на свои галеры, побежали за своими соратниками вглубь полуострова.

Нам достались 4 галеры без экипажей, с одними гребцами. На палубу этих галер, перескочили по взводу юнкеров, заставив гребцов грести в гавань Золотого Рога. Корабли вернулись к первым галерам, где бросивших оружие венеганцев загоняли в трюмы своих же галер и также отчаливали в гавань. Оставив крепость Галату, все корабли вошли в гавань и пристали к воротам Осуждённых, что было весьма примечательно и сдали пленных городским стражникам. Всего насчитали 980 воинов и 960 гребцов.

Под стенами Галаты нашли свою гибель почти 800 венеганцев. Был захвачен в плен знаменитый адмирал Микаэль Джованни, а в числе пассажиров нашли и Марко Градениго, бывшего правителя венеганской части Константинополя. До 600 человек убежали в сторону Чёрного моря. Только куда они денутся? Однако позже стало известно, что они вышли к морю и двигаясь на север, вдоль побережья, были

замечены генуэзским судном на третий день их путешествия и доставлены в Кафу, где их отпустили. Им изрядно повезло, чего не скажешь об остальных.

Когда всех пленных увели, я сошёл с катамарана и отправился в город. Меня мучила мысль, что я изменил Манане. А Алексия всего лишь девушка для гостей. Очень красивая, умная и умелая. Оказывается, каждому из нас, приглашённому на торжественный ужин, была подготовлена девушка. Это была своеобразная награда нам, за участие в судьбе города. Но всё равно, Алексия запала мне в душу. Неужели она всего лишь та, о чём я думаю? Как-то не верилось. Интересно, она придёт завтра?

Мы почиваем на лаврах.

24 июня. Воскресенье. Ну вот и свершилось! Константинополь освобождён и все препятствия для его включения в состав империи и даже, объявление его столицей новой Византии устранены. Все последние крепости латинян на обеих берегах Босфора сдались императору Иоанну III Ватацу. Сегодня император торжественно въезжает в свою столицу. Из-за этого представления, мы вынуждены были ждать две недели. Деньги были у императора, и он обещал нам заплатить 100 тысяч золотых перперов. Так что пришлось ждать его приезда. До этого он заставил покориться ещё несколько

последних городов, где сидели латиняне. А город готовился к торжествам.

Событие в самом деле было всемирного масштаба. И мы приложили свою руку к этому событию, вернув город Иоанну на 20 лет раньше. В течении этих двух недель, мы наконец-то подсчитали свои трофеи и поделили их между участниками освобождения города. Правда, все трофеи, захваченные после 8 июня, были переданы в казну города.

Я правда, должен заметить, что почти все. Кое какие мелкие вещицы мы утаили, совсем немного. Тем не менее, все трофеи, захваченные с 8 июня до полного разгрома венецианцев и крестоносцев 11 июня, были самым скрупулёзным образом пересчитаны в ведомстве коменданта Василяки, оценены в денежном выражении и распределены, в строгом соответствии с имеющимися законами Никейской империи в отношении военных трофеев, между всеми бойцами, принявшими участие в освобождении и защите города. В соответствии с этими законами, 20% добычи поступала в казну империи, 10 % в казну города, 10 % лично императору, а остальное, согласно рангу участников, всем остальным.

Как-то незаметно, Василяки удалось провести стоимость захваченных лошадей и половины доспехов, мимо ведомства логофета армии. Честно говоря, эти деньги он вложил в раз-

витие столицы и в расходы по встрече императора. Мы не были за это на него в обиде, трофеев и без этого было достаточно. Нам перепало очень даже много и, с учётом ранее добытого, мы имели: комплектов доспехов и вооружения – 2465 (из общего числа захваченных, более 40 тысяч), золотых дукатов -71420, серебряных милисиариев-164000, 8 сундуков золотых и серебряных украшений, посуды и оружия, некоторые с драгоценными камнями, цену которых мы не брались определить, разве что по весу. Имелись также, уже упоминаемые –дорогие шубы и одежды, расшитые золотом, зеркала, книги и карты, делить которые было затруднительно.

Ну а продукты долгого хранения, типа соль, сахар, масло, зерно, мука, пока лежали в трюмах «Воронежа». В живых к сегодняшнему дню из нашей армии, оставалось 1154 человека, не считая 342 казаков. К огромному сожалению, после всех сражений, более 100 человек умерли от ран, позже. От ведомства логофета армии, нам достались премиальные от общих трофеев, на сумму в 92 тысячи перперов. После распределения по рангам участникам, вышло на каждого рядового участника по 61 перперу и 6 милисиариев. Что в переводе на наши деньги, составило по 12, 5 гривен или по 250 рублей. То есть по 4 годовых зарплаты. Своих денег мы не считали.

Обогащение не входило в наши планы. Никто не смог бы обвинить кого-то из «Совета десяти» в стяжательстве или расточительстве. Все заработанные деньги, мы считали общими, нашей структуре и предназначенными только на развитие и благо всех граждан нашего растущего общества. Поэтому свои деньги, полученные в процессе освобождения Константинополя, мы пока не собирались раздаривать всем участникам, считая, что оставшиеся в Маргелово и Воронеже для охраны и продолжения строительства, в такой же степени заслужили эти средства и имеют право получить свою часть доли от награды.

Была идея, продать здесь же все доспехи, чтобы не везти с собой, но в связи с огромным объёмом появившейся на рынке добычи, стоимость доспехов и оружия упала в 3-4 раза, как и на лошадей, которых мы захватили около 25 тысяч. Кстати, казаки не были заинтересованы в продаже доспехов и оружия и даже просили нас уступить им свою часть, вычтя их стоимость из их доли трофеев. Кроме всего прочего, городу достались огромные запасы продуктов и снаряжения из обоза армии наёмников. А в то же время, почти 12 тысяч пленных, ожидали своей участи, находясь в тюрьмах города и 2 тысячи в больницах, ещё не долечившись после ранения.

В их числе находились весьма знатные особы, как Марко Градениго – бывший правитель итальянской части города,

Ансо ди Кайо- регент империи, адмирал Джованни, Тьери де Тенремонд –коннетабль Ромеи, сам бывший император Болдуин,

Остающийся, всё еще, маркграфом Намюра, несколько графов, маркизов, баронов и обычных дворян и знаменитых рыцарей. Уже прибывали к нам посланцы из Франции, Венеции, Германии и других стран с просьбой выдать пленных.

Некоторых уже отдали, из –за других продолжали торговаться, но из всего этого, вновь рождённая Византия, получит миллионные прибыли, которые мы, к сожалению, не учли в своё время и не включили одним из пунктов договора. Но в то время никто не предполагал, что поставленная нами задача будет решена столь радикально. Латинская империя исчезла с карты мира, а взамен появилась бывшая, новая Византия, сильнейшее государство на востоке Европы, грозящая святому престолу, опора православному миру. Очень скоро в Константинополь поедут Венецианские и Генуэзские посланцы с просьбой заключения нового договора о пропуске их кораблей через проливы в Чёрное море, к своим факториям в Крыму и на побережье.

И это тоже принесёт империи новые доходы. Вот такую, неопенимую услугу мы поднесли императору Иоанну. Что же касается Алексии, то она пришла через день ко мне, и мы провели ещё одну незабываемую ночь. И продолжала при-

ходить раз в два дня, и я ждал её, как манны небесной. Таковую же награду получили все руководители нашей маленькой армии – Судейкин и другие 5 лейтенантов, Архип, Кочебор и Твердоус. Я узнал, что Алексия не принадлежит к породе женщин, относимых мужчинами в категорию «Жриц любви», которых в городах Византии было достаточно.

Она, как и её товарки, относилась к, так называемым, «Гетерам», классу достаточно богатых женщин и девушек Византии, классу уважаемому, что-то вроде японских Гейш, предназначенных для развлечения компаний, собравшихся на праздник или, чтобы просто развеяться. Таких учат манерам и науке отвлечения от неприятных воспоминаний. Они могут поддержать беседу на фактически любую тему и отличаются приятной внешностью. Их учат этому искусству с малых лет и занимаются этим делом до пожилого возраста.

Мне довелось, в своё время, прочитать роман Ефремова «Таис Афинская», где речь велась о знаменитейшей греческой гетере, которую полюбил сам Александр Македонский и на которого она имела серьёзное влияние. Гетеры, совсем не обязательно, должны переспать с развлекаемыми ими мужчинами, а напротив, очень редко прибегают к таким способам доставления удовольствия. В нашем случае, они были приставлены к нам, по личной просьбе коменданта Василаки, а также и по своей собственной инициативе, чтобы

отблагодарить нас за оказанную городу помощь, если можно так выразиться – из чувства патриотизма. Я предлагал Алексии жить со мной постоянно, но она не соглашалась. Предложить ей деньги, у меня не повернулся бы язык, да и она бы это не приняла.

Поэтому я мог лишь довольствоваться одной ночью в течение двух суток, которую я ждал с нетерпением. Я поражаюсь сам себе, что так легко могу забыть о Манане, не говоря о Веселине и Бажене. Между прочим, никто из моих соратников, в том числе и Судейкин, не жаловались на эту услугу. Итак, сегодня город приготовился к встрече императора Византии. Ещё за 2-3 дня до этого, улицы начали наряжать гирляндами, флагами, цветами и другими, возможными способами. Из провинций и вассальных государств, прибыли их правители –эпархи, деспоты, дуки, префекты крупных городов, генералы и адмиралы, родственники и просто знатные патриции.

Все гостиницы были заполнены. Многие останавливались на квартирах у знакомых или снимали на время жилище. Между прочим, присутствовали и посланцы из Европы. Венецианские и Генуэзские посланцы, с кислыми выражениями лиц, посланцы от святого престола, от императора Фридриха, Людовика IX, Иконийского султаната, Грузии и других стран. Церемония началась в 11 часов дня. Присутство-

вать на ней пригласили и наших представителей. Большинство юнкеров и дружинников находились в толпе зевак. Мы не догадались захватить с собой парадную форму и поэтому надели, начищенные до блеска кирасы, шлѐмы с перьями.

Наша задача состояла в сопровождении самого императора при въезде в город, наряду с его гвардией, телохранителями и свитой. Такой чести мы удостоились по личной просьбе императора, подчѐркивавшего, что основную роль в освобождении его столицы, сыграла наша помощь, в чём мы были совершенно согласны. Колокола на звонницах всех церквей зазвонили одновременно, и наш торжественный строй двинулся в город через Золотые Ворота.

Впереди колонны шествовали трубачи и дули в фанфары, за ними двести гвардейцев Варяжской гвардии, следом император, на белом коне в окружении своих генералов и нас, а за ним ещё несколько гвардейских подразделений. В воротах, варяжская гвардия разделилась на 2 потока, дав возможность патриарху константинопольскому, Мефодию, с синклитом священников всех мастей, нѐсших хоругви и иконы, выйти навстречу императору, который сошёл коня и, преклонив колено, приложился к иконе пресвятой Богородицы, принял благословение от патриарха и продолжил шествие в направлении собора Святой Софии.

В соборе патриарх провёл торжественную службу в честь избавления города от нечестивых. Мы, всё время находились среди свиты Иоанна, сопровождая его через весь город, сквозь запруженные ликующими горожанами, улицы. Принимали поздравления от уважаемых горожан и иностранных делегаций, дойдя в конце концов к императорскому дворцу, приведённому в порядок и блестящему чистотой и роскошью золочённых ворот и дверей. Уже в 3 часа дня, император вошёл в парадный зал дворца и его усадили на роскошный трон из золота и слоновой кости.

С ним в зал прошли не менее 300 самых важных и уважаемых гостей и членов администрации империи и города. Здесь император поблагодарил присутствующих за оказанную ему честь, прибыв к нему на торжества и отдельно поблагодарил нас, назвав «Советом десяти», не известным почти никому из присутствующих, словосочетанием, что заставило многих гостей, с недоумением, переглянуться. На этом император отпускал нас, приглашая прибыть к 18 часам на торжественный обед.

Кстати, сегодня я ждал Алексею и не пошёл на торжественный ужин, посчитав, что общение с ней, намного дороже мне, встречи с императором. Алексия, как знала, что я буду её ждать и, как всегда, появилась в 19 часов. К нашей общей радости, она знала достаточно неплохо болгар-

ский язык, на котором мы, вполне могли понимать друг друга. Мы подолгу беседовали о различных аспектах жизни и на другие темы. Я поражался, насколько она умна в свои 20 лет! Я не удержался и поведал ей правду о нашем прибытии. Она не очень удивилась, но просила рассказать ей о будущем. Подолгу слушала меня, не перебивая и порой переспрашивала, уточняя некоторые моменты. С ней было очень легко и просто.

Я чувствовал, что влюбляюсь в неё всё больше. Однако понимал, что она никогда не согласится ехать со мной в дикие леса и степи. Она не представляла себе жизнь в обществе единственного собеседника. А я не мог её представить в роли матери с ребёнком на руках, провожающую мужа на работу. Но мысль, что нам придётся расстаться изводила меня. Поэтому я каждый раз набрасывался на неё, как голодный зверь и терзал почти всю ночь. Не знаю, нравился ли я ей. Спросить об этом я стеснялся, а она на эту тему не заговаривала.

25 июня. Понедельник. Император объявил праздниками 3 дня. Так что и сегодня мы продолжали гулять. Мы вновь, по приглашению, выступали в свите сопровождающих императора самых близких ему людей, которым он доверял безоговорочно. Сегодня должна была состояться церемония коронования Иоанна на трон Византийского импера-

тора. Коронация происходила в соборе Святой Софии. Короновал Иоанна всё тот же патриарх Мефодий. Вновь весь город был запружен народом.

В церкви присутствовали вчерашние гости. Мы, совместно с варяжской гвардией стояли в окружении новоиспечённого императора. Церемонии, связанные с коронацией, продолжались до вечера. Вечером вновь состоялся пир. Василики прислал нам, всё-таки, срамное византийское гражданское платье. Морщась от отвращения, я напялил на себя полосатые колготки на каждую ногу и соединил на заднице. Хорошо, что сверху мне достался достаточно длинный сюртук, который прикрывал мой срам.

На голову напялил берет, размером с хорошую грузинскую фуражку нашего времени, называемую «аэродром». На вечер пошли все вместе, потешаясь друг над другом. Я в мыслях покатывался со смеху, наблюдая за своими однокурсниками. Казак Степан Кочебор, категорически отказался одевать этот наряд и остался в акрополе. Вновь мы уселись за один стол, на этот раз не привлекая особого внимания и начали пить и есть.

После того, как император назвал нас самыми важными своими союзниками и лучшими друзьями, отношение к нам со стороны его приближённых, а также гостей, заметно из-

менилось. Сейчас все считали первым долгом поприветствовать нас, подойти и справиться о нашем здоровье, о чём-то ещё. Слава Богу, что мы, не зная ни греческого, ни латыни, на которой изъяснялись все абсолютно, не понимали сказанного и от нас быстро отставали. А мы специально не пользовались услугами переводчика.

Мы весело проводили время, одновременно любуясь присутствующими в зале красавицами и разодетыми в пух и прах вельможами. После нескольких попыток с нами заговорить, нас оставили в покое, и мы спокойно досидели почти до конца, но потом нам надоело, и мы ушли домой. В городе всюду праздновали. По указу императора, на улицы выкатили бочки с вином и угощали всех желающих. Было много пьяных, но тем не менее практически не случалось драк. Все граждане вели себя в высшей степени патриотично.

26 июня. Вторник. Праздник продолжился и сегодня. Мы сопровождали императора в

Студийский монастырь, где он был принят настоятелем, отцом Лукианом и исповедался тому. Монастырь подвергся разграблению крестоносцами в 1204 году и всё еще не был полностью восстановлен. Известно, что многие из императоров Византии принимали схизму в этом монастыре, имевшим высокий статус среди здешних монастырей. Император пообещал в скором времени полностью восстановить

разрушенное. На пир я не пошёл, предпочтя провести время с Алексией.

2 июля. Понедельник. В суматохе празднеств и пиров, прошла ещё неделя. Император был крайне занят делами империи, и мы его понимали. В Константинополь вступили все гвардейские части и отборные отряды империи. Налаживалась работа администрации города, которой руководил новый эпарх Васибеки. Заключение договора с Венецией и Генуей о пропуске их кораблей в Черное море. Сколько при

этом они будут платить, нам было неизвестно. Всех венецианцев выпустили из тюрем и передали их землякам. А мы в это время занимались откормом и давали отдых бывшим рабам, исполнявшим на венецианских галерах роль гребцов.

Во время освобождения города, нами было уничтожено 14 галер. Гребцы, частью свободные венецианцы, работающие на галерах по приговору суда, за долги или другие преступления были отпущены с другими венецианцами, далматинцами и словенцами – подданными республики, а вот рабы из числа турок и русских, были задержаны и их планировали перевести на ту же работу во флоте Византии, но мы потребовали освобождения своих земляков, которых набралось 424 человека. Администрация города была вынуждена согласиться и рабов передали нам.

Мы всё ещё занимали акрополь, он был весь в нашем распоряжении. Сюда прибыли и 200 наших защитников из Галаты, после передачи крепости под охрану византийской армии. Так что нас здесь набиралось более двух тысяч. Еду нам готовили в местной столовой, рассчитанной на 3 тысячи едоков, в случае осады. Рабы представляли из себя печальное зрелище – измождённые и полураздетые, поступили они к нам две недели назад. Мы их приодели и сейчас они отъедались и отдыхали, набираясь сил.

Все они были достаточно молодыми людьми, от 18 до 35 лет. Старше в гребцы не брали, они не выдерживали нагрузки. Всех их расспросили о прошлой жизни, как попали в гребцы, какой специальностью владеют. В основном, большинство из них попали в гребцы от монголов, продавших их венецианцам в Кафе. А поймали их, во время нашествия в 1238 и 39 годах. Родом были из Рязани, Мурома, Владимира.

Специальность, как правило, крестьяне, мастеровые. 46 человек объявили себя дружинниками, пятеро купцами, 20 боевыми холопами купцов, дворня при боярах. Боевых холопов и бывших дружинников заставили после недели отдыха, показать своё мастерство, а потом разбили на 5 групп, 4 по 9 человек и одна из десяти. Приставили к ним юнкеров десятниками и велели заниматься спортом по утрам, как все наши люди.

После обеда к нам прибыл посланец от императора и пригласил Судейкина к себе. Вернувшись к ужину, он рассказал о предложении императора.

Судейкин: – Император извинился, что заставил нас так долго ждать обещанных денег. Сослался на крайнюю занятость. Я, конечно же, ответил, что мы бы ещё подождали, ничего страшного. Император сообщил, что деньги, обозначенные в договоре с Вождёвым, у него имеются и он готов их выплатить хоть завтра. Однако у него есть деловое предложение. В 1214 году, турки захватили город-порт Синоп, по-

лучив с ним выход в Чёрное море. Город принадлежал империи Трапезунд. Сейчас он расположен как раз между нашими империями. Не нужно объяснять, насколько важно владеть этим портом. Мало того, отняв этот порт у турок, им будет закрыта дорога в это море и ослаблено их влияние в этом региона.

Я уже понял императора. – Так вы хотите предложить нам этот город захватить?

– Совершенно верно – ответил император. – Я ни в коем случае не навязываю вам своего решения, и вы вольны, получив свои деньги, возвращаться к себе на Родину. Но я точно знаю, что только с вашей помощью можно овладеть Синопом. Что вы скажете мне на это?

Я ответил, что мне необходимо посоветоваться, со всеми членами совета.

– Хорошо – сказал император. Приходите завтра в это же время и приносите мне ответ.

– Так что господа офицеры, я прошу высказываться.

Иманкулов спросил – А почему бы императору не подождать 2 года? Монголы разгромят армию сельджуков и то-

гда, захватить Синоп будет гораздо проще?

– Может быть это и так, но император хочет это сделать быстрее. Кроме того, после разгрома турок, они станут вассалами монголов и могут попросить тех наказать Византию за вмешательство.

– Да, – протянул Марченко. – Вопрос конечно интересный. Мы вроде бы договорились, что не будем больше участвовать в захвате городов?

– Верно – ответил Судейкин, я так и сказал императору. Однако, он опять же, предлагает нам всего лишь помочь открыть ворота или подсобить с прикрытием десанта, во время влезания на стену. То есть вести обстрел стены, пока кто-то лезет на них.

– Ну тогда другое дело, заявил Марченко, и мы его подержали.

– И какова цена вопроса? – спросил Иманкулов.

– Вот тут, я не спросил – ответил Судейкин. – Но давайте решать, сколько запросим?

– Вот что, – сказал я. – Это, моя вина, что я продеше-

вил с ценой освобождения Константинополя. По-моему, одни трофеи, доставшиеся империи, потянут на 2-3 миллиона дукатов, а скорее даже гораздо больше. А то, что мы сможем преподнести императору со взятием Синопа, просто не оценить! Я предлагаю в этом случае не мелочиться, но и не наглея, потребовать те же 100 тысяч дукатов и долю в военной добыче. Всё, что возьмём, будет наше. Все поддержали меня, но решили просить 150 тысяч дукатов, или в другой валюте, можно просто золотом или серебром.

– Прекрасно – закончил Судейкин. – Завтра ставлю условие императору. Если он не согласен, пусть ищет других исполнителей.

Захват Синопа.

3 июля. Вторник. Утром мы построили весь отряд и объявили о предложении императора. Кроме этого, Судейкин заявил: – Господа юнкера и дружинники! Мы, до сих пор не делим наши трофеи на всех участников похода. Почему мы так поступаем? Вы, может быть, думаете, что все эти деньги мы заберём себе и выстроим для себя дворцы, наберём слуг и наложниц? Кто-то из вас может сказать, что мы трачим деньги на себя? Или вы считаете, что оставшиеся в лагере не заслуживают своей доли из наших трофеев? Вы, надеюсь, не считаете себя эдакими героями и титанами, которым

море по колено, с вашим огнестрельным оружием? Так я напоминаю – это не ваше оружие, а наше. И попали вы сюда по нашей воле. Разве оставшиеся в лагере не смогли бы поехать вместо вас, а вы, остаться на дежурстве? -

– Вас научили стрелять и за ваши жизни мы не жалеем никаких денег. На вашем месте мог бы оказаться любой другой, достаточно лишь научить его нажимать на спуск. Не надо считать себя выше других. Мы ещё не доучили вас до конца, чтобы вы все почувствовали себя товарищами, одной большой семьёй, где каждый получает не по потребностям, а по возможностям. И мы ещё будем учить ваших детей, чтобы они влились в нашу семью. Поэтому мы никого не держим насильно. -

– Кому не нравится наша система, пусть идёт служить к другому князю, но без карабина. И много он получит от князя или другого хозяина? Так что решайте. Мы уже приняли решение, чтобы не рисковать вашими жизнями, никто из вас не полезет на стены с мечом. Вы заметили, какие потери у нас, а какие у Nikeйцев? А насчёт награды за боевые заслуги, то вас никто не обидит, но и не просите больше, чем мы можем дать.

Короче, наши согласились. Потом спросили у казаков и княжеских гридней. Отказались воевать казаки. Уж больно

велики потери. Мы не возражали. Поставили вопрос – как казаки доберутся до Хопра? Поплывут на галерах или подождут нас? Казаки решили подождать нас. С этим решением Судейкин отправился к императору. После 15 минут ожидания, император принял Судейкина и тот передал тому решение совета. Немного подумав, император согласился и приступили к обсуждению деталей.

Предполагалось, что император предложит, взятым в плен, 12 тысячам французским наёмникам, принять участие во взятии Синопа. За участие им будет уплачено по нормальному тарифу, а трофеи те заберут себе, как обычно. При этом, необходимо было избежать разрушений и пожаров в городе, так как он перейдёт под власть империи. А после взятия Синопа, наёмники получают полную свободу выбора – остаться на службе у императора или вернуться во Францию.

Император уже беседовал на эту тему с командиром наёмников, графом де Блуа и тот согласился. В то же время, византийцы отправят по суше от Амастриды, войско, с целью не допустить подхода подкреплений к Синопу со стороны Кенийского Султаната.

– Сколько вам нужно времени для подготовки? – спросил император.

– Давайте отправимся в пятницу, предложил Судейкин.

– Отлично, ответил император. – Отряд поддержки будет отправлен уже завтра галерами на Амастриду. Ну а как с выплатой вам денег за взятие Константинополя?

Договорились, что завтра, часов в 10, к казначейству подъедет ЗИЛ 131 с одним из руководителей и получит вознаграждение в виде слитков серебра и золота. На этом, довольный Судейкин удалился. Весь флот Византии к этому времени насчитывал всего 28 галер, включая те 8, что мы отбили у венецианцев, имеющих возможность перевезти около 5000 десантников. Так что было принято решение, завтра подключить к перевозке и оба наших судна. Два наших корабля могли поместить на себе до 2000 человек. Расстояние до Амастриды 400 км. Обычная галера проплывёт это расстояние за сутки – двое, в зависимости от направления ветра.

Таким образом за один рейс, длящийся 4 дня, перевезут примерно 5,5 тысяч человек, а 12 тысяч наёмников плюс 8 тысяч византийцев, перевезти удастся почти за 4 рейса, то есть за полмесяца. Надо принять решение, как можно сильнее потесниться. Однако, даже в этом случае, выходило – 3 рейса. Пришлось согласиться с этим вариантом и завтра же начать перевозку.

4 июля. Среда. Получать деньги выехали на ЗИЛе, за рулём я, рядом Судейкин, в кузове десять юнкеров с пулемётом. Горожане вполне привыкли к разъезжающему по городу автомобилю, но всегда крестились, при виде его. Подъехали к казначейству, и Судейкин отправился оформлять документы. Через час, получили разрешение на получение драгоценных металлов. Нам указали, куда следует подъехать.

Затем кладовщик и заведующий складом, взвешивали на весах мерные слитки золота, хотя они и имели на себе штамп с указанием веса. Процедуру охраняли 4 вооружённых стражника. По мере взвешивания, юнкера переносили мешки с золотом и серебром в машину. Всего получили 250 кг золота и 2 тонны серебра.

Отвезли полученное в акрополь и сгрузили в специально организованную кладовку, где хранили ценные вещи. Для облегчения кораблей, весь день перевозили из их трюмов все трофеи, продукты и ненужные в плавании вещи. Уже к 14 часам освободили корабли, и они отплыли в Амастриду с караваном галер, имея на борту, в общей, сложности 8 тысяч византийцев. Теперь оставалось только ждать. Кстати сегодня, после обеда, всем была выдана обычная, полагающаяся им стипендия и зарплата.

12 июля. Четверг. Вчера вечером эскадра вернулась из

очередного, второго рейса. Сегодня наша очередь. Мы отплываем навсегда. Эту ночь я прощался с Алексией. Я с трудом взял себя в руки, заставив поверить в то, что мы, будто бы, просто провели время, без обязательств. Трудно было с этим согласиться. Не знаю, что испытывала

Алексия, во всяком случае, она ничем не выдавала своих чувств.

А я очень переживал, но понимал, что ничего не могу поделать. Алексия сказала, что не придёт меня провожать, чтобы не устраивать спектакль. Она заявила, что не любит прощаться. Так что мы, всего лишь поцеловались в последний раз, и она ушла, оставив меня с разбитым сердцем. Не знаю, что пережили мои однокурсники, я не спрашивал. За месяц пребывания в Константинополе, очень многие из юнкеров и дружинников познакомились с местными девушками и несколько человек, а точнее, аж 26 человек, приходили ко мне и другим своим командирам, умоляя захватить с собой своих возлюбленных.

И мы, после бурного разбирательства, позволили им осуществить это желание. На борту катамарана, предусмотрели помещение для размещения 26 девушек с их нехитрым имуществом, предупредив их и их парней, что девушки тоже будут работать в пути, занимаясь стиркой и помогая по камбузу. А с утра занялись погрузкой в корабли нашего имуще-

ства, трофеев, продуктов и снаряжения. Сегодня, в последний рейс, выходила вся эскадра, имея на борту последних 4 тысячи наёмников и 1946 членов нашей экспедиции, включая матросов, казаков, бывших гребцов и 26 девушек. Этот рейс не был таким переполненным, как предыдущие и мы, с относительным комфортом, разместились на борту катамарана «Воронеж» и «Оки». Должен отметить, что три дня назад, я имел честь прокатить императора в самолёте.

Он всё-таки нашёл свободное время для этого мероприятия. Заранее подготовленный самолёт ждал на ВПП у нашего бывшего лагеря. Император прибыл в окружении варяжской стражи, большой свиты царедворцев, с женой Ириной. Варяги оцепили ВПП с двух сторон на 100 метров. Кстати, некоторые из свиты помнили, как я катал императора и Ирину на ГАЗ 51 и приветствовали меня, как старого знакомого. Я только успевал раскланиваться. Но вот император влез в кабину и устроился в кресле.

Я влез за ним, задвинул фонарь, и мы полетели в небо, провожаемые взглядами толпы. Я не стал намечать какой-то маршрут, а начал кружить вокруг Константинополя, всё более расширяя круг. Мы летали 20 минут, и император восхищался открывшимся ему видом города и окрестностей. Когда мы приземлились, он произнёс перед встречающими: – Теперь я, единственный из всех правителей в мире, могу по-

хвастать, что я летал. Придворные наградили его и меня аплодисментами. Император сказал мне на прощание: – Знаю, что ты не согласишься, но я был бы счастлив, если бы ты принял моё предложение и остался служить у меня. Я подтвердил его предположение, вновь ответив отказом. Не хотел я становиться отщепенцем и бросать начатую работу по превращению России в передовую державу.

14 июля. Суббота. Мы прибыли в Амастриду в 7 часов утра. Поскольку нам нужно было, после захвата Синопа, возвращаться сюда за гонораром, то выгрузили большую часть своего имущества на берег Старый знакомый, турмарх Амастриды – Феофан Алиат, предоставил нам большое складское помещение. На Амастриду пойдут 300 юнкеров и 100 дружинников, на катамаране, а ещё 100 юнкеров с сотней дружинников на «Оке». Все остальные, кроме, естественно, матросов, остаются в Амастриде.

Командовать ими отправятся Судейкин, Марченко, и Иманкулов. Именно на них упал жребий. Мне же, предстояло лететь к Синопу на разведку, что я и выполнил, вылетев с Судейкиным. Он должен был в полёте, набросать план крепости. Лететь надо было 300 км, и мы взяли с собой 4 канистры бензина. Вылетели в 14 часов, а в 18 часов были над Синопом. Это был очень характерный город, расположенный в самой узкой части, выступающего далеко в море полуостро-

ва. Оконечность полуострова представляла из себя горы, город лежал в низине, имея гавани с обеих сторон перешейка.

В северной оконечности города высились стены крепости, а сам город также был опоясан стенами с квадратными башнями. Мы сделали несколько кругов над городом, порой, снижаясь до 200 метров. Летательный аппарат привлёк всеобщее внимание и сверху было видно, как люди задирали головы, бегали и суетились. Кое кто стрелял вверх из луков, но, как и следовало, безуспешно. Минут 15 кружили вокруг и, когда Вадим сообщил мне, что он занёс всё на бумагу, мы легли на обратный курс. Солнце не уходило за горизонт до 21 часа, и мы успели вернуться до темноты.

Я чертовски устал от напряжения, вести самолёт, в течении почти 8 часов. Судейкин тоже. Тем не менее мы оба, немедленно собрали комсостав и доложили обстановку и схему крепости. Рассмотрев схему и обсудив предложения, пришли к всеобщему мнению, что следует подступить с катамараном к одной из башен, принадлежавшей к городской стене, стоящей непосредственно в воде и, обстреливая её защитников из карабинов, чтобы они не посмели высовываться, прямиком, с палубы катамарана, поставить лестницы и начать штурм этой башни.

После занятия башни, перебраться на неё наёмникам и,

продвигаясь дальше по стенам, связать турок боем на стенах в то время, как отборный отряд, пробьётся к ближайшим воротам изнутри и откроет их. В том месте расположится «Ока» с другим отрядом, который ворвётся в ворота и начнёт бой. Галеры в это время будут подвозить новые отряды. Вполне возможно, что бой со стороны гавани отвлечёт основные силы противника, и византийцы, уже подошедшие с юга и занявшие позицию перед стенами города, смогут преодолеть стену с той стороны.

Захват крепости, в случае захвата города, будет не обязателен. Гарнизон крепости не сможет долго продержаться без подвоза продуктов и скорее всего сдастся через 2-3 месяца, не дольше. Катамаран повезёт полторы тысячи наёмников. На «Оке» разместятся ещё 800. Итого 2300. Вполне приличная ударная группа, если учесть, что гарнизон города состоит из четырёх тысяч человек, а в крепости всего одна тысяча. Когда откроют ворота, туда начнут входить наёмники, перевозимые на галерах, которых ещё 1700. А с юга ждут сигнала 8 тысяч наёмников и столько же византийцев.

Городу не удержаться. Без сомнений, о продвижении войск к Синопу, уже донесли в Конью, но пока там соберут войско, город будет в наших руках. А войско будут долго собирать, потому что на 20 тысяч гарнизона, потребуется 40 тысяч нападающих. После захвата города, общее войско нач-

нёт расширять захваченную территорию к востоку и на юг, а к тому моменту византийцы начнут боевые действия на границах между империей и султанатом. А всего через два года на султанат нападут монголы и им станет не до Синопа. Так что затея императора, своевременна.

15 июля. Воскресенье. Рано утром, 8000 наёмников разместились на кораблях эскадры, притом 4000 из них, на наших двух. Все остальные ушли к Синопу раньше, по суше. Мы проводили наших товарищей, переживая, что они, в столь незначительном числе отправились в бой. Но в данном случае, количество не играло ведущей роли. Я запасся терпением и приготовился ждать. Нам отвели место неподалёку, где мы разбили лагерь и стали заниматься повседневными делами. Дружинники проводили строевые занятия под руководством юнкеров. Обед и ужин приготовили сами.

17 июля. Вторник. Рассказ Судейкина: – 300 км прошли за 26 часов. Выбранная для нападения цель – башня, находилась с западной стороны перешейка, и мы направились напрямик туда. Башня стояла несколько дальше гавани и причалов и располагалась ближе к крепости, примерно в 200 метрах от её угловой башни. В самом деле, эта башня выходила за периметр остальной стены, фактически стоя одной стороной на кромке воды и суши, имея всего одну амбразуру на высоте в 5-6 метров, при средней высоте стен в 8

метров со стороны моря.

Турки сначала недоумённо разглядывали непонятный корабль, под неизвестным флагом, удивляясь, что тот движется мимо причалов к стене. На башне дежурили пятеро часовых, которые лениво провожали взглядом катамаран, подплывающий к их башне. Первыми забили тревогу наблюдатели с башен центрального входа в город, заметив следующий за катамараном фрегат «Ока». Тут же громко заколотили в колокол, закричали, кто-то загудел в трубу. Тотчас в городе заметались гражданские, а к стенам устремились военные. На нашу башню из нижнего проёма начали вылезать воины, вооружённые копьями и кривыми мечами.

Трое держали арбалеты, у двоих были луки. Они метнулись к зубцам башни, скрываясь за ними. А по стенам, в нашем направлении, побежали стражники с соседних башен. Наёмники установили на палубе три лестницы, впритык друг к другу и полезли вверх. Несколько турок схватили за концы лестниц, пытаясь оттолкнуть их от башни, а пятеро изготовились стрелять по нам и карабкающимся вверх французам. Я отдал команду и два взвода юнкеров, открыли стрельбу одиночными, выбивая высунувшихся из-за парапета стрелков и бегущих к ним на помощь воинов.

Всё-таки, несколько копий полетело вниз и трое наёмни-

ков обрушились на палубу, но их место заняли другие и вскоре, на верху башни завязался бой. С соседних башен также начали пускать стрелы, и многие долетали, поражая отдельных бойцов. Один раз сбитый с самого верха, наёмник, падая, увлёк за собой всех, лезущих за ним, человек десять, но цепочка не прерывалась и уже уничтожив защитников башни, нападающие проникали на стены и бежали к соседним башням, вступая в схватку на стенах с турками. Спустившись с башни, формировали небольшие группы и, по очереди, вступали в сражение с подступающими из города подкреплениями.

Бой разгорался, а наёмники всё более расширяли захваченную территорию. Вот уже началась схватка со стражниками у ближних ворот, а французы всё лезли и лезли вверх, а потом сбегали вниз по лестницам, внутри башни. Наши дружинники оттаскивали упавших в сторону, где их осматривал врач, отдавая распоряжения, раненых нести в лазарет, а убитых складывать отдельно. В это время, к воротам, за которые бились наёмники, подошёл наш фрегат «Ока», обстреливая скопившихся на стенах и башнях.

Наконец ворота раскрылись. «Ока» подплыл почти вплотную и воины, спрыгивая в воду, бежали к воротам и проникали внутрь города. Каждую минуту с башни спускались и вступали в бой по 30 человек, но это было недостаточно

и с катамарана приставили к стенам ещё три лестницы. Со стороны расположенной рядом крепости, начали работать две или три катапульты и баллиста. В нашу сторону полетели камни, посылаемые через стены, навесом. Первые камни пролетели мимо или упали в воду, но вскоре начали падать на палубу катамарана, поражая столпившихся наёмников. К сожалению, мы не могли видеть сами катапульты, скрытые за стеной, но я приказал начать стрелять в ту сторону из миномётов. Началась дуэль – камни против мин.

Последние выиграли и заставили противника замолчать. Однако человек 30 было выведено из строя. Зато с лестниц уже никто не валился, из-за отсутствия защитников на башне и на стенах, по 50 метров в обе стороны. Бой на стенах переместился на следующие башни и перевалив через них проник ещё дальше. Прошло полчаса с начала сражения, когда удалось открыть ворота. Наёмники прекратили карабкаться по лестницам и спрыгнув в воду помчались к входу.

На пятидесятой минуте боя, уже все 2000 французов проникли за стены. Турки организовали сопротивление на улицах Синопа, заваливая их чем попало, устраивая баррикады, из-за которых пускали стрелы и метали копья, но в дело уже вступили галеры, подвозя к уже вторым, захваченным воротам, новых участников боя. С южной стороны города прибывали подкрепления, ослабляя оборону с той стороны.

Наконец, заметив, что охрана южной стены почти вся исчезла, на её штурм бросились византийцы и моментально сломив сопротивление с этой стороны, начали пробиваться в город. С незанятых стен и башен, спускались на землю и вступали в сражение всё новые турки, но уже было заметно, что их гораздо меньше нападающих. Последовала команда и остатки защитников начали пробиваться к крепости, но это удалось немногим. Не более двух сотен успели закрыться в крепости и тут же затворили за собой ворота. Все остальные, сбившись в кучу, отступали организованно к центральным воротам, ведущим к причалу и ещё бывших в руках защитников.

На самом причале заканчивалась схватка за 2 военные галеры турок, взятых на abordаж нашими галерами. Из гавани не успел выйти ни один корабль из примерно 20, в основном купеческих галер с флагами султаната, Трапезунда, Венеции и Генуи. Через полтора часа боя, сдались последние защитники, прижатые к главным воротам. В городе в некоторых местах ещё были слышны звуки мелких стычек.

Оставив византийцев, принимать сдачу остатков гарнизона, наёмники ринулись в город грабить население. Население города достигало 15-17 тысяч человек, что считалось, достаточно высоким показателем. Не все эти люди жили

внутри стен, половина располагалась снаружи, с юга и севера. Жители северной части успели скрыться в крепости, а южная часть уже была ограблена подошедшими византийцами. Мы не стали участвовать в грабежах, поскольку имелся предварительный договор с наёмниками о предоставлении нам 10 % трофеев.

Византийцы препятствовали наёмникам особенно зверствовать, добиваясь сохранения жилого фонда и других строений. Тем не менее, сцены разнузданных деяний наёмников, можно было наблюдать со стен крепости и, видимо вызывали жгучую ненависть у закрывшихся там турок. Однако подобная тактика, не была исключительной в те времена. Турки поступали не менее жестоко. Весь день в городе продолжались грабежи, пока в 8 часов вечера не объявили о прекращении бесчинств и заявили о переходе города под власть и защиту Византии. Наёмники выходили из города к пристани, где предполагалась делёжка награбленного. Отобранным барахлом нагружали их бывших владельцев и заставляли нести всё это к причалу.

Имущество турецких кораблей объявили призом, как и сами корабли. Грузы не стали разгружать, руководствуясь только накладными ведомостями, изъятыми у купцов, владельцев кораблей. Тут же присутствовали венецианские и генуэзские купцы, ожидающие раздела добычи и предвкуша-

ющие приобрести за бесценок

турецкие товары, прямо на месте. При свете факелов, делёжка продолжалась до 3-х часов ночи. Итальянцы перекупили товары в турецких галерах, вместе с галерами, передав нам стоимость этих товаров, наверное, в 3-4 раза меньшую, чем они выручат за них в других портах.

Но наёмникам было не до торговли, и они соглашались на всё, лишь бы получить в руки звонкое золото и серебро. Затем пришла очередь награбленного имущества горожан. Кое-что удалось сбыть итальянцам, но осталось ещё очень многое, не имеющее особой ценности. Это были одежда, посуда, различного рода инструменты, старые ковры и скот, в основном бараны и козы. На время прекратили делёжку и, поставив стражу, разошлись спать.

18 июля. Среда. Продолжение рассказа Судейкина:
– Утром поднялись и продолжили сортировку и делёж добычи. Не оценённые трофеи раздали желающим. Пленных заставили носить убитых к южной стене города, за которой, 300 жителей города рыли общие могилы отдельно для мусульман, отдельно для христиан. В это время продавали доспехи и оружие погибших турок. Доспехи своих убитых, забрали командиры соответствующих подразделений. К 11 часам утра всё, имеющее хоть какую-то ценность было распродано.

Кстати, из казны севаста –правителя города, изъяли 5200 динаров и 11560 дирхемов. Сосчитали вырученные деньги. Их оказалось, не считая казны севаста, 32560 перперов и 79990 милисиариев. Нет нужды говорить, что немало осталось неучтённого в карманах наёмников, но пусть это останется на их совести. Из этих денег нам передали 3256 перперов, 520 динаров, 1156 дирхемов и 7990 милисиариев. 30% забрали византийцы, а остаток -60%, французы.

Всё это время, почти не обращали внимания на крепость, в которой скрылись до полутора тысяч военных и примерно 5 тысяч горожан со скотом и пожитками. На случай вылазки, в 200 метрах от южной стороны крепости расставили между домами города 500 человек для наблюдения. Весьма неприятная и дорогостоящая необходимость. Оставалось надеяться, что в самом деле, не имеющие возможности общения с внешним миром, защитники крепости, отягощённые большим количеством мирных горожан, не протянут долго и сдадутся.

Но штурм крепости обойдётся слишком дорого. Поэтому решили ждать. После обеда провели похороны павших. Погибло почти полторы тысячи христиан и столько же мусульман. По соглашению сторон, на похоронах присутствовали священники обеих религий. В городе, кроме мечетей, имел-

ся один православный собор. С нашей стороны, слава Богу, погибших не было. Мы, свою часть договора выполнили и поэтому, оставив здесь византийские войска, которые уже и без нас справятся, отправились в Амастриду.

20 июля. Пятница. Утром прибыли наши корабли с радостными известиями – захвачен Синоп! Турки лишились выхода в Чёрное море. А поэтому, без поддержки султаната, Судак в Крыму, тоже скоро падёт. Весть была для византийцев чрезвычайно важной. В городе был объявлен праздник. В связи с этим, получение денег отложили на завтра. Раздали премиальные всем нашим. Вышло немного, на каждого рядового пришлось по 2 перпера и 7 милисиариев.

Казакам ничего не досталось, по причине их отказа от участия в битве, о чём они горько пожалели, так как всё равно бы остались в стороне, но с долей. Зато каждому бывшему гребцу выдали по 5 милисиариев, для поддержания духа и в качестве подьёмных. Короче наши бойцы получили ещё по четверти годового жалования.

Динары и дирхемы, приравненные в общей сумме, к примерно 3400 рублей, оставили в общей казне. Покинуть Византию договорились завтра же и начали грузить наше имущество на корабли. К середине дня всё погрузили и, разрешив нашим бойцам принять участие в общих гуляниях, от-

правились на праздничный обед у префекта города. Очень был хороший обед, нам понравился.

Заодно отметили мой день рождения, прошедший 16 июля. Почему то, все мои дни рождения в этом мире, случались тогда, когда отметить их по-человечески, не было возможности. Но была надежда, что эта закономерность, рано или поздно, исчезнет. На завтра договорились получить наш гонорар в казначействе.

21 июля. Суббота. В 9 часов утра поехали в казначейство города, где нам отвесили наши 150000 перперов. Мы взяли вновь и золотом, и серебром. Вышло 360 кг золота в слитках и 2 тонны серебра прутками, диаметра 25 мм. Сразу же решили разделить добычу на всех участников, принимая во внимание не только выживших, а всех, с учётом погибших.

Все согласились считать, исходя из первоначального числа участников - 1140 человек. При этом 10% добычи предназначалось князю Ингварю, как нашему государю, 30% - нам, как организаторам, а остальное - по числу участников, поровну. В процессе делёжки, казаки выкупили из нашей доли 400 комплектов доспехов, а также передали нам все слитки золота и серебра, взамен на монеты по тому же весу.

В конечном итоге, нам досталось на оба филиала следую-

щее: золота в слитках – 460 кг, золота в монетах разного достоинства -305 кг, серебра в слитках -35 центнеров, серебра в монетах -540 кг, сундуков с ценными предметами из золота и серебра, роскошных одежд и тканей, оружия инкрустированного драгоценными металлами и камнями – 14 сундуков, мешков с солью, сахаром, перцем, мукой, зерном, чаем и, даже кофе -120, правда кофе из этого числа только 2 мешка.

Стоимость только серебра и золота в переводе на гривны составила без малого 400 тысяч, что соответствовало 10 миллионам рублей. Князю, досталось около миллиона рублей, что равнялось размеру дани всей Руси монголам за 5 лет! Очень хорошо поживились и все остальные участники. Вот теперь мы можем проводить фактически любые реформы и строить промышленные предприятия. Однако посмотрим, что нам принесёт будущее!

Триумфальное возвращение победителей.

22 июля. Воскресенье. Попрощавшись с турмархом Феофаном, мы отправились восвояси. Расстояние до Керченского пролива в 700 км, мы преодолели за трое суток. Почти на середине пути, нас застала жестокая буря. Мы впервые попадали в такую ситуацию, но кое-какие книжные воспоминания позволили перенести её с меньшими затратами. Во-первых мы полностью убрали паруса и шли на двигателе, что

позволило нам держаться перпендикулярно волне и, хотя нас заливало, но эта мера не позволила нам перевернуться. Буря отогнала нас, чуть ли не к Севастополю, на месте которого, сейчас располагалась небольшая крепость с бухтой Сюмболон, принадлежавшая княжеству Феодоро или, как его ещё называли -Готия.

Буря утихла и дальше мы следовали вдоль побережья Крыма. Была мысль зайти в Судак, но все спешили домой, ведь мы уже второй месяц в походе. Также, у меня не было возможности попасть в эриставство Рача к Манане. Не мог же я просить эскадру, зарулить в Сухуми и ждать меня там! Так что сватовство пришлось отложить на неопределённое время и мы, нигде не останавливаясь, проследовали до впадения Хопра в Дон, где попрощались с казаками и сгрузили их вещи на поджидающие Чайки. Затем долгий путь до Воронежа.

30 июля. Понедельник. Вот мы и добрались до дома! Корабли входят в реку Воронеж, а затем в нашу бухту и причаливают к пристани. Время 8 часов утра, но нас встречают чуть ли не все жители Воронежа. Пристань полна народом, жёны семейных дружинников и юнкеров машут платками, и чуть ли не кидают чепчики в воздух. Ровно 2 месяца отсутствия. Я почти отвык от этих видов, насмотревшись на южные пейзажи.

И меня встречают мои, никак не придумаю им названия, девушки, подруги, наложницы? Последнее название вообще коробит. Конечно, не наложницы! Но назвать их жёнами, я не могу. Тем не менее, мне приятно их видеть, и я целую их, целую моих сыновей, уже отвыкших от меня. Им уже по полтора года. Ба-жена и Веселина

неподдельно рады и повисают на моей шее вдвоём. Я смеюсь и обнимаю их. Теплов встречает нас со своей женой, я даже забыл, как её зовут. Не попасть бы впросак!

У всех счастливые лица, все довольны. Когда все сходят на берег, начинается разгрузка. В первую очередь увозят ценности в хранилище. Все слитки я передаю для Судейкина. Из них будут чеканить рубли, а вот монеты, в количестве 25 тысяч дукатов и 60 тысяч милисиариев, 70 тысяч денариев, 500 дирхемов, 4 сундука драгоценностей оставляю себе. Иностранные монеты я оставил не для того, чтобы держать их в подвале, а передать в банк, как разменные деньги, которые часто требуются купцам для поездки в мусульманские страны и Европу.

И всё потому, что в числе встречающих, одним из первых, оказался Мойше бен Мендель –заведующий банком. Он коротко доложил о своих успехах, но подробнее рассказать,

обещал позже. Сейчас его заботило, что присутствие Судейкина, поможет ему уговорить последнего, открыть филиал банка в Переяславле Рязанском, а также получить в свой фонд больше наличных средств, чтобы шире развернуться. Я обещал Мойше, что мы обязательно рассмотрим этот вопрос все вместе.

Добычу складываем пока в припортовом складе. К обеду вся шумиха, вызванная нашим приездом, улеглась. Обед, по случаю многолюдности, организовали в две смены. Сначала покормили жителей Воронеже, не участвовавшим в походе, включив сюда и 424 новоприбывших, бывших гребцов. У нас теперь этих самых бывших гребцов набралось, хоть пруд пруди! Во вторую очередь, обедали участники похода. А после обеда мы собрались на совещание в зале собраний штаба. Судейкин ещё не бывал у нас и с интересом прогулялся перед совещанием по территории посёлка. Ему понравился наш посёлок, о чём он и сообщил нам. На совещании собрались все руководители похода и главные специалисты Воронежа. Судейкин вынес благодарность участникам и выразил удовлетворение результатами похода.

Вырученных средств нам должно хватить надолго, кроме того, они позволят нам,
открыть новые производства, расширить уже созданные и дать работу многим соотечественникам. Теперь мы можем

позволить себе открыть школы практически во всех городах нашего подчинения. Прежде, чем передать баснословную сумму денег из трофеев, князю Ингварю, Судейкин поставит перед думой и князем предложение о передаче под наше управление земель всего Пронского княжества, кроме уже имеющихся у нас, а также всю Оку от Ольгова до её истока, включая Орёл, Курск, Елец. Этаким неправильный 4-х угольник, 250 x350км, площадью около 80 тысяч кв.км.

Россия- территория подконтрольная «Совету десяти» на 1238 год.

Территория, превышающая по площади Рязанскую об-

ласть 20 века вдвое, но в настоящем, половина этих земель представляла либо дремучие леса, либо вообще ещё, не принадлежала никому. Мы поможем князю подчинить Черниговское княжество, а в будущем и Киевское, тем, более, что после захвата этих княжеств монголами, там останется едва ли четверть населения.

Следующий вопрос был о необходимости введения на нашей территории обязательного 3-х летнего обучения всех детей от 7 лет до 12. А более старших, по желанию. А дальше это уже войдёт в колею и станет нормальной практикой. К имеющимся у меня в Воронеже курсам педагогов, следует открыть аналогичное заведение в Маргелово и набирать туда не только девушек, но и парней, если у них, будет на то желание.

Начать строить дороги, в первую очередь от Рязани до Москвы, с учреждением ямской службы. От Рязани, каждые 25 км, устроить, так называемые «Ямы», в которых будут располагаться помещения для отдыха путников и смены лошадей, гонцам и почтальонам, как уже устроено на всех землях, подчинённых монголам.

Но в нашем случае, мы не будем всю тяжесть содержания Яма, возлагать на живущих поблизости крестьян, а установим небольшую плату обслуживающему персоналу. С уве-

личением урожаев наших, селекционных, высокоурожайных сортов пшеницы, кукурузы, подсолнуха и картофеля, распределять посевной материал среди своих подданных, не допуская случаев попадания его в чужие руки.

Разрешается продавать лишь переработанное зерно, в виде сечки или муки. Остальные вопросы будут разрешаться после передачи нам требуемых земель. Как раз, для того территориального образования, которое мы собираемся назвать Россия, потребуется флаг и герб. Флаг и герб ВДВ хорош, но для государственного флага он не подходит. Есть предложение, в качестве герба, использовать дореволюционный герб России – двуглавый орёл, а флаг – трёхцветный бело-сине – красный, Российской империи.

Не будем изобретать велосипед, предложенные символы прославили наше государство, так что пусть и впредь служат ему. К слову, с этого дня на реверсе наших рублей будем чеканить российский герб и надпись сверху, полукругом – Россия. Отчитался Теплов – В течении двух месяцев, в лагере продолжала вестись планомерная работа по строительству объектов жилого и промышленного назначения. Сдано в эксплуатацию второе общежитие для молодых семей, а третье на стадии отделочных работ.

Выстроены две ветряные мельницы на территории во-

сточного форта. Крепостная стена поднялась ещё на 60 см. Выпущен второй трактор с паровым двигателем, который предполагается передать в Маргелово, с целью уменьшить нагрузку на САУ, моторесурс которых заканчивается и выработан у нескольких машин на 40-50%.

Трактор будет использован при постройке дорог. Продолжается обучение девушек – педагогов. В августе проведём выпуск юнкеров. Предполагается начать новый набор юнкеров в количестве батальона. В качестве преподавателей, уже возможно будет использовать выпускников, что будет огромным облегчением для нас.

Мы будем проводить только специальные лекции. Выслушали руководителей отдельных производств. К примеру, за эти два месяца, сдали на склад 40 ковров, 100 пар сапог, 600 листов оконного стекла, нашего стандарта – полметра на полметра. Большой размер, пока ещё не получался, но и это было достижением всей эпохи. Более 200 обычных бутылок и стеклянных колб для керосиновых ламп, получивших широкое распространение. Много вязаной продукции, шерстяных и льняных тканей.

Выпускается кирпич и керамические трубы и т.д. Когда все разошлись, я попросил остаться Судейкина и банкира Мойшу. Остались Теплов и другие лейтенанты. Мойша пове-

дал о перспективах развития банковского дела. Собственно говоря, мы все понимали плюсы, этого вида финансовой деятельности, и никто не возразил против предложения Мойши открыть филиалы банка в Переяславле Рязанском и в самой

Рязани, с перспективой на Пронск, Коломну и Москву. Всё дело в начальном капитале, а специалистов Мойша обещал представить тотчас же, как будет готово решение об открытии. Для филиалов в Переяславле и Рязани у него уже есть кандидатуры, тех самых, двоих его помощников. Судейкин согласился с предложением, тем более,

что деньги у нас теперь имелись и держать их, мёртвым грузом, было не экономно.

А с князем Ингварем, он поговорит уже очень скоро, так что, пусть новые заведующие новых филиалов, собирают чемоданы к завтрашнему дню. Мойша умчался, окрылённый и счастливый, неся радостную весть своим коллегам. Надо сказать, что наше отделение уже начало давать прибыль. Многие купцы пользовались услугами банка, беря займы для покупки товаров, следуя в Чёрное море или куда-то ещё, оставляя в залог ценные вещи или закладные на деревни и поместья.

Процент у нас был относительно не большой. Для краткосрочных займов- 15 %, долгосрочных -10%. А на вклады –

3% годовых. Позднее мы планировали пересмотреть эти показатели в ту или иную сторону, в зависимости от жизненных реалий. По рации связались с Маргелово, чтобы присылали корабль для встречи возвращающейся армии и с Пронском, чтобы присылали подводы к Данкову, перевозить трофеи пронских дружинников. Я попросил, чтобы из Маргелово прислали, хотя бы, 200 тысяч рублей для уплаты премиальных, остававшимся в дежурстве юнкера и на зарплату в следующем месяце.

Кстати, тут же перекупили у пронских дружинников, причитающиеся им слитки серебра и золота за рубли, которые имелись у меня в казне. День прошёл суматошно и на нервах, так что, придя домой, я немного поиграл с детьми и лёг спать вместе с ними около 9 часов вечера.

31 июля. Вторник. Сегодня объявили выходной день. После завтрака начали погрузку на один корабль –катамаран «Воронеж». Загнали туда трактор, передали некоторое количество стеклянных колб, оконное стекло -350 листов, что-то ещё. Погрузили пассажиров – двух евреев банкиров с семьями, которых провожал Мойша со своей женой. Ехал в Маргелово один из поваров –турок, учить Маргеловских поваров рецептам турецкой кухни. Я вызвался ехать провожать войско до Данкова. Отчалили в 12 часов дня. 220 км до Донкова, прошли за 20 часов и прибыли туда в 8 часов утра.

1 августа. Нас уже ждали подводы, прибывшие из Пронска и посланец из Мураевны. Позавтракали на берегу и начали разгружать «Воронеж». Пронские дружинники, потеряв в походе 70 человек из 200, грузили свою часть трофеев в подводы, а Маргеловские и Рязанские, в плоскодонки, стоявшие на реке Кочуровке. Тянуть их собирались трактором. До самого обеда возились с разгрузкой. Прибыл и воевода Данковский, Кушник, чтобы поздороваться и полюбопытствовать.

Пообедали здесь же и распрощались. Мне подвезли 250 тысяч рублей, монетами разного достоинства, что потянуло на две с лишним, тонны. Я отправился обратно в Воронеж. Кстати, мы поговорили по поводу Курска, который хотели забрать себе. Не случайно мы так стремились к этому. Где-то там лежат громадные запасы железной руды. Мне следовало покопаться в имеющейся у нас литературе и найти место наименьшей глубины залегания руды и послать туда двоих мастеров металлургов турок, чтобы они организовали на месте, производство стали.

Сейчас Воронеж был самым ближайшим к Курску населённым пунктом нашей России. До него было 200 км по прямой. Эта задача являлась одной из первостепенных для нас. Если мы сумеем организовать производство стали, то пере-

станем зависеть от поставок железа из Полоцка и Галиции, основных изготовителей железа и продающих его, в основном в Европу, там оно стоило дороже в 15 раз. Производство стали могло обогатить нас неимоверно.

Часть 3.

Хорошо быть богатым.

1240 год. 2 августа. Четверг. Проводив наших соратников по походу в Константинополь, до Данкова, откуда Пронские дружинники отправились в Пронск на подводах по суше, а маргеловцы и рязанцы, по рекам, к Рязани, наш фрегат «Ока», отплыл обратно. Дорога с попутным течением заняла всего 15 часов, и в Воронеж мы добрались в 6 часов утра. Сегодня был базарный день, но по слишком раннему времени, торговля ещё не началась, зато грузчики сгружали с прибывших ладей, чаек, галер, различные товары и переносили к торговым рядам, приготавливая к продаже.

Ранние крестьяне тянулись к рынку, неся свои продукты – яйца, молоко, масло, муку, готовые пироги и т.п. Рабочие проводили взглядом наш громадный, по их представлениям корабль, уже привычный и несущий им уверенность в своей безопасности, и продолжили работу. Не выспавшийся экипаж и я, решили этот день отсыпаться и, оставив на корабле вахтенных, отправились по домам.

Чтобы не будить детей, я зашёл в свой кабинет и там улёгся на диван. Проснулся около 12 часов и пошёл к себе в квартиру. Девчонки, конечно, видели прибывший фрегат, но не стали меня искать, полагая, что я сам себе хозяин. В отсутствии Мананы, они не знали, как им вести себя со мной. Боялись, что я буду злой и нервный, но они ошиблись. После Алексии, я почему-то потерял свою влюблённость в Манану и поражался этому, укоряя себя в непостоянстве. Однако надо было продолжать работу, и я отправился на обед, хотя мои подруги уже давно готовили пищу себе и детям.

Они уже неоднократно предлагали мне принимать пищу дома, но я как-то привык к столовой, тем, более, что за едой, мы с Тепловым, тоже отказавшимся есть дома, обсуждали насущные вопросы, порой, с обедавшим с нами, главбухом Леонидом и тогда не было нужды собираться специально. Но сегодня, за обедом, нам не хватило времени и, после обеда, назначили совещание. Когда, сегодня утром, с корабля в казну, доставили 250 тысяч рублей, к доставленным туда 30 июля десяткам тысяч дукатов, перперов и т.д, наш главбух Леонид, был в шоке.

Таких денег, он не видел уже довольно давно, но такая сумма в графе – «приходы», очень подняло его самомнение, и он почувствовал себя в своей стихии, распоряжающегося

сотнями тысяч золотых. Часть валюты перенесли в банк и заперли в сейфе, а при банке установили пост для двух охранников, один снаружи банка, а другой, у сейфа, чем очень подняли статус банкира Мойши, который уже нашёл где-то себе помощников, притом из родственников, хоть и дальних, но тем не менее.

Ещё вчера он представил их Теплому и тот утвердил их на должности. Я сообщил, что в связи с удачным походом, нам удалось привезти с собой богатые трофеи, а потому, в эту зарплату, которую следует выплатить завтра, многим работникам Воронежа, по согласованию со всеми членами «Совета десяти», полагается премия. Юнкерам, не выехавшим в поход и оставшимся на дежурство в лагере, по 200 рублей, их командирам, в соответствии с должностью, строителям и мастерам по 25 рублей, работницам и работникам по 18, курсисткам по 10. Пленным суздальцам по 5 рублей, бродникам по 3, пленным далматинцам по 2 рубля.

Надо сказать, что до сих пор, суздальцы, бродники и далматинцы не получали никакого вознаграждения за труд, а только еду и одежду. С завтрашнего дня, с далматинцев и бродников, снять цепи, а со следующего месяца, начать им выплачивать заработную плату, приравняв к обычным работникам. Я представил себе, как они обрадуются этому распоряжению. Приятно делать людям добро, надеюсь, что они

нас не подведут.

С прибытием в лагерь новых 424 человека, назрела необходимость введения в обиход отдела кадров. Помещение в штабе, имеется. Есть предложение, временно назначить на должность начальника отдела кадров, одну из старших девушек курсисток, наиболее грамотную и сообразительную. И такая есть на примете у Теплова, проводящего с ними занятия по спецпредметам. Это 24-х летняя, бывшая боярская дочь, Милица Путятична.

Поскольку она ещё не закончила обучение, то будет заниматься делами в свободное от учёбы время. Пусть возьмёт в помощники 3-4 таких же, успевающих девушек. У нас имеется пишущая машинка. Они могут ею воспользоваться. Алёшка, который умеет всё на свете и интересующийся всеми науками одновременно, научит их работать на ней.

Необходимо, из числа этих девушек, обучить, по крайней мере двух, работе делопроизводителя. Будут печатать приказы, распоряжения, ведомости по зарплате и т.п. Куда будем размещать новых работников? Терентий Петрович ответил – Все имеющиеся у нас 121 квартиры заняты семейными. Сданы 2 общежития на 600 семей в общем. В малосемейках, пока что, поселились 90 новых семейных и 42 комнаты заняты замужними девушками, мужья которых служат и живут в

комнатах по выходным.

Принимаем решение, – освободить второй этаж казармы, где живут девушки и переселить их в малосемейки. Так что, вновь прибывшие займут их площадь. Проблема решается. Мы рассмотрели новое предложение Судейкина. Предлагается с сентября изменить нашу систему образования. Мы, до сих пор, относились к образованию и воспитанию своих граждан недостаточно системно.

Учащиеся получали отрывочные, поверхностные знания, а многих, вообще не учили, так что на сегодня имеется ещё много неграмотных. Решено, в конце августа, провести выпуск юнкеров, с присвоением звания прапорщик, а в новый учебный год набрать в юнкера новых слушателей, по 2 взвода на каждого из «Совета десяти», то есть 20 взводов по 31 человеку. Командиром взвода будет назначаться офицер из числа недавнего выпуска. Эта мера, позволит нам больше времени уделить их обучению.

Из этого, последнего выпуска, отобрать 30, наиболее отличившихся офицеров и продолжить их образование в течении ещё одного года, организовав, что-то вроде Академии. Так же поступят и в Маргелово. Задача – передать им, по возможности, максимальное количество знаний, которые мы сами получили. При этом, научить их вождению и устройству

всех наших машин, взрывному, артиллерийскому и морскому делу, стрельбы из всех видов оружия.

Этих выпускников Академии, в будущем использовать в качестве преподавателей нового набора юнкеров. На нас, также ложится новая обязанность – научить каждому по 50-60 педагогов. Мы уже обучаем 70 девушек, но необходимо обучить ещё столько же парней. В лагере устроить обучение грамоте всех, без исключения. То есть открыть курсы Ликбеза, как было во время революции. Только у нас, в Воронеже, около 2000 человек неграмотных. Всех их распределить по классам и начать обучение. Читать, писать и считать, должны уметь все! Учителями назначить офицеров.

Обучение проводить после работы или службы. Мы бы попросили нашего главбуха Леонида Фёдоровича, учить юнкеров и детей греческому языку и латыни. Хотя бы по 2 часа в день. Двух турок врачей, уже научившихся русскому языку, попросить преподавать детям и юнкерам, турецкий язык. Тоже 2 часа в день, их наверно не затруднит. Всех бывших военных, освобождённых из плена, свести в одну роту, их как раз, примерно 130 человек и применить для несения караульной службы, наряду с юнкерами.

Новый набор юнкеров, предварительно научить обращению с парусами и вёслами, на нашей галере, используя её

в течении сентября и октября, практическими занятиями, плавая по Дону в полном составе с двадцатью матросами из бывших гребцов галер, принимавших участие в походе на Константинополь. Пусть поучатся работать с вёслами и парусами, а учиться начнут в ноябре. Каждому строителю придать по 2 ученика. Также и каждому мастеровому, будь то бондарь, кузнец, кожевник, плотник, стеклодув и прочие, взять на обучение по 2 ученика.

Количество работников на кирпичном заводе, довести до 100 человек. Ввести в обиход новую профессию – слесарь. Набрать группу на 20 человек и поручить её Алексею. Между тем, установилось некое постоянное число, посещающих школу детей окрестных жителей. Это примерно 250 детей в возрасте от 7 до 16 лет. Они учатся ровно, почти без пропусков, а с их родителями установлена связь. Эти дети поощряются бесплатным обедом, а с сентября им будут выдавать бесплатную одежду и обувь. Мы думаем, это послужит стимулом для их дальнейшего обучения.

До сих пор их обучали Алёшка, Кежай, другие, случайные люди, но с 1 сентября им назначать постоянных преподавателей –офицеров. У нас в походе, приняли участие 300 бывших пленных, получивших боевую практику. Всех будут теперь обучать владению обычным, холодным оружием и назначать на сторожевые посты. На этом совещание закончи-

ли. Я пошёл в свой кабинет и начал копаться в учебнике географии.

Нашёл значки, указывающие на места расположения железных руд на Курской магнитной аномалии. Ближайшим к Воронежу, оказался город Старый Оскол в Белгородской области, где располагались несколько карьеров по добыче руды. Прочитал, что на этом месте, в этом времени располагался городок Оскольд и, как раз там, уже с 5 века велась добыча руды, шахтным методом, но монголы уничтожили город в 1239 году и новые поселения возникнут там только через 100 лет.

Вот сюда мы и пошлём экспедицию, решил я и пошёл к Теплому, поделиться информацией. Мы обсудили эту проблему и, чтобы не откладывать в долгий ящик, решили немедленно организовать туда поход. Подсчитали, что потребуется человек 200, одних рабочих. Пошлём два взвода дружинников и с ними десять будущих прапорщиков с карабинами. Поедет ГАЗ 51 с пулемётом и экипажем.

Отправятся оба турка –металлурга. Сразу же отправим палатки, походную кухню, дизель-генератор т т.д. Мы до ужина составили перечень необходимого оборудования, которое следует взять с собой. Пусть сразу же начинают строить поселение. Ещё, немного подумав, решили отправить ту-

да 300 человек, на случай нападения. Для организации поселения и предварительного осмотра, вызвался ехать я сам. Завтра же решили начать сборы.

Связались с Маргелово, чтобы сообщить о нашем решении. Оказалось, что Судейкин ещё не прибыл, а находится в Рязани, согласовывая наш проект устройства России. Мы пообщались с Винокуровым, который сообщил нам, что из ставки Батыя, прибыл гонец с посланием от ханши Боракин. В послании говорилось о том, что мастер Ли Тун По, приглашает кого-нибудь забрать то, о чём он обещал нам.

Нет сомнений, что речь идёт о взрывчатом веществе для капсулей патронов. Судейкин уже распорядился приготовить «Рязань» для плавания в Сарай и, заодно в Баку, для получения новой порции нефти. Корабль готовится к плаванию и отойдёт через 2-3 дня. Сообщение весьма обрадовало нас. Если удастся создать капсуль, то мы сможем наладить производство патронов и перестать их экономить. Ночевал я в своей квартире, между своих сожительниц.

3 августа. Пятница. Утром побежал на зарядку. Надо приводить себя в порядок, после похода. Провёл занятия с юнкерами, потом, после обеда, с курсистками и, наконец, в 16 часов собрались на совет. Представляли кандидата на пост начальника отдела кадров –Милицу Путятичну. Это

была 25-летняя, молодая женщина, бывшая жена Суздальского боярина, убитого при взятии города монголами, в начале 1238 года. Её забрали в плен, где она вынесла всё, что только возможно. К счастью, она не потеряла чувства духа и за последние месяцы, совершенно восстановилась.

Сейчас она выглядела просто отлично – красавица, румяная, с длинной русой косой, статная, с гордой осанкой и чувством юмора. Теплов рекомендовал её, как одну из самых лучших учениц, к тому же, грамотную и умеющую командовать. Мне она понравилась, да и другим тоже, поэтому все, единогласно, согласились с её назначением. Как члену администрации, ей предоставили квартиру одной из уехавших грузинок, на выбор и право, присутствовать на совещаниях.

Поскольку я собрался в экспедицию, то её права и обязанности разъяснит Теплов. Сборами заведовал Арзамас и представил мне список увозимых вещей. Я просмотрел его и указал на несколько дополнительных предметов. К походу готовились 200 дружинников, взвод юнкеров Кемая, 150 бывших рабов Гуюка, поручик Инжеват – в качестве коменданта нового поселения, три прапорщика, подпоручик, а также 200 военнопленных, от Гуюк хана, болгар, кипчаков и суздальцев. Всего 586 человек. Вроде бы всё взяли, во всяком случае, расстояние не большое – всего 100 км. Можно будет организовать доставку. Там же решил сделать ВПП для

самолёта.

4 августа. Суббота. С утра начали сборы. Знающие люди подсказали, что необходимо подняться по Дону, на примерно 10 км и оттуда идти на запад, по имеющейся дороге, которую протоптали здесь, неведомо когда и соединяла она Курск и Дон. Загрузились в катамаран и уплыли в 9 утра. Поднявшись вверх по реке, разглядели широкую тропу, уводящую на запад и, причалив в удобном месте, начали разгрузку. Вперёд отправился десяток верховых, за ним сотня дружинников на конях, во главе с Инжеватом.

Следом ехали подводы с вещами, военнопленными и ГАЗ 51. Замыкали шествие взвод юнкеров и ещё сотня дружинников. Я ехал в ГАЗ 51, за рулём. Дорога была вполне проходимая для грузовика и телег. У меня на прицепе тащилась походная кухня, а трактор везли на специальном прицепе 10 лошадей. Природа радовала глаз первозданной чистотой и дикостью. Эти места, совсем недавно служили местом обитания половцам.

Но теперь здесь, кроме диких зверей, не встретить человека, почти до самого Курска. Привал сделали в 14 часов, перекусили мясным супом, который готовили прямо в дороге и отправились дальше. С темнотой остановились ночевать. Спидометр ГАЗ 51, показал 54 км от Дона. Было очень тепло

и спали, не ставя палаток.

5 августа. Воскресенье. Встали рано и уже в половине седьмого отправились дальше. Я ориентировался по самодельной карте и узнав развилку влево, повернул в ту сторону.

К вечеру мы достигли пепелища, на месте бывшей крепости Оскольд. По десятку верховых разослали в разные стороны, чтобы обнаружить следы бывших выработок по добыче руды. Разведчики нашли их несколько западнее этого места, тогда мы прошли в ту стороны и разбили лагерь. Легли спать, чтобы завтра лучше рассмотреть местность.

Мы строим карьер по добыче железной руды.

6 августа. Понедельник. Сегодня в Воронеже должна начаться уборочная страда. Но они справятся, народу более, чем достаточно. Я передал по радиации, что мы благополучно добрались до места. После завтрака начали осматриваться. Мы всё ещё находились в степной полосе, только редкие лесные массивы вкраплялись в ландшафт в виде исключений. Но к северу, километрах в 3-х стоял нормальный лес. Мы же расположились прямо перед рекой, согласно карте, реке Оскол. По моим данным, карьеры по добыче железа располагались за рекой, но, как было видно, в ту сторону рельеф повышался, а значит и копать надо будет глубже.

Но у реки грунтовые воды не позволят вести работы. Два ближних шурфа были затоплены и я понял, что надо идти к горам. Я с несколькими юнкерами и Арзамасом переплыли реку с конями и поскакали на запад, поднимая в гору. Перевалив лесистую гору, мы опять спустились до прежнего уровня, но уже в сухом месте, около 10 км от ночёвки. Здесь земля была изрыта десятками шурфов и ближе к горе высились отвалы, насыпанные местными горняками. Я никогда не видел железной руды, но скакавшие с нами турки сразу её узнали. Я вынул компас и увидел, что стрелка мотается в разные стороны. Распаковали миноискатель и стали им водить по поверхности.

Он показывал металл повсюду. Всего в километре к северу протекала небольшая речка, по карте –Осколец, метров 7 в ширину и мелкая, по грудь..Вот тут и будем строиться, предложил я. Мы осмотрелись и нашли место вполне пригодным для поселения. Вернулись к лагерю и стали искать брод. Хорошо, что стоял август и река достаточно обмелела. Очень скоро обнаружили место для переправы. Согнали трактор с прицепа, зажгли топку, набрали воды, а пока начали переправу. Глубина не превышала 40 см, но зато ширина была почти 70 метров. К трактору прицепили его же прицеп и он своим ходом направился к новому месту, волоча за собой 5 тонн груза.

К обеду обосновались на новом месте и начали ставить палатки. Я послал 100 рабов, с топорами и пилами, валить лес на вершине. Леса было немного, гектаров 12, многие деревья были лиственные, малорослые, но и сосны имелись, которые и начали валить. Турки стали искать наиболее выгодное место для устройства карьера. Для этого они проникали в шурфы и определяли глубину залегания руды. Однако эта работа затянулась и сегодня мы не определились. В это время мы нашли подходящее место для ВПП самолёта и начали бульдозером разравнивать полосу

Среди военнопленных имелись 97 кипчаков, которые с тоской рассматривали широкие степные просторы, когда-то принадлежавшие их племени, а теперь они, как рабы, вынуждены работать здесь, под надзором русских. Я понимал их, но ничего не поделаешь. Все военнопленные половцы, были в цепях. Пленных Булгар и суздальцев, не стали заковывать. Булгарам до своего ханства далеко, а суздальцам нет смысла бежать. К вечеру спилили 100 деревьев. В это время, на берегу речки, нашли хорошую глину и приступили к устройству обжиговых печей, для изготовления кирпича.

Работали все, кроме юнкеров, занявших оборону и полусотни дружинников, разъезжающих вокруг лагеря в 2-3 километрах. На вершине высоты расположился наблюдатель-

ный пост из 5 человек. 40 человек начали рыть траншею для устройства фундамента. Бульдозер, расчистив ВПП, начал стаскивать стволы деревьев поближе к лагерю. У нас имелись около 300 досок, сороковок, длиной в 10м и шириной 30см. Вкопав в землю несколько брёвен, устроили навес из досок, со стенками, размером

50 x 10 метров. Доски не пилили, чтобы потом использовать для настилки полов в казарме. Под этот навес разложили все свои запасы. Так прошёл первый день.

7 августа. Вторник. После завтрака распределили всех на работу. 40 человек пилят деревья, двадцать обрубают сучья, 20 роют траншею для фундамента, 30 устраивают ямы для обжига кирпича. 40 человек, вырыв яму, таксают туда глину и месят ногами. Остальные лепят кирпичи, складывают их на солнце, для просушки, турки ищут железо, короче все работают. Я и 20 юнкеров, объезжаем окрестности по кругу, расширяя радиус обследования.

В довольно большом лесном массиве, в 5 км от лагеря, обнаруживаем деревушку на 8 изб. Все жители убежали, заметив нас. У них имеется поле, засеянное зерном, огороды, но избы спрятаны в лесу, так что сразу не найти. По всему заметно, что они начали сбор урожая, так как часть поля уже скошена и солома с колосьями заскирдована.

Впопыхах брошено всё хозяйство, В хлеву 4 коровы, бык, несколько свиней и баранов. Были 2 или 3 коня, но их увели. В избах, а точнее полуземлянках, всё имущество. Тут же гуляют куры, гуси. Хозяева, видимо убежали в лес, который не превышает 2-3 кв.километров. Мы ничего не трогаем, а продолжаем расширять круги. У реки Оскол в 5 км от лагеря, обнаруживаем в зарослях рыбацкую деревушку, на 6 полуземлянок, тоже брошенную. На кольях сушатся сети, рыба, две лодчонки, вытащены на берег.

Берег на всю длину зарос камышом и тут легко спрятаться. Мы продолжаем поиск. За день обследовали территорию в радиусе 10 км. Турки сообщают, что нащупали выгодные места, но завтра ещё раз проверят и уточнят окончательно. У нас уже налепили за день 4-5 тысяч кирпичей. На месте складирования брёвен, лежат ошкуренные стволы, распиленные в размер 10 метров. Несколько юнкеров подстрелили пять антилоп и жарят их на вертелах. Кухня готовит первое блюдо и чай. Связывааюсь с лагерем. Дежурный докладывает, что идёт уборочная кампания. Все люди на сборе урожая.

8 августа. Среда. Я выезжаю для продолжения разведки. Остальные работают. Сегодня поставил задачу на рытьё колодца и устройства водонапорной башни. Высоту задал -12 метров до уровня площадки. У нас прихвачен с собой водяной насос и наша задача, обеспечить лагерь питьевой водой.

После обеда произведут закладку первой партии кирпичей в обжиг. Мы, до обеда выезжаем на 25 км в южном направлении, самом опасном для нас и никого не обнаруживаем. Зато, в обследованных ранее, 100 кв.км., обнаруживаются 4 деревеньки землепашцев и три, рыбаков.

Предположительно проживают до 60 семей. Мы ни одной живой души не обнаружили, все спрятались. Во время обеда, турки заявили, что нашли самый подходящий участок и после обеда, отправляемся туда. Участок в 5-6 гектаров, изрыт шурфами. Отвалы пустой породы у подножия возвышенности. По словам турок, глубина залегания всего лишь 2-3 метра. Я начинаю рассчитывать. Мы сразу поставили себе задачу, что будем добывать железо открытым способом. Размечаем участок полосой 100 метров на 30.

Бульдозер начинает снимать землю, сдвигая в одну сторону, а потом убирая кучу дальше. С длинных сторон полосы будут съезды. Работы для бульдозера на неделю, не меньше. Ну, пусть пока работает. На помощь бульдозеру ставлю 60 человек с лопатами, тачками и носилками. Кирпичи стоят на обжиге. С нами артель строителей. По проекту строим казарму на всех, размерами 50x10 м, в три этажа. Вырыт котлован глубиной в полтора метра, траншея немного глубже и её начали засыпать камнями и песком. Готовы уже 300 брёвен по 10 метров длиной. Завтра свалят ещё 10 деревьев

и этого пока хватит.

9 августа. Четверг. После завтрака все в работу. Я забрался на самую высокую точку возвышенности и обследую окрестности в бинокль. У деревушек заметна жизнь. Землепашцы собирают урожай, рыбаки ловят рыбу. Замечаю несколько человек, подкрававшихся к лагерю и наблюдающих за работой. Объезжаю окрестности, но не приближаюсь к обнаруженным поселениям, чтобы не пугать народ. Вечером набрасываю примерный план местности с указанием поселений, нашей казармы и карьера. Турки уже заранее нарисовали схему своей плавильной установки и мы ищем место для строительства доменной печи.

10 августа. Пятница. Вынули первую партию кирпичей, вторая партия жарится во второй печи, а в первую закладывают новую партию. Карьер прорыт на полметра в глубину, на площади в 3000 кв.м. Землекопы, вручную выравнивали склоны, чтобы земля не осыпалась в котлован и расширяли площадь карьера. Бульдозер уже передвинул к отвалам 1,5 тысячи кубометров земли. Мы начали строить домну, с трубой, высотой в 8 метров. Как объясняют турки, очень важно подавать в печь заранее подогретый воздух, поэтому устраивается труба, которую будут разогревать, подавая через неё воздух электровентилятором.

У нас для печи топливные брикеты. Как раз проверим, подойдут ли брикеты для домны? Начали укладку фундамента в котловане. Прекратили вырубку леса. Вырубили половину всех сосен на возвышенностях, оставив лиственный лес. Думаю, что сосны ещё вырастут. Закончена водонапорная башни и колодец. Колодец обкладываю внутри осиновыми брусками, а бак делаем тоже из осины, Трубы керамические. Прокопали трубы к фундаменту казармы, делая подводу к этажам, одновременно оставляя отверстие для канализации, для которой копаем длинный ров на расстояние в 500 метров от будущего здания и там начинают рыть котлован для громадного септика.

Приходили старики из двух деревень – из рыбацкой и земледельческой. Одни принесли 4 корзины рыбы, а другие 40 караваев свежего хлеба, в качестве подарка. Кланялись, просили принять. Однако я не принял подарков, а купил, отдав по золотой монете каждой деревне. Очень обрадовались и обмякли. Подошли для разговора. Пригласил за общий стол, под навесом, мы здесь принимаем пищу.

Угостил чаем, с печеньем из сухпайков. Разговорились. Старики жаловались на тяжёлую и опасную жизнь, со страхом посматривая на закованных в кандалы рабочих.

Я обнадёжил их, заявив, что теперь им нечего опасаться. С этого времени они будут считаться подданными Рязанско-

го княжества, и мы их защитим в случае опасности. Просил передать всем, что мы никого не тронем и в скором времени, здесь будет построен металлургический завод и вырастет город. Детей местных мы возьмём в школу и будем бесплатно учить грамоте. Старики подивились на темпы строительства и невиданную технику, а затем пошли в свои деревни, рассказывать об увиденном.

11 августа. Суббота. Строительство продолжается. Приходили несколько человек из разных деревушек, приносили на продажу рыбу, яйца, кур, дичь, грибы и ягоды, фрукты, хлеб. Я всё купил, очень кстати, свежие овощи и фрукты, да и остальное. Местным плачу болгарскими дирхемами, они им знакомы. Без боязни, прибегают дети, смотрят за работой, особенно на работу бульдозера. Я велел их не трогать, но не пускать к механизмам. Раздал по медной копейке, чему они были безумно рады.

Копейка – это примерно часовая оплата труда чернорабочего. Поэтому и было принято решение выпускать полушки – четверть копейки, но их у меня ещё нет, они только начнут чеканиться. К вечеру собрал совещание. Всех поблагодарил за хорошую работу. Итоги недели – готов фундамент казармы, карьер, в некоторых местах достиг руды, строится домна, уже почти на 50% готова. Брёвна к укладке готовы-ошкурены, сучья обрезаны, заранее выбраны венцы. С собой

везём 20 дверей и 30 оконных рам со стеклом. Сразу же начинаем строить в подвале котельную на всё здание.

Сейчас большая часть людей трудится на производстве кирпичей. Турки, предварительно оценив залежи руды, пришли в восторг. Такое количество руды они и предположить себе не могли. Однако они заявляли, что вдвоём справиться с плавкой, слишком трудно. Необходимо иметь для работы, не менее 20 мастеров и столько же помощников, при условии выплавки на одну домну до 80 кг в сутки.

Но полученное железо содержит слишком много шлаков, которые надо будет удалять ковкой. В целом, здесь потребуется не менее 100 работников. Кроме того, полученную руду надо размалывать и вытаскивать, расширять и углублять карьер. В общем, здесь нужно строить город. Всё, что они могут, это провести пробную плавку.

22 августа. Среда. Наконец то домна закончена. Карьер готов давать руду. Бульдозер неторопливо снимает поверхностный слой вскрыши, со следующих 30 метров стометровой полосы. Мы прокопали слой руды на 2 метра, но до дна не дошли, так что с этих 3000 кв. м, возможно ожидать, как минимум, 6000 кубометров руды, а бульдозер уже расширяет площадь карьера. Добываем руду кирками и лопатами, вывозим к доменной печи, где руду дробят молотками на мел-

кие и примерно одинаковые куски и готовят к плавке. Домна готова.

Перед обедом, турки засыпают 150 кг руды с брикетами и зажигают огонь. Они колдуют с вентилятором, что-то ещё засыпают, а нам остаётся ждать. Кстати, во время вскрышных работ, наткнулись на слой мела. Я велел собрать его, желательнo кусками, чтобы доставить в Воронеж. Он и в Маргелово нужен. Хотя бы для школьных досок. Уложили фундамент казармы, настелили пол на первом этаже и уже выкладывают кирпичи второго этажа. Первоначальная идея, сделать два этажа из брёвен, отменена.

Пользуясь тёплой погодой и наличием достаточного времени и рабочих рук, решили всё здание выстроить из кирпича. Строители уверяют, что закончат строительство к середине сентября. Водонапорная башня готова, вода пошла по трубам. По традиции, на башне, устроили смотровую вышку, с площадкой, со стенами и крышей. амбразуры смотрят на 4 стороны света, хотя пулемёт только один.

Не догадались привезти ещё. Работы здесь ещё не початый край. Надо строить стену, здания столовой, администрации, дома для рабочих и всю остальную инфраструктуру. Конюшни для лошадей, срочно! Я уже не сомневаюсь, что здесь придётся открывать следующий филиал училища. О том, что

здесь будет много железа, я и без пробной плавки знаю, но надо подтвердить. Есть смешной элемент в этой затее.

Рядом с лагерем, возник стихийный рынок, который расширяется ежедневно. Соответственно, появились постройки, пока ещё полуземлянки. Мы настояли на том, чтобы рынок, отстоял от предполагаемой стены будущего города на 200 метров, так что от строящейся казармы до него 350 метров. Брёвна пустим на стену. Между прочим, придётся сюда везти лесоматериал из Воронежа. А какие здесь поля! Ждут, когда их распашут и они подарят нам достойный урожай. Здесь нужны люди, много людей.

23 августа. Четверг. Пробная плавка дала 92 кг железа из 150 кг руды, оставив ещё на дне остаток слишком грязного чугуна. Содержание железа в руде более 60 %. Железо придётся везти в Воронеж дляковки, здесь нет условий. Я связываюсь с Маргелово и сообщаю им результаты. Успех полный. Мы, собственно, можем просто продавать эти, так называемые, 80-90 килограммовые крицы, без обработки. Их с руками оторвут.

Но это надо нам решать всем вместе. Моя миссия завершена, я могу ехать домой, а карьер посещать самолётом или на коне. Готовлю ГАЗ 51 к возвращению. Здесь остаются 200 дружинников, 200 военнопленных и 150 рабочих. Ру-

ководить стройкой, остаются, временный комендант –поручик Инжеват, прибывшие офицеры и 5 юнкеров Кемая, уже узнавших о производстве их в прапорщики. Так что со мной вернутся в Воронеж 25 офицеров. Выезжаем завтра утром, налегке.

Потрясающие новости.

26 августа. Воскресенье. Мы вернулись из Оскола вчера вечером и отправились по домам. Уехавшие в Оскол юнкера, вернулись офицерами и теперь им положены отдельные квартиры. Пока они поселяются в малосемейном общезжитии, а я иду домой.

Меня встречают радостные подружки и дети. Хотя время уже 9 вечера, мы садимся ужинать все вместе. Меня ждали и девушки постарались. Каждая хвалится своим фирменным блюдом, и я всё пробую и расхваливаю, заставляя их краснеть. Я терзаюсь муками совести, что не хочу жениться на них, но я уже настолько к ним привык, что жизнь без них, я даже не представляю. Немного порезвились и заснули.

27 августа. Понедельник. Я сегодня не пошёл преподавать, а решил пройтись по посёлку, посмотреть наши достижения. В настоящее время строительство велось в восточном направлении. Перенесли пилораму в самый угол территории, туда же овечий загон. В этом месте построили три об-

щежития, один многоквартирный дом и начали строить новый многоквартирный дом. Стена уже поднялась почти на метр. В местах расположения 4-х ворот, решили выстроить по две фланкирующие башни, т.е. выступающие вперёд входа на 5-6 метров и препятствующие вражеским войскам подходить к воротам, поливая сверху кипятком, засыпая стрелами и т.д.

Эти башни начали возводить из кирпича, пополам с камнями. Перед северными воротами устроили временный амбар для хранения зерна. Планировали построить позже элеватор. Идущий рядом со мной Алексей, рассказывал про уборку урожая. У него были записаны все цифры, и он их мне приводил. Я слушал его с огромным интересом. Эта сторона нашей прогрессорской деятельности, очень меня волновала. Как и предполагалось, урожайность в Воронеже превысила Рязанскую.

Урожай уродился всем на зависть. Если не перечислять отдельные виды, то в целом собрали: зерновых – у нас почти 3 тысячи тонн, а в Маргелово 1200 тонн, кукуруза достигла стратегических объёмов и оба филиала выдали 80 центнеров, то есть можно засевать большими площадями. Порадовали подсолнух, помидоры, кабачки и перец болгарский, баклажаны, их можно было частично использовать в еду. Ну а с картофелем и тыквой – просто рекорд. Тыквы собрали на

оба филиала 836 тонн, а картофеля, также на оба филиала -22500 тонн!!!

Эти показатели уже выходили за пределы наших филиалов. Мы не сможем их не то, что съесть, но у нас даже площадей не хватит на их посадку в следующий год. Эти продукты можно начать поставлять на рынок. Что и было сделано. В прошедший четверг, базарный день в Воронеже, в рекламных целях, на рынке, нажарили 100 кг картошки и сварили 100 кг молодой, с укропом и чесноком, и всем этим угостили желающих бесплатно, показав, как картофель чистится, варится и жарится.

Он имел огромный успех и в тот день его было продано 3 тонны, по цене 4 гривны за тонну, как за экзотический продукт. Дальше, понятное дело, цена будет падать. Таким же образом рекламировали тыкву, угощая людей кашей из пшена с кусочками тыквы. Во всяком случае, молва уже пойдёт по округе и дальше. Сходили на рынок, поздоровался с директором рынка, Алексисом, побеседовали минут пять. С именем Алексиса, вспомнил Алексею и защемило внутри, но стряхнул это чувство и пошли дальше. Вот наш магазин и две лавки. Бойко идёт торговля картошкой и тыквой.

В магазине продают керосиновые лампы, керосин, ковры, ткани и вязаные изделия. Кое-что из столярных изделий –

стулья, столы, шкафы. Здесь можно заказать доски, брёвна, брус, рамы и двери, которые находятся на складе в порту. Затем был банк и ломбард. Мойша пригласил меня в свой кабинет, и я поинтересовался его успехами.

Мойша занимался бумагами, а клиентов обслуживали три его приказчика, родственники из княжества Феодоро, которые неведомо как, были оповещены о возможности занять хорошую должность и прибыли недавно, поселившись в быстрорастущем посёлке у торгового порта. Между прочим, они вполне сносно говорили по-русски и, конечно, по-гречески, а также, немного по-турецки.

Не удивлюсь, что они и латынь знают. Ума и расторопности у них хватает с избытком, и это качество мне импонирует. Я вышел из банка, причём, стоящие на страже охранники, отдали мне честь. Мы проследовали до парома и переправились на другую сторону Воронежа. Зашли в деревню у переправы. Старостой в ней, всё ещё являлся Невер. Увидев меня, он с поклоном приблизился и приветствовал меня, со словами, что я совсем не заглядываю к ним. Деревня разрослась до, примерно 40 домов, причём половина из них были нормальными избами.

Невер рассказал, что жители деревни занимаются рыбной ловлей, сеют зерно, работают на рынке, а два пожилых чело-

века трудятся у нас в посёлке, завхозами. Деревня насчитывает одних мужских душ 75, не считая баб и ребятишек. Я спросил – Посещают ли дети нашу школу? На это, Невер ответил утвердительно и похвалился, что его внуки уже умеют писать и читать. Мы распрощались, и я отправился обратно. Посетил склад у пристани. Поинтересовался содержанием. Хотя мы, практически прекратили валить лес, но готовых досок там было несколько тысяч, как и бруса разных размеров.

Готовые столярные изделия – рамы, двери, столы и т.п. Стекло, в том числе. Оно стоило дорого, но всё равно, не залёживалось. И было его не много, потому что мы ещё не успели обеспечить самих себя. Здесь, у нас, имелся сторожевой пост, из трёх часовых, будка и шлагбаум. Зашли на пристань. Здесь стояли наши корабли.

Трофейная галера, носящая название «Дон», готовилась к учебному плаванию с 1 сентября. Плотники занимались небольшим ремонтом, наводили порядок, что-то меняли и надстраивали. Далее мой путь лежал в промзону. Здесь трудились кузнецы, бондари, горшечники, стеклодувы. В цеху шла сборка нового трактора, взамен трудившегося в карьере Старого Оскола.

Кстати, мы ещё не придумали названия новой колонии.

Я предложу название –Оскол, по имени реки. Пусть будет, как и было в истории. Вернулись в посёлок, взяли коней и проехали к форту «Восточный». Зашли в ворота крепости, я принял доклад коменданта, новоиспечённого прапорщика Ермуша, бывшего моего юнкера. Я его называл Еремей.

Сейчас он командовал полувзводом дружинников. На вышке стоял пулемёт и постоянно дежурили три человека. Во дворе располагались две ветряные мельницы, в противоположных углах, которые уже начали молотить зерно нового урожая. Имелась конюшня на 10 коней, колодец, промежуточный склад муки и зерна. Во дворе шла разгрузка-погрузка на подводы. Что-то привозили, что-то увозили. Мельницами пользовались и окрестные фермеры, тоже собравшие урожай со своих полей.

В порядке эксперимента, две деревушки отсеялись нашим зерном и, собрав небывалый урожай, обязаны были его использовать только в своих целях, ни в коем случае не продавая зерно на сторону. Всё собранное зерно было выкуплено нами по твёрдым ценам или перемолото в муку. В некоторых деревнях собрали картошку, тыквы, подсолнухи, на которые запрещение не распространялось.

В последнюю очередь, зашёл на наш завод. На первом этаже уже действовал токарный станок. Выглядел он крайне

убого, но по местным меркам являлся вершиной прогресса. Паровой двигатель располагался снаружи цеха, в огороженном помещении. Через окошко в стене, ременная передача приводила во вращение шпиндель станка, имевший несколько шкивов различного диаметра. Для изменения скорости вращения, ремень перекидывался на избранный шкив, и работа продолжалась.

Я привёз из Маргелова некоторое количество токарных резцов с твёрдосплавными пластинками, позволяющими обрабатывать любой металл, но которые береглись, как бесценное сокровище, как и было на самом деле. Были и свёрла. Слава Богу, что резцов и свёрл было достаточно много и пока, на оба филиала их хватило. Прошёлся по цехам, ковровому, ткацкому, вязальному и, наконец проследовали в столовую.

Количество едоков сократилось на 500 человек, отбывших в Оскол, что гораздо облегчило наши демографические проблемы. Теперь первого этажа столовой хватало на всех желающих. Я уселся на своё место, с Тепловым и Леонидом. С нами уселась и Милица Путятична – начальник отдела кадров. Она уже собрала необходимые сведения по всем гражданам Воронежа и ждала меня, чтобы сообщить свои данные для всех руководителей сразу. Назначили совещание на 16 часов и разошлись. Я пошёл в кабинет к Терентию и попро-

сил его посвятить меня в последние тайны. Теря рассказал про поездку Судейкина в Рязань. По возвращении из Константинопольского похода, Судейкин привёз в Рязань 4 августа, дружинников князя и своих, которые жили там.

Потери в боях составили 48 княжеских гридней из 200 и 77 дружинников нашего полка из 300. Князь собрал боярскую думу, на которой Судейкин отчитался о результатах похода. Погоревали над погибшими, но когда перешли к вопросу о трофеях, то все сразу же воспрянули духом. Мало того, что каждый из гридней, получил почти 100 золотых в качестве премии от императора, что соответствовало примерно 25 гривнам или заработку за 6 лет, из-за чего, каждый из них становился, если не богатым человеком, то зажиточным.

Привезённая ими доля трофеев составила, одними только монетами, золотыми и серебряными слитками, примерно 5000 гривен, а к этому ещё добавлялись 100 доспехов, сундук с драгоценными предметами, сундук с дорогой одеждой, 30 мешков с пряностями, стоившими не дешевле серебра, по весу. Это известие вызвала восторг у собравшихся, и они начали потирать руки в надежде поучаствовать в разделе.

Тут то Судейкин и заявил о желании прибрать к рукам Пронское княжество с правым берегом всей Оки, от исто-

ка до Ольгова. Однако, он уверял думу, что вся эта территория, являясь автономной, будет считаться вассальной, по отношению к Муромо -Рязанскому княжеству. Кроме этого, мы обещаем помочь присоединить к территории княжества Чернигов и Новгород Северский, с их уделами.

А чтобы не было обидно, то Ингварю мы передаём в дар дополнительно, ещё ровно столько же сокровищ, сколько они только что получили. Стоимость всех подарков, будет сравнима с размером всех собираемых в княжестве налогов, до нашествия монголов, за 7 лет. Поднялся шум, бояре начали спорить, но сумма даров, заставила их согласиться с нашим предложением, тем, более, что мы не собирались отделяться и продолжали оставаться подданными князя.

Потом разговор зашёл о результатах присоединения к княжеству муромских и нижегородских земель. Удачный замысел князя, подсказанный ему Судейкиным, позволил собрать в закрома Рязани тысячи пудов зерна, муки, других продуктов, а также денег и промышленных товаров. В результате, Ингвар, якобы из чувства добрососедства, наделил оставшихся в живых жителей, семенным зерном и продовольствием, взятых у них же, а также помог и деньгами, что снискало ему огромный авторитет среди граждан соседних княжеств и принявших весть о переходе под руку Ингваря, с воодушевлением.

Точно такую же аферу, предстояло провести с жителями Черниговского княжества, после ухода из него монголов. Так что к желаниям Судейкина отнеслись вполне благосклонно. Дело облегчалось тем, что совсем недавно скончался епископ Муромо-Рязанский, Ефросин Святогорец, ярчайший оппонент «Совета десяти». После этого провели торжества, по случаю освобождения второго Рима, центра Православия, Константинополя, от зловредных католиков латинян.

Три дня продолжалось празднование по этому случаю. За эти дни, Судейкин свёл князя с представителями банка и уговорил его открыть в Рязани филиал последнего, доверив в его распоряжение 10 тысяч дукатов, из 15 тысяч полученных. Князь предоставил в Маргелово свои слитки золота и серебра, чтобы мы, начеканили из них монет, по предложенному им, эскизу. Князь желал увековечить себя в монетах, запечатлев на реверсе свой профиль. Монеты он назвал гривнами и резанами, кунами и векшами. Обговорили размер и вес монет, содержание драгметаллов. Его золотая гривна, соответствовала нашему червонцу, потому что мы договорились о соответствии наших денег, при размене. Княжеского металла хватит на чеканку монет по стоимости почти в 210 тысяч рублей.

Этих денег достаточно, к примеру, для содержания дру-

жины в 2000 человек на год. Между делом, все маргеловцы, участники похода, отбыли в Маргелово, не дожидаясь князя, который, кстати, получил сообщение от ханши Борақчин об изготовлении мастером Ли Тун По, материала для воспламенения пороха ударным способом. Поэтому Судейкин велел немедленно снарядить «Рязань», для плавания в Сарай и заодно в Азербайджан за нефтью. Предложил в подарок Батыю, преподнести карабин.

Всё равно, сделать такое оружие, при нынешней технологии не реально, а Батыю этот подарок будет очень дорог. Китайцу, пошлём несколько перстней из наших запасов, больше дарить нечего. Корабль отошёл 8 августа. Судейкин вернулся в Маргелово 9 августа. Между прочим, в Маргелово удалось сформировать один взвод новых юнкеров из числа детей своих сограждан. Все эти сведения я получил до 16 часов и мы, тут же, перешли в кабинет Теплова, на совещание.

Леонид Фёдорович повторил, специально для меня, что в этом месяце, была выплачена премия всем гражданам посёлка, на которую ушли 37700 рублей, а с учётом зарплаты, которая составила 5850 рублей, вышло 43620 рублей. На сегодня в кассе посёлка имеется 56380 рублей, плюс небольшая сумма в иностранной валюте, которую держат для расчётов с иностранными поставщиками товаров. Мы не считаем наших денег, лежащих в банке, их там достаточно много

и на них идут проценты.

Благодаря деньгам, привезённым из похода, мы можем, в течении нескольких лет, совершенно не беспокоиться на их счёт. Более того, мы начинаем получать прибыль, от кое-каких наших изделий производства и продовольствия. Может статься, что со следующего года, мы выйдем на режим самокупаемости. Затем слово взяла начальник отдела кадров, Милица. Она произвела перепись населения посёлка с отметкой о профессии и выполняемой работе. Вот что мы имеем на сегодня – только взрослых 2688 человек здесь и 553 выехавших в Оскол, то есть 3221 человек.

Из этих людей холостых мужчин 1422. Я буду перечислять только оставшихся здесь. Женатых 233. Женщин замужних 233, холостых 796. Но тенденция к росту браков сохраняется. А вот детей у нас мало, потому что большинство браков совершено в этом году. Тем не менее, детей в возрасте до 7 лет -76, от 7 до 16 лет -56. Вновь набрано 128 юнкеров, в основном из своих, бывших военнопленных и около 30 человек со стороны.

После производства бывших юнкеров в офицеры, их число составило 179 человек. Из них – 3 лейтенанта, 3 капитана, 7 поручиков, 5 подпоручиков и 161 прапорщик. 30 прапорщиков будут продолжать обучение в академии. Поручик,

подпоручик и 8 прапорщиков в Осколе. Мы имеем 104 матроса, 128 юнкеров. Все остальные заняты на производстве, я не буду их перечислять. Только вот из 424 вновь приобретённых бывших гребцов, 224 пока не имеют работы. Мы не знаем, чем их занять. Тем более, что их возраст от 28 и старше, то есть для учёбы, они уже стары.

Следующий вопрос – что делать с урожаем? Главные проблемы с пшеницей, картофелем и гречихой. Здесь решил высказаться я сам – Маргелово не имеет свободных площадей и может засеять только 400 га. А у нас земли не меряно. Имеющегося урожая зерновых хватит для посева на 15 тысяч га, а картофеля на 7 тысяч га. В принципе мы сможем обеспечить эти площади, но есть ли в этом резон?

Собранного урожая хватит на прокорм, в течении года, более 30 тысяч человек. Но, учитывая секретность нашей урожайности, мы должны будем ещё один год высеять свои культуры, чтобы со следующего урожая, переводить на эти культуры всю Россию, я имею ввиду нашу, в рамках Пронского княжества и Воронежа. Оставим только часть урожая, для своего питания, это составит 200 тонн примерно. Какие будут предложения?

Но большинство решили, что нам надлежит весь урожай оставить на семена и пользоваться покупным. Чтобы не дер-

жать зерно в амбарах, решили отсеяться озимыми. А картошки оставить 500 тонн на еду, 2000 тонн продать, а 30 тысяч тонн оставить для посева. На том и сошлись во мнениях. По поводу Оскола, решили просить Судейкина выслать туда двух членов совета с ротой юнкеров, для создания нового филиала. Об этом, мы тотчас же поставили в известность Судейкина.

Судейкин ответил, что, как только вернутся из похода за нефтью и капсюльным порохом Зубаиров и Коверда, то они будут тянуть жребий и пошлют тех, на кого жребий выпадет. Идея, об открытии нового филиала, совершенно справедлива и нам, этот филиал очень необходим, как рубеж нашего южного направления, как и Воронеж.

Оба филиала стоят на ничейной территории и позволят привлечь в эти благодатные места русских крестьян, а также смогут послужить их защитой. Между делом, Судейкин сообщил, что в обоих филиалах, имеется некоторый дисбаланс в отношении юнкеров и дружинников. Дружинники учатся обращению, как с холодным, так и с огнестрельным оружием, не участвуют в обучении наукам, кроме грамоты и арифметики, вступают в бой конными и только с холодным оружием, а юнкера, хоть и имеют навыки обращения с холодным оружием, но пользуются только огнестрельным.

Есть предложение разделить эти два вида войск и впредь, офицеров дружинников переименовать, на бывшие в наше время казачьи и другие кавалерийские наименования, лёгкие в произношении. То есть, прапорщик станет корнетом, подпоручик – хорунжим, поручик – сотник, капитан – есаулом, майор – ротмистр, потом подполковник и полковник. Тоже самое с сержантским составом. Пусть и не соответствующим историческим, но проще запоминать и произносить.

Мы согласились и решили провести в жизнь это решение с завтрашнего дня. Кроме этого, дружинников постановили называть уланами, а 350 человек, которых мы набрали из числа гребцов и монгольского полона, чтобы учить обращению с холодным оружием – кадетами. Может быть, в будущем их переименуют, но это уже нас не касается. Для улан и кадетов изобрели деление на взводы по 25 человек, эскадрон из 50, сотня и т.д.

Соответственно завтра, некоторые офицеры сменят погоны на кавалерийские. Придумали эмблемы для кавалерии – подкова с перекрещёнными саблями, а для стрельцов, которых ещё нет – два скрещённых ружья, на пушке. Между прочим, для

224 безработных быстро нашли занятие – конюхи, дояры, пастухи, свиначи, птичники и т.д. Также решили организовать рыболовную артель из 40 человек. Вот и всё утрясли. С

чувством исполненного долга разошлись

Диверсия.

28 августа. Вторник. После завтрака, в 9 часов утра, я сидел в кабинете у Теплова, мы рассматривали вопросы, о назначении новых прапорщиков на должности, кавалерийских командиров, когда в кабинет ворвался посыльный штаба, он закричал – Тревога! – Мы вскочили, хватаясь за пистолеты.

– Убили! – продолжал кричать посыльный.

– Кого убили? -спросил я. Мы выбежали на улицу, посыльный звал нас к пристани. Я и Теплов побежали туда, оставив семенившего следом Терентия Петровича. У поста со шлагбаумом, преграждавшего вход на улицу, ведущую к лагерю, толпились люди. Там мы разглядели дежурного по лагерю, десяток улан и несколько гражданских. С нами бежали Арзамас и с десяток наших сограждан, привлечённых шумом.

Из сторожевой будки вышли два улана, неся за руки и ноги, чьё-то тело. Они уложили его на землю, рядом с ещё двумя. Мы подошли и увидели, что это труп прапорщика, последнего выпуска, а также два других часовых из 4-х. Дежур-

ный по лагерю начал докладывать. – Утром, в 9 часов, к посту пришли несколько купцов с провожатым – приказчиком магазина, с целью получения каких-то товаров со склада.

Обычно, чтобы попасть на склад и пристань, необходимо было пройти через сторожевой пост, в котором дежурили три улана и начальник поста, он же завскладом. На суточное дежурство заступали в 6 часов вечера. А вот теперь их обнаружили убитыми, неведомо в какое время, скорее всего, ночью. Один из часовых, пропал. Пока трупы унесли в лазарет, чтобы подготовить к погребению, а я приказал прочесать всю округу в поисках улана. С ним вместе пропали карабин и пистолет начальника.

В голову закрались нехорошие мысли. Узнали, что этот улан, является одним из освобождённых в походе на Константинополь, рабов. Он назвался бывшим дружинником князя Черниговского. Как крепкого и достаточно умелого воина, его определили в нашу дружину, уланом. Знакомые с ним, называли его весёлым и компанейским парнем. Странным являлось то, что часовые, не оказали сопротивления неведомому врагу, что выдавало, либо неожиданность нападения, либо то, что нападавших знали. Но в неожиданность нападения, мы не поверили.

Ведь надо было перелезть через забор, или подкрасться

сзади, со стороны кладбища и складов. Однако вся территория отлично просматривалась. Солдаты, посланные на торг, доложили, что по наблюдению сторожей рынка, в 8 часов вечера, от общего причала отошла купеческая галера венецианцев из Кафы, простоявшая у причала трое суток. Вызывало удивление, что люди с галеры, ничего не продавали и не покупали, а просто прогуливались по рынку, интересуясь ценами или совершенно бесцельно подходили к ограде, перегораживающей нашу часть пристани, и наблюдали за действиями жителей лагеря. Зато вчера, вдруг спешно отплыли, на ночь глядя.

Всегда, купцы уплывали рано утром. Мы догадались, что венецианцы, безусловно связаны с пропажей часового и оружия. Со времени их убытия прошло уже почти 15 часов. Нет сомнений, что они гребут изо всех сил. В любом случае, они не могли далеко уйти. Вряд ли их скорость превышает 20 км в час. Значит они удалились от нас на 300 км. Мы с Тепловым лихорадочно искали выход из положения. Чтобы организовать погоню, необходимо было затратить не меньше часа. Как назло, фрегат «Ока», зафрахтовали купцы, для доставки груза в Пронское княжество, а катамаран вообще был не готов к плаванию, так как там проходил текущий ремонт двигателя.

Наготове имелась галера «Дон», собравшаяся в учебное

плавание с новыми юнкерами. Но на ней, нам не удастся догнать далеко опередивших нас, похитителей. Тем не менее капитан корабля – Радомысл, получил приказание немедленно отплывать, взяв на борт 80 человек команды и 20 гвардейцев прапорщиков. В лагере забежали назначенные в погоню, собирая оружие и припасы. Но это не давало нам никакой гарантии в поимке диверсантов. Тогда я сообразил – надо лететь! Немедленно побежали к самолёту.

Благодаря Алёшке, самолёт всегда был готов к вылету. Я бросил Арзамасу – Собирайся! Теплому передал, чтобы он отдал распоряжение о доставке к ВПП гранатомёта и пулемёта. Я забежал домой, но потом уже не очень торопясь, одел полевую форму, взял автомат и направился к ангару. Самолёт уже выкатывали, Алёшка нёс 2 полные канистры бензина. Галера уже выходила из бухты, когда мы, распахав пулемёт, канистры, автомат и карабин в кабине, забирались внутрь.

Самолёт разогнался и поднялся в воздух. Сделав круг над посёлком, мы полетели над рекой, наблюдая движение кораблей по Дону. Сразу же оставили сзади галеру «Дон» и полетели вперёд. Очень редко попадались корабли, всего 3-4, идущие вверх по реке и попутные, но мы искали небольшую, 30-ти весельную купеческую галеру, с венецианским флагом. Через 2 часа полёта, мы увидели похитителей.

На спидометре набежало всего 270 км. Видимо, диверсанты, первые часы гнали на полной скорости, но устав, умили пыл. Да и время они выбрали удачно, видимо знали, что у нас для погони имеется всего лишь галера, с такой же скоростью, как у них. Но имелось опасение, что они свернут в Хопёр и спрячутся от преследования, поэтому, мы продолжили полёт до устья Хопра, благо, что он располагался всего в 20 км дальше. Здесь я начал поиск место для приземления.

Не меньше четырёх кругов, на предельно низкой высоте, я пролетел над, казавшейся удобной площадкой, на правом берегу Дона. Наконец мы приземлились. Вокруг расстилось бескрайнее поле, пересечённое оврагами и холмами, без единого признака жилья. Часы показали половину первого. Мы подошли к реке и выбрали удобное место для наблюдения и нападения. Пытаться остановить корабль мы не брались, тем, более, что могли получить пулю.

Я установил пулемёт за небольшой берёзой, в 20 метрах от берега, на кочке. Арзамас спустился к воде и спрятался среди камышей с гранатомётом. Но тут до меня дошло, что корабль мог плыть вдоль противоположного берега. Мы могли бы его подбить, но как потом достать его хозяев? Галера должна была приблизиться через час. Ширина реки достигала двух километров. Нечего было и думать переплыть её

с пулемётом.

– Ладно, подумал я. – Потопим корабль и дождёмся своих. Венецианцам останется только бежать в сторону казаков, но мы постараемся их всех уложить. Пусть лучше карабин утонет, чем попадёт в руки венецианцев. Я встал за берёзой и начал наблюдать в бинокль, приближавшуюся галеру. Это было судно, длиной чуть больше 20 м, с единственной мачтой, несущей латинский парус. Трюма не имелось.

Гребцы сидели на банках, но не гребли, видимо отдыхали. На носу и корме имелись, накрытые навесом, помещения. Корабль плыл по самой середине реки. Гранатомёт не достанет. Я отозвал Арзамаса, и мы улеглись за кочкой. Арзамас держал галеру на мушке карабина, а я пулемёта. Вот галера почти поравнялась с нами.

Я не стал ждать, когда она проплывёт мимо и дал короткую очередь, пристреливаясь. Пули легли в воду, я поднял выше, и следующая очередь прошла по борту, уничтожая гребцов и дырявя борт. Я постарался, как можно больше пуль всадить ниже ватерлинии и, эффект был достигнут, галера начала тонуть. Из-под навеса выскочил человек с карабином и несколько раз выстрелил в нашу сторону.

Однако Арзамас прицелился и срезал его. Тот упал на дно

галеры. Ещё несколько человек, вылезшие из-под навеса, заменили убитых гребцов и начали грести в сторону противоположного берега. Галера, на глазах, погружалась в воду, не смотря на

отчаянные попытки экипажа затыкать дыры и вычерпывать воду. Я заметил Арзамасу – Пусть плывут к берегу. Они никуда не денутся. Через Хопёр им не переплыть, а уходить к северу бессмысленно, их там задержат казаки. Будут прятаться поблизости.

Но их количество, желательно уменьшить, и я дал возможность Арзамасу потренироваться в стрельбе на дальней дистанции. К берегу, венецианцам удалось причалить, они вытащили из галеры кое-какие вещи и побежали в сторону от реки. Их оставалось всего 8 человек. Нам придётся ждать нашу галеру, а это займёт не меньше 15 часов. Сейчас 2 часа дня, значит «Дон» приплывёт около 5-6 утра.

Нас это не устраивало. – Полетим на другой берег- предложил я, и мы пошли к самолёту. Взлетели без проблем и пересекши реку, сделали несколько кругов над побережьем. Ага! Вот и беглецы. Они пробежали от Дона с километр и теперь двигались вдоль него. Через 7-8 км они упрутся в Хопёр. Интересно, что они будут делать потом? Я вернулся и постарался приземлиться поближе к затонувшей галере.

А вдруг карабин в ней? Мы прошли к кораблю, держа оружие наготове. Галера затонула на мелководье у берега и лежала, набрав воды, высовываясь на полметра выше её уровня. Арзамас первым влез на борт и внимательно осмотрел внутренность корабля. Всё было тихо, и я тоже забрался к нему. В заполненной водой галере, плавали трупы убитых. Мы насчитали 22 трупа. Среди них и труп нашего дружинника.

Однако убит он был не пулей, а ему перерезали горло, видимо, не желая тащить раненого на себе. Трое венецианцев подавали признаки жизни, притом один из них был в сознании. Одна пуля попала ему в ногу навывлет, вторая, в левую руку, в результате чего, он, видимо, вначале потерял сознание, а сейчас пришёл в себя и сидел на гребной банке, зажимая рану на ноге здоровой рукой.

Он стал что-то говорить на итальянском, и мы поняли, что он просит пощадить его. Однако нам совсем не хотелось возиться с раненым и Арзамас выстрелом из пистолета прервал его просьбу. Он же добил и других раненых. Мы обыскали убитых, но нашли всего несколько монет, оружие. Заглянули под навес, но там, кроме запасов пищи, одежды и нескольких мечей, тоже ничего не было.

Ни карабина, ни пистолета, мы не обнаружили. Значит

они забрали их с собой. Однако придётся ждать наших, слишком опасно преследовать беглецов в громадном лесном массиве, идущем по этому берегу Дона и далее, в котором они скрылись. Мы отошли к самолёту и, от греха подальше, вновь вернулись на другую сторону. На видном месте устроили лагерь, натаскали дров и стали ждать. По очереди спали.

29 августа. Среда. Часа в 3 ночи, развели костёр, чтобы нас было видно. Наши приплыли около 4 часов, они спешили изо-всех сил. «Дон» причалил к берегу, и мы провели переговоры с капитаном корабля Радомыслом. Решено было галере плыть дальше и свернуть в Хопёр, найти ближайшую станицу и назвавшись, организовать поиски итальянцев в лесу, попросив помощи у казаков.

Мы же, попробуем поискать беглецов с самолёта, и, если не найдём, то посадим его у станицы, где причалит «Дон». Галера ушла в предрассветных сумерках. Мы подождали, когда окончательно рассветёт и поднялись в воздух. Быстро достигнув места впадения Хопра в Дон, начали летать кругами, расширяя радиус поиска. К сожалению, всё пространство заросло лесом и увидеть что-либо, не представлялось возможным. Тогда мы полетели вверх по течению Хопра и уже через три км, заметили нашу галеру, причалившую рядом с населённым пунктом.

Нашли свободную площадку и приземлились в километре от домов. Это была станица, достаточно крупная, домов на 30, обнесённая деревянной стеной. К нам, вскоре, выехали из ворот и приблизились, десяток всадников, с оружием, но явно с мирными целями. Пока я сидел в самолёте с пулемётом, направленным на подъехавших, Арзамас подошёл к ним и представился. Один из всадников назвался десятником Гримайло и доложил, что в станице идут переговоры с нашими людьми.

Я оставил Арзамаса сторожить самолёт и попросил Гримайло выделить для этой же цели человек пять своих. Тот приказал пятерым оставаться на месте, а мне предложил одного коня, из остающихся здесь. Поехали в станицу. Радомысл уже объяснил станичному атаману причину нашего появления и тот ждал, когда к ним соберутся казаки. Я спешил с коня и представился. Атаман назвался Милованом. Я спросил, что они планируют делать. Милован сообщил, что сейчас соберёт полсотни казаков и вместе с сотней наших ребят начнут прочёсывать лес, вдоль Хопра к Дону.

Примерно через полчаса, собрались охотники и, растянувшись шеренгой в 150 человек, двинулись в лес. Полоса, захваченная ими, достигала километра. С ними на охоту отправились три пса, неизвестной породы, скорее всего волкодавы. Первому, обнаружившему беглецов, я обещал запла-

тить золотую монету. А вообще, за участие в поимке, посулил атаману 10 золотых перперов. Облаву поручили возглавить Гримайло, а я с атаманом уселись под навесом во дворе его хаты.

Атаман не участвовал в походе на Константинополь, но от его станицы отправлялись 20 человек, из которых, живыми вернулись 14, с богатой добычей. Жена атамана вынесла для нас еды, и я позавтракал, попросив передать немного для Арзамаса. Вокруг самолёта уже собрались все дети и много взрослых, разглядывая его и споря между собой о его предполагаемых возможностях. Облава закончилась через 4 часа, вполне удачно. Беглецов прижали к углу в месте впадения Хопра в Дон и заставили сдаться. Радомысл принёс карабин, пистолет и несколько оставшихся патронов.

Казачи пригнали пятерых понурых итальянцев со связанными руками. К сожалению, никто из них не понимал по-русски и поэтому, я велел всех их везти в Воронеж. Я отдал обещанные деньги атаману и тому счастливцу, который первым обнаружил прятавшихся. Атаман, к этому времени, организовал для нас обед, но я не стал задерживаться и вылетел с Арзамасом и захваченным оружием. Пролетая над затопленной галерой, разглядели несколько человек из казаков, собирающих трофеи. Через 2 часа мы приземлились в лагере. Здесь только что закончился обед и начались занятия

для курсов по ликвидации безграмотности.

Мы, в первую очередь, сдали оружие в арсенал и отправились по домам. Я пообедал дома и в 16 часов уже сидел у Терентия в кабинете. Я рассказал об итогах погони и заметил, что в связи с произошедшим, нам следует более придирчиво пересмотреть дела всех освобождённых нами рабов. Интересно, что нам поведают захваченные венецианцы? Наша галера прибудет завтра к ужину.

В Воронеже приступили к запашке земель к посеву озимых. На этот раз было необходимо запахать аж 10 тысяч гектаров, или 100 кв.км. Для этой цели мы выискали наиболее ровный кусок земли, южнее Воронежа, размерами 18 x 6 км. К работе приступили с противоположного края, два паровых трактора и обе САУ. От посёлка к ним навстречу пахали 100 лошадей, обычными плугами с металлическим лемехом.

Вот тут вновь выявилась наша неграмотность. Вся техника и 100 лошадей едва могли вспахать от 70 до 80 га в день, а до 15 октября, когда мы должны были отсеяться, вышло всего 3500 га вспашки. Через неделю должен был быть готов третий трактор, но и он не решал проблемы. Позвонили в Оскол и попросили их вспахать хоть сколько-нибудь земли. Короче, с учётом всех наших мощностей, мы можем осилить всего 6000 га. Передали зерно всем окружающим нас фер-

мерам, что даст нам ещё тысячу га.

Но 3000 га останутся неиспользованными. Но и это было достижение. 600 тонн зерна отложили на посев следующего года. Маргеловцам проще, у них всего, чуть больше 400 га освоенных земель. Им придётся передать фермерам большую часть урожая, обеспечив полностью все деревни от Ольгова до Борисово Глебово. На таких приятных нотах, окончили совещание.

30 августа. Четверг. Сегодняшний день отвели для проверки готовности к началу учебного года. Как и планировали, все 4 взвода юнкеров, отправятся в учебное плавание, по очереди, в два захода. Первая группа с 1 до конца месяца, вторая группа на весь октябрь. Я и Теплов будем вести занятия с двумя взводами юнкеров и взводом

Академии. Новоиспеченные прапорщики будут учить грамоте всё, не грамотное взрослое население, коих 2000 человек, разделённых на 66 групп, используя все имеющиеся помещения посёлка. На ликбез мы отвели полгода.

В 17 часов прибыла галера с арестованными. Их покормили и к 19 часам привели на допрос, проводившийся в кабинете главбуха. Леонид Фёдорович, общался с пленными на латыни. Вот что мы узнали от пленных – во время ожидания, нашими дружинниками и освобождёнными рабами, захвата

Синопа в Амастриде, пятеро бывших гребцов, литвинов по национальности и католиков, по вероисповеданию, посетили католический собор, где их заметили и обработали, братья францисканцы.

Три дня им хватило, чтобы завербовать троих из них, в шпионы. Им выплатили единовременно по 25 золотых перперов, чтобы они собирали и передавали, интересующие Венецию, данные и обещали платить в дальнейшем по 20 золотых в месяц. И эти доносчики, передавали всё, что им удавалось узнать, через прибывающих в Воронеж, на купеческих кораблях из Кафы, резидентов разведки.

Венецию чрезвычайно заинтересовало наше оружие, которое взялся добыть один из шпионов, служивший в дружинниках. Другие два, устроились рабочими на промзоне. В этот раз шпион обещал принести оружие с дежурства. Ему посулили 300 золотых и гражданство Венеции, за его работу. Шпион этот, заступив на дежурство у пристани, в 19 часов, первым делом убил начальника поста – прапорщика, а затем, по одному, обоих часовых.

Захватив карабин и пистолет, он прибыл на галеру, и они тут же отчалили. Они были уверены, что в ночное время, никто не заметит произошедшего. Здесь имелась также вина дежурного по посёлку, не проверившего ночью этого по-

ста. Но на 8-10 часов форы, венецианцы рассчитывали. Никто и подумать не мог, что мы воспользуемся самолётом. К сожалению, резидент был убит в перестрелке, как и его два помощника, а эти пятеро, оказались гребцами, не совсем обычными, а рядовыми воинами разведслужбы Венеции. От них мы получили мало информации, кроме той, которую они случайно услышали от своих командиров во время бегства.

Но мы, тем не менее, оказались в курсе, что Венеция знает о многих наших возможностях, в том числе и самолёте, необычном оружии, производстве стекла, тракторов и т.п. Это была удручающая новость. Мы теперь будем иметь дело с очень серьёзным противником, в лице самого Папы и всей его мощи, обусловленной, сотнями рыцарей церкви, прикидывающимися священниками и монахами, обычными купцами и путешественниками, а также членами дипломатического корпуса.

Стали решать, что делать с этими шпионами? В рабы? Однако эти молодцы слишком хорошо развиты и обучены всяким приёмам борьбы – опасно. Отпускать – глупо.

– А давайте продадим их грузинским купцам! Как раз их галера прибыла вчера.

– Неужели Грузинская? -спросил я.

– Именно так! – ответил Терентий. Я тут же решил идти к Грузинам. Взяли пятерых итальянцев и я, в сопровождении десятка улан, отправился на торг. С собой, в качестве переводчицы, я взял одну из грузинских девушек, оставшуюся с нами. Хотя и было уже почти 9 часов вечера, но на корабле никто не спал. Я вызвал хозяина и предложил продать ему этих пятерых молодчиков. Хозяин корабля, купец Гурген, говорил по-русски и переводчица не потребовалась, хотя она первой начала беседу.

Я отодвинул её и продолжил разговор. Гурген очень подозрительно отнёсся к моему предложению. Начал спрашивать, откуда я взял этих рабов, почему у них такой цветущий вид? Я ему просто ответил, что это венецианские шпионы, пойманные с поличным. Нам просто жалко убивать их, вот и продаём. А его дело использовать их по его усмотрению. Он даже может их отдать венецианцам.

Наверняка те заплатят за них хорошие деньги. Это известие вдохновило Гургена и он приобрёл рабов по 10 перперов за голову. Я положил деньги в карман и стал расспрашивать его о последних новостях в Грузии. Там ничего особенного не происходило, разве что Гурген, рассказал о том, что из монгольского плена вернулись жена Эристава Абазгии и дочь Рачинского Эристава.

Отец Мананы, Кахабер, очень обрадовался и сейчас, для усиления своих позиций, выдаёт её замуж за Сванского эристави. Говорят, что она сильно противилась этому,

но отец убедил её, что это очень важно для их Эриставства и она согласилась. Вот это новость! Я было опешил, но, странное дело, мне почему-то не было особенно горько. Образ Мананы поблек в моём сознании, на фоне Алексии. Однако, чтобы расставить все точки над „і“, я решил послать ей сообщение. Я спросил, когда Гурам отплывает? Оказывается, через неделю. Я попросил его передать моё письмо для Мананы. Письмо передам ему завтра ил послезавтра. Гурам согласился. Назад я возвратился уже в 10 часов вечера, без венецианцев. Как ни странно, но заснул я, без переживаний.

31 августа. Пятница. Сегодня последний день лета и завтра, по идее, начало нового учебного года. Однако, учитывая, что завтра суббота, решили начало учебного года перенести на 3 сентября. После завтрака, вызвали к себе дежурного по посёлку, прозевавшему убийство трёх человек и бегство шпиона. Это был подпоручик Тингай, из числа 47 эрзя, приведённых Терей. Очень обидно, что он пренебрёг своими обязанностями и не проверил в ту, роковую ночь, дежурного поста у пристани.

Мы разбирали его дело втроём, с Терей. Особенно пере-

живал Теря. Это был его человек, на которого он надеялся, но в этом случае он молчал и не пытался выгородить Тингая. По сути, тот подлежал расстрелу, но мы его пожалели и разжаловали в рядовые. Сразу же отмечу, что он повесился этой же ночью, не пережив своего унижения. Таким образом за короткий срок, мы потеряли 5 человек.

А пока, отпустив его, мы начали соображать, как нам выявить ещё двоих шпионов? Стали уточнять, кто был в числе освобождённых рабов, находившихся в Амастриде. Нам было известно, что в католический собор ходили пятеро, из которых завербовали троих. Очень быстро, расспрашивая командиров, определили литвинов среди освобождённых. Их было 24 человека. По рассказу венецианцев, двое шпионов работали в промзоне. Это ещё более сузило круг поиска. Таковых определилось пятеро.

Не хотелось ронять подозрение на невиновных. Все пятеро работали в кирпичном цехе. Решили, незаметно проследить за ними и поручили это одному из мастеров цеха. Я написал письмо Манане, где спрашивал её, не хочет ли она вернуться ко мне? Если хочет, то я её выкраду и привезу сюда, в Воронеж. Письмо отнёс вечером на корабль к Гургену. Кстати, Гурген спросил меня о той девушке, что выполняла роль переводчицы с грузинского, но не понадобилась.

Я усмехнулся и сообщил, что эта девушка живёт у нас и, собственно говоря, совершенно свободна. Гурген попросил меня познакомить их. Я внимательно посмотрел на него. Мужчина, что надо – крепкий, высокий, не старый, 30- 32 года. Я пообещал ему, что поговорю с этой девушкой, но не более того. Она сама будет решать, стоит ли им встретиться ещё раз.

1 сентября. Суббота. После завтрака ко мне подошёл один из работников и попросил его выслушать с глазу на глаз. Я пригласил его в свой кабинет, и он рассказал мне, что был в числе пяти католиков, посетивших католический собор в Амастриде, из числа которых, один стал предателем. Он признался, что и его склоняли к предательству, обещая хорошие деньги, он знает, что ещё одного его друга пытались завербовать, а вот в других своих единоверцах, он не может быть уверенным.

Потому что они стали вдруг скрытными и почему-то отпрашиваются на пристань, когда туда прибывает корабль из Кафы. Я его поблагодарил за его честность и благородство и отпустил. Теперь число подозреваемых сократилось до 3-х. Двое из них предатели. Подождём ещё немного. С другой стороны, что важного они могли передать? Рецепт изготовления кирпичей? Режим дня и меню в столовой? Смешно! А пойду ка я, и поговорю с ними на прямую! И я пошёл в пром-

зону. Зашёл в караульное помещение и велел пригласить ко мне троих подозреваемых. Я и начальник охраны промзоны, корнет Костян, уселись за стол и стали ждать. Через 10 минут в помещение вошли трое бывших гребцов, они сняли шапки и поклонились.

– Здорово ребята! -Приветствовал я их. – Вот, хочу у вас спросить, сколько вам платят венецианцы, намного ли больше меня?

Эффект последовал поразительный. Все трое рухнули на колени и заголосили:

– Прости, ваше высокоблагородие, не вели казнить, бес попутал!

Вот тебе и на! Так они все трое, оказывается! Я не подал виду и спросил:

– Что вы успели передать нашим врагам?

Они вразнобой начали оправдываться и валить всю вину на убитого – Это Голяш, это он всё передавал, а нам и нечего было рассказать. А все деньги, что от латинян получили, отдадим, жгут они нам руки!

Я спросил Костяна: – Что предлагаешь?

– Казнить гадов! Гребцы тихонько завыли и вновь стали умолять пощадить их. Без наказания их нельзя оставлять – подумал я и приказал:

– Отведите их в холодную!

С некоторых пор, в специальной пристройке к складу, у пристани, разместилась, так называемая, «Холодная», помещение для арестантов, 10 клеток, куда можно было поместить до 5 человек в каждую. Были у нас случаи, выпивали, дрались. К счастью, это были, обычно рабочие. Юнкеров и других военных, за подобные проступки ждало изгнание из наших рядов. Жестоко, но справедливо. Нам не нужны нарушители дисциплины. Гребцов посадили по одному. Жили они в казарме. В их вещах нашли в общем, почти 50 дукатов. Дорого ценят наши секреты латиняне!

Их суд я назначил на завтра в церкви. Посетил я грузинку, её имя было Софико. Я ей сообщил о желании Гургена более тесно познакомиться с ней. Девушка согласилась, и я лично присутствовал на их встрече в посёлке, перед ужином. Убедившись, что Софико ничего не грозит, я оставил их вдвоём и отправился на ужин.

2 сентября. Воскресенье. На службе у отца Никодима, когда он закончил, я взял слово и поведал собравшимся о по-

имке предателей. Их, как раз, привели и представили народу. А народу было, примерно 600 человек. Я спросил, как люди советуют наказать виновных? Подавляющее большинство высказалось за смертную казнь. Предатели, стоя на коленях, умоляли сохранить им жизнь. Честно говоря, я был против казни, но, по зрелому рассуждению, принял решение, что не гоже заниматься всепрощенчеством. Не те времена, да и люди не поймут, а предатели не исправятся, а наоборот, затаят обиду и будут мечтать о мести.

Раз народ требует, то надо их желание уважить. Но вот проблема – а кто исполнит приговор? Что же – придётся вводить должность палача? Так и спросил у людей:

– Кто исполнит приговор? Я лично не могу убить человека просто так.

Между прочим, если таковой найдётся, то я, даже не могу себе представить, как с этим человеком общаться после этого? Профессия палача во все времена считалась паскудством и с ними никто не разговаривал и не знался. Народ затих, переваривая вопрос. Никто, почему-то, не выступил вперёд, пожелав прикончить предателей. Надо сказать, этот факт, меня порадовал. В эти жестокие времена, люди не отличались добрым нравом, но значит наши люди, имеют доброе сердце. После нескольких минут тишины, послышались рекомендации – Выгнать их прочь!

И я, и Теплов, с лёгким сердцем, согласились с этим решением. Здесь же, сняли с них верёвки и отпустили, наказав, что, в случае их обнаружения поблизости от Воронежа, я лично застрелю их, без суда. И чтобы они немедленно, бежали отсюда, в том, в чём они сейчас, без кусочка хлеба. Троица, испуганно оглядываясь, прошла сквозь расступающихся перед ними и исчезла с наших глаз. Я облегчённо вздохнул.

Вообще-то, вина этих людей очень относительна. Они, никого не убили, да и урон, нанесённый ими невелик. Им нечем было похвастать перед итальянцами. Ну рассказали они, что мы делаем кирпичи и стекло. Это не секрет. Паровой двигатель? – Они даже принцип его работы не представляют, а изготовить таковой, даже имея чертежи, ни одна страна не сможет, как и автомат Калашникова. Но урок для всех получен достаточно суровый и даст пищу для размышлений.

На этом мы разошлись и после обеда собрались у Тери, чтобы определиться с другими проблемами. Во всех филиалах на полную мощь проходила посевная кампания по сеvu озимых. Все силы были брошены на распахивание целинных земель, и эта работа будет вестись до середины октября. По рекомендации знающих людей, это крайний срок для посевов. Нас сейчас интересовала проблема доставки в Воронеж готовых криц железа, коих в Осколе производили до 160 кг

в неделю.

Предлагалось устроить ямный путь от Воронежа к Курску и Осколу. Постановили, немедленно, с завтрашнего дня, начать строить Ямы от того самого места на 10 км выше по течению Дона, откуда протоптана дорога до Курска. Отмеряя по 25 км от берега, где устроим первый ям, строить станции. На месте вырубать участок леса и ограждать площадку в размер 50х50 метров, ограждая забором. На площадке ставить двухэтажный сруб 9х9 м, конюшню на 5 лошадей, хозяйственные пристройки, гараж на 2 повозки и двое саней.

При расстоянии до Оскола 110 км, таковых станций выйдет 5, не считая конечной станции в Осколе. На каждую станцию послать по 40 человек с топорами и пилами, другим инструментом и начинать строительство, чтобы закончить к первому снегу. Для охраны, каждую станцию будет охранять десяток улан. После окончания строительства, оставить на месте по десятку улан, командир которых будет, по совместительству, начальником станции.

На каждом Яме иметь: запас фуража на лошадей, конюха, двух ямщиков, самовар и котёл для приготовления пищи, чтобы иметь возможность накормить проезжающих, места для ночлега в помещении, отдыха и приёма пищи. Усмотреть склад продовольствия. Первоначально использовать трассу,

для перевозки металла из Оскола в Воронеж, доставку почты и т.п. Время покажет, увеличивать или уменьшать штат Ям, какие дополнительные меры необходимо принять и т.д. Не возбраняется и, даже поощрять, по возможности, поселение поблизости гражданского населения.

Использовать землю для устройства подсобного хозяйства, с целью, передачи в будущем, функций обслуживающего персонала в руки местных поселенцев, назначив им оплату их труда. Безусловно, подобные, охраняемые пункты, послужат приманкой для поселенцев. Тут же определили, кого следует послать на строительство и предложили им собирать вещи. Завтра утром их отвезут к месту начала пути на «Оке».

Трудовые будни.

3 сентября. Понедельник. Жизнь в посёлке вошла в обычное русло. Подъём улан и кадетов в 6 часов утра, их пробежка, зарядка и завтрак. Следом – в 7 утра, подъём юнкеров, академиков и всего гражданского, трудового населения и учащихся. Юнкера делают зарядку, умываются и идут на завтрак. Далее учёба, строевая и боевая подготовка. Я и Теплов, проводим занятия с юнкерами и академиками. Улан и кадетов учат офицеры и их непосредственные командиры. Ликбез проводят также офицеры.

После обеда учим педагогов. Строители Ям, отбыли после завтрака на трассу Воронеж -Оскол—Курск. Выпущен новый трактор, продолжается распахивание целины и сев. Вышли в учебное плавание юнкера первых двух взводов на месяц. Я погрузился в процесс обучения нового пополнения. Домой приходил не раньше 17 часов.

1 октября. Понедельник. В учебное плавание ушли следующие два взвода юнкеров. Первые два взвода начали теоретическое обучение. Жизнь посёлка проходит обыденно.

25 сентября вернулся из похода за нефтью, корвет «Рязань» с Ковердой и Забуириным на борту. Мы выслушали по радиации отчёт об итогах экспедиции. Первой и самой главной целью похода, явилось посещение ставки Батыя в Сарае, со встречей с ханшей Боракчин и китайским мастером Ли Тун По. Как и задумали, преподнесение Батыю в качестве подарка, карабина СКС, вызвало у него настоящий восторг. Он в принципе смирился с тем, что такой подарок ему, мы никогда не поднесём, понимая огромную

ценность этого оружия в этом времени, как для нас, так и для любого другого.

Конечно же, Батыю привезли 50 патронов к пистолету и 50 к карабину. (Карабин Симонова. Разработан в 1945 -49 годах, в производстве с 1950, выпущено 15 млн.

Масса кг -3,75, длина мм -1269 со штыком. Калибр -7,62 мм. Прицельная дальность -1000 м. Дальность стрельбы -3600 метров. Магазин -10 патронов)

Вечером Коверда с Забуириным приняли участие в праздничном пиру, посвященном разгрому тевтонцев, совместной русско-татарской армией во главе с Александром Ярославичем, князем Новгородским, на озере Неро, а также захвату города Владимира Волынского.

Здесь нам стало известно, что ханы Гуюк и Бури, поссорившись с Батыем, отбыли в Монголию со своими туменами, сильно ослабив армию, нарушив при этом, приказ Угедэя. В то же время, князь Ярослав Владимирович, напал на Черниговское княжество и захватил город Каменец, где были взяты в плен жена и дети князя Михаила Черниговского, скрывающегося в Венгрии. Хан Менгу начал осаду Киева.

Все половцы, наконец, были разгромлены и их остатки, во главе с ханом Котяном, убежали в Венгрию. Батый обещал достать их и там, а королю Венгерскому Беле, послал письмо с требованием выдать ему половцев и принести покорность монголам. Интересные были новости, кстати совершенно совпадающие с историческими данными. Только через неделю удалось свидеться с мастером Ли Тун По.

Он был уже очень стар и болел. Наконец, когда ему стало

несколько лучше, он принял нас и передал небольшой бочонок с взрывчатой смесью, строго предупредив, что содержащее взрывается при малейшем ударе. В бочонке находилось примерно 8 кг порошка желтоватого цвета. Его слуга продемонстрировал нам способность порошка взрываться при ударе, насыпав щепотку порошка в кусочек тряпки и ударив по нему камнем. Эффект был весьма впечатляющий. Производство порошка, по словам мастера было крайне опасным. Во-первых, два его мастера, работающие с выпариванием состава, заболели и настолько тяжело, что их пришлось умертвить.

Это явно стало последствием вдыхания компонентов вещества. Другой слуга, смешивающий порошки, лишился руки, при взрыве небольшого количества материала. Нам было очень важно знать всю технологию приготовления взрывчатки, о чём мы попросили мастера. Нам была предоставлена возможность присутствовать на всех этапах изготовления, а позже самостоятельно изготовить порцию порошка. Всё это заняло две недели времени. В число компонентов входили ртуть, кислота, получаемая из селитры и ещё кое-какие элементы, в большинстве, крайне ядовитые.

Весь процесс, Коверда с Забуириным, сначала записали, но потом посчитали необходимым уничтожить записи, оставив всё в своей памяти. Уж очень это было преждевремен-

ным и, не дай Бог, вдруг попало бы к какому-нибудь умному человеку. Наконец, убедившись, что они сами могут изготовить материал взрывчатки, ребята подарили мастеру 5 перстней с драгоценными камнями. Вид у мастера был довольный, видимо цена за порошок его удовлетворила. Дополнительно выпросили у него две бочки пороха по 2 пуда в каждой. Кстати, на местном рынке, продали два подобных перстня, получив за них 800 динаров золота. Этими деньгами предполагали рассчитаться за нефть. На этом распрощались и отправились в Азербайджан.

На их счастье, дорога обошлась без приключений. За 100 тонн нефти отдали 250 динаров. Вновь остановились в Сарае и ещё раз нанесли визит Батью. Он, кстати собирался уже отправляться в Галицию, чтобы уже в январе, начать поход в Европу, с целью наказать короля Белу и добить половцев с ханом Котяном, а также наказать тевтонов за нападение на Псков и Новгород. В Маргелово разработали проект ружья, по типу охотничьего, с переламывающимися стволами, для вставления патрона. К нему изготовили патрон калибра 12, из железа, за неимением картона. Засыпали в патрон дымного пороха, дробь с пыжами. В доньшко вставили неиспользованный капсюль, извлечённый из обычного патрона. Несколько ружей было изготовлено ещё в августе.

Их испытали, применив эти патроны. Эксперимент удал-

ся. Теперь очередь была за изготовлением патронов для карабинов. Привезённый из Сарая порошок, как мы припомнили, называющийся «гремучей ртутью», смешали с клеем, приобретённом на торгу. Усадили людей за работу, по извлечению из отстрелянных патронов, капсюлей. Как известно, мы старались сохранить все отстрелянные гильзы и их только в Маргелово накопилось до 80 тысяч. Капсюли распрямляли и закладывали внутрь каплю густой смеси с взрывчаткой.

После высушивания, их вставляли в гильзы, насыпали порох, вставляли пулю. Пули отливали из свинца, в форму, изготовленную из обычной пули. Опыт показал, что патроны получаются, как настоящие, однако убойная сила пули снизилась значительно. Дальнобойность уменьшилась до одного километра, а панцирь с щитом, пробивался с расстояния, не больше 70 метров. Но и эти показатели были вполне удовлетворительными.

В Маргелово запустили цех, по изготовлению патронов из стреляных гильз. Задействовали 100 человек. Одни вытаскивали пробитый капсюль с помощью специального штыря, другие выравнивали его дно, третьи заполняли гремучей ртутью, четвёртые лили пули и слегка их дорабатывали, пятые собирали патроны, обжимая пули стенками гильзы. Получился конвейер, производительностью до 800 патронов за

смену. А завод начал выпуск ружей под 12 калибр. Длина ствола нового ружья составила 80 см. Чертежи стволов были переданы нам, поскольку у нас было достаточно металла, а деревянные части изготавливали в Маргелово.

Там же делались и детали спускового механизма из бронзы. Этими ружьями планировалось вооружить улан и большую часть юнкеров. Нам поручили изготовить 20 пушек, калибром 20 см. Привозимые крицы железа из Оскола, каждая весом в 60-80 кг, переплавлялись у нас в тигельных печах с наддувом горячим воздухом, с помощью электрических вентиляторов, что позволило получить сталь, не очень хорошую, но достаточно прочную и ковкую.

Металлурги добавляли в неё какие-то присадки, колдовали над их соотношением. Изготовили форму для пушки с отверстием для ствола в 19,5 см. Оставшиеся 0,5 см снимали в специальном расточном станке, токарным резцом. Отверстие выходило, как зеркало. Стрелять предполагалось ядрами или картечью, для изготовления которых, шёл негодный, для других изделий, чугун, остающийся после выплавки железа в печи.

Использовать пушки, мы пока не планировали, из-за недостатка пороха. Хотя произвели несколько пробных выстрелов, произведённых на полигоне, в присутствии почти

всех военных, для наглядности и учения. Зато для производства патронов, пороха было достаточно. В Маргелово этой работой было занято почти 200 человек. В конце сентября начали перегонку нефти и изготовление топливных брикетов.

Ружей пока выпускали по 4 штуки в неделю. Тут действовала длинная цепочка, по изготовлению отдельных элементов, одним из самых сложных из них был ударный механизм, создаваемый, чуть ли не на колене, с величайшей точностью. В Маргелово провели жеребьёвку, для определения руководителей нового филиала в Осколе. Жребий пал на Забуинова и Иманкулова. Они собирались выехать в Оскол, в середине октября, с четырьмя взводами своих юнкеров, которых им придётся учить на месте.

Нам пришлось несколько изменить организацию юнкерских рот. Теперь каждая рота имела всего один взвод, вооружённый автоматами или карабинами. Остальные были вооружены холодным оружием, но их учили обращаться и с огнестрельным. Планировалось их вооружить ружьями нашей системы. В будущем, предполагалось создание, так называемых драгунских подразделений, вооружённых, как холодным, так и огнестрельным оружием. Для этого будем переучивать улан и кадетов.

Девушки выделывали ковры и ткали полотно, шили форму и гражданскую одежду. Пока ещё, едва успевали обеспечивать свои нужды. Мы разрешили пленным бродникам и суздальцам на выбор, или оставаться у нас на постоянное жительство или уезжать к себе домой. Их больше никто не держал. До ледостава, остающимся разрешалось съездить домой и забрать свои семьи, если таковые у них имелись.

Для этого им выдавались подъёмные премии, по 10 рублей, а также позволялось взять ладью на группу в 15-20 человек, с последующим возвратом. Этой возможностью воспользовались почти все вольноотпущенники. Далматинцев мы тоже освободили от рабства и дали возможность уехать, выдав деньги на дорогу домой, вполне достаточные для оплаты проезда в венецианских кораблях. Короче, желание остаться выразили, 24 далматинца из 54, все бродники и суздальцы.

Имеющие семьи, уехали за ними. Бродники, вниз по течению, а суздальцы, вверх. Далматинцы договорились с венецианцами и уплыли с ними. Продолжать постройку стен, взялись рабы (военнопленные от Гуюка), остатки далматинцев и холостые суздальцы и бродники. Стена уже поднялась на два метра и вполне могла сыграть свою роль, даже при такой высоте. Между тем, мы начали строительство ещё одного катамарана, ещё более крупного, чем «Воронеж». К нам

прибыли из Рязани те самые корабелы, что строили наши корабли и уже вторую неделю заняты работой.

Досок у нас вполне достаточно, как из Маргелово, так и своих. Трасса до Оскола продолжает строиться, но свою функцию уже начала выполнять. Каждую неделю оттуда везут всё больше железа в крицах, уже по 20 пудов в неделю. Туда везут зерно для посевов, горючее и некоторые товары для продажи. Вокруг крепости Оскола поселились 15 семей и это количество обещает увеличиться, как и растёт рынок у карьера. Однако удручает факт, что открытая залежь руды, оказалась верхушкой купола, уходящей круто вниз.

Нам удалось освободить почти 2 гектара территории залежей, выходящих наиболее близко к поверхности. Чтобы продолжать добычу, придётся всё более углубляться, увеличивая объёмы вскрышных работ, что уже непозволительно сложно для нас, не имеющих экскаваторов и самосвалов, для разработки карьера. Тем не менее, открытые участки позволят нам добыть более 200 тысяч тонн руды и соответственно, выплавить из неё, как минимум, 100 тысяч тонн железа.

Однако при наших возможностях, мы сможем перерабатывать едва ли до 30 тонн руды в сутки, так что вскрытых запасов карьера нам хватит более, чем на 15 лет. А там, что-нибудь придумаем. Но нам уже сейчас некуда девать железо

и через месяц начнём его продавать. При цене около гривны за 2 пуда, что соответствует нашим 25 рублям, мы вполне сможем зарабатывать по 1500 рублей в месяц, уже сейчас. Так что наши перспективы, выглядят самым радужным цветом. В Рязани строится Ямская трасса до Москвы, через Ольгов, Маргелово, Борисово Глебово, Коломну и т.д. Мы начали рассматривать план похода в Европу, совместно с войском Батыя. Куда пойдут его войска, мы знаем, поэтому хотим определить маршрут, не пересекающийся с ним.

30 ноября. Пятница. В Рязани уже давно лежит снег. У нас дожди. Заканчивается судоходный сезон на Дону. Ещё 1-2 недели и река встанет. Прибыл, с последним рейсом, грузинский корабль с Гургеном. Он лично пришёл ко мне и вручил письмо от Мананы. Я вызвал Софику и попросил перевести. Манана писала, что она была вынуждена выйти замуж за Сванского эристава, но любит она только меня.

Этот брак, позволял намного усилить и расширить возможности Рачи и Сванетии, породнившись домами, вкуче с Абызгами, подчинёнными мужу Этери. Союз трёх эриставств, обрёл большую силу на территории грузинского царства, получив возможность совместного отпора любому противнику. Что поделаешь? Обычный династический брак, доказывающий аксиому, что короли не могут жениться по любви.

Что мог я принести в копилку князя Кахабера? Да и кто я есть, даже не барон или граф. Проходимец, не бедный, но безземельный. Ну, что же? Вычеркнем из памяти ещё одну бывшую любовь. У меня ещё есть время. Займёмся лучше насущными проблемами. Гурген попросил у меня руки Софики, как её покровителя. Поскольку Софики не возражала, то я, посоветовавшись с Тепловым, передал её Гургену, выдав, в качестве приданого 25 рублей, ковёр и 10 квадратных метров перкаля.

Мы посчитали, что дружба с Гургеном, того стоит. Ноябрь стал месяцем, рекордным по количеству браков внутри посёлка. Женились все офицеры, оставшиеся далматинцы, мастеровые и остальные. Обряд бракосочетания был прост до изумления. Желающие жить вместе, приходили к начальнику по кадрам Милице Путятичне и она назначала им день регистрации. Когда набиралось 15-20 пар, брачующихся собирали в клубе посёлка. Я, Теплов, Терентий и Милица, сидя за столом, по очереди принимали пары.

Они представлялись по имени и Милица, записывала их в особую книгу регистрации актов гражданского состояния. Молодым вменялось в обязанность, привести с собой двух, уже женатых людей, в качестве свидетелей, которые подтверждали, что молодые вполне достойны вступить в брак. По-

сле этого, кто-то из нас произносил короткую речь, призывая молодых жить в любви, а также предостерегал их от развода, сообщая, что, если родится ребёнок, то отец его будет платить матери алименты.

Когда те соглашались на условия, Милица поздравляла их и объявляла мужем и женой. Они расписывались в книге и уходили. При желании, они отправлялись к отцу Никодиму, который скреплял их брак венчанием. Но это касалось только христиан, да и то не всех. Остались холостыми новые юнкера, которым мы порекомендовали, до окончания учёбы, не связывать себя узами супружества, рабы из числа пленных Гуюк хана и с десятков нерешительных парней. Кроме этого, в лагерь вернулись, уезжавшие за своими семьями, бродники и суздальцы.

На конец ноября, население посёлка достигло 2971 человек, только взрослых. А с детьми, число которых было 514, притом детей в возрасте до 7 лет аж 342, а всё потому, что подавляющее большинство семей, были созданы в этом году. По населению, мы слегка превзошли Маргелово и фактически, наше поселение, по нынешним меркам, вполне соответствовало крупному городу, типа Рязани, Коломны, Мурома. Мало того, в радиусе всего полукилометра от Воронежа, проживало ещё около тысячи человек. Мы не считаем тех 40 корабелов, что строят нам здесь корабль.

Над кораблём устроили навес и стены, позволяющие проводить работы в относительно комфортных условиях. Корабелям помогали 40 наших работников. По проекту, этот катамаран превзойдёт всё, что имеется в этом мире на сегодняшний день. Его длина

составит 72 метра. Каждая из 2-х гондол, катамарана, представляла из себя, что-то вроде пирога, длиной 72 и шириной по верху 3 метра, при высоте в 2 м. и имела объём свыше 300 кубометров. Внутри имелись 4 автономные секции, герметичные, на случай повреждения днища.

А в целом, конструкция представлялась кораблём, шириной по плоскому днищу в 12 метров, поставленному на две параллельные пироги, расстояние между которыми было 6 метров. От гондол и выше, борта поднимались с расширением, напоминая трапецию, с шириной по верхней палубе 20 метров. Трюм не имел окон, являясь герметичным до потолка, высотой 2 метра. Выше шла жилая площадь, с каютами для матросов и десанта, также в 2 метра высотой. Ну, а затем верхняя палуба с надстройками для камбуза, кают-компаний, помещений для десанта, отдельных кают капитана и офицеров и т.п.

Имелись 3 мачты, не слишком высокие, по 12 метров, с прямыми и косыми парусами. В трюме располагалась котель-

ная с паровым двигателем, мощностью примерно в 1000 л.с. Движителем служило гребное колесо, шириной 3 метра и диаметром тоже три. Колесо можно было поднять выше воды, чтобы не мешало, при движении под парусами, для этого в корме предусмотрели выемку для размещения колеса, которое подвешивалось к потолку. Моторное отделение обшили металлическими листами, в противопожарных целях. Вес корабля с мотором и запасом угля в 50 тонн, составлял примерно 320 тонн, при общем водоизмещении около 2900 тонн.

Осадка, без груза, составила всего полтора метра, что позволит кораблю плыть по рекам. Площадь только жилых помещений превышала 2000 квадратных метров, что даст возможность, разместить на борту до 1000 человек в комфортных условиях и до 3000, при необходимости, в несколько стеснённых условиях. Корабль предполагалось вооружить четырьмя САУ, огнёмётами, миномётами и четырьмя пулемётами в башенках, с возможностью вращаться. В составе экипажа 6 кочегаров, 2 механика, 5 слесарей, 50 матросов и 5 офицеров, 2 кока, лекарь и 2 санитаря.

В состав экипажа войдёт взвод гвардейцев, вооружённых автоматами. До спуска корабля на воду, который предполагался в апреле, должны изготовить, по крайней мере, 50 ружей для экипажа. Название корабля уже придумали – «Русь».

Придумали и его обозначение –крейсер. Экипаж подбирался и его начнём учить с декабря. А капитаном корабля, планировали назначить бывшего сотника Михея, начальника безопасности Тери. В отношении маршрута похода на Европу, предложили всем хорошенько подумать и представить свои соображения к апрелю следующего года.

На совещании подтвердили необходимость строительства второй домны в Осколе. Также, решили отложить до весны строительство ямского тракта от Воронежа к Данкову, из-за снега. Хорошая новость пришла из Маргелово – общими воспоминаниями и на основе учебника химии, удалось спроектировать и построить тигельную печь, для плавки стали из кричного железа. За ноябрь удалось выплавить двадцать брусков стали по 4 кг из 100 кг полученной от нас крицы. Печь вышла практически лабораторная и производительность её была едва 4 кг в день, но это стало гигантским шагом в будущее. Дело в том, что всего лишь сабля из стали, стоила в эти времена столько же, сколько стоили три пуда кричного железа.

Таким образом, мы могли, изготовив ещё с десятков тигельных печей, довести объём выпуска стали до 40 кг в день, получая за это 500 рублей. А за год выходило бы свыше 150 тысяч рублей – совершенно фантастическая цифра! Эта сумма превосходила все наши расходы. Так что мы, тут же, при-

нялись за осуществление этой задачи. По нашим расчётам выходило, что мы сможем достичь этой цифры через год напряжённого труда, а может и раньше. В принципе, отпадала необходимость в военном походе на Европу. Но поход необходим, как средство, отучить католиков безнаказанно нападать на Русь.

31 декабря. Понедельник. Сегодня и завтра объявили не рабочими, в связи с новым годом по нашему стилю. На остальной территории Руси эта дата выпадет на 1 марта. В этом месяце у меня родились ещё двое детей. Максим -12 декабря и Настя -22 декабря. Я был очень рад и подарил Бажене и Веселине по 50 рублей на украшения. Как ни смешно, но мне совершенно некуда тратить деньги, хотя я имею официальный оклад в 150 рублей в месяц. Ни я, ни Теплов, практически не пользуемся этими деньгами.

У нас всё казённое – еда, обмундирование, жилище. Все матери в Воронеже получают по 2,5 рубля в месяц, до достижения ребёнком 3-х летнего возраста. Юнкера получают по 12 рублей 50 копеек в месяц, прапорщики, по 25 рублей. Разница огромная. Но наш вклад в развитие этой эпохи, неоценим. Работа по обучению личного состава продвигается удовлетворительно. Нами получены 25 ружей нового образца, пока только для обучения. В Маргелово удалось получить капсуль для ружейных патронов из меди, путём штамповки

и теперь их у нас достаточно. Хватает и пороха.

Так что стрелять, наши юнкера и кадеты, могут, не экономя патронов. На полную мощность выпускает монеты пресс, как Российские рубли и копейки, так и рязанские, гривны и куны. Порой выполняются единичные частные заказы. Смоленск передал в чеканку 2 тонны серебра для своих денег-гривен и ногат. Наши деньги, не в пример, тем же, Новгородским и Литовским, выходят ровненькие и чёткие –любо-дорого поглядеть! Только наших денег, начеканено на сумму, более миллиона рублей и они гуляют по всей Руси, порой, забредая в Европу.

Сумели изготовить три маленьких пресси, которые теперь применяют только для чеканки монет. С учётом всех необходимых операций вспомогательных работ для чеканки, как-то-плавка, прокат полос, изготовление и ремонт штампов, обслуживание печей и т.д. создали практически небольшой завод, где трудятся 144 работника, а ещё 25 человек служат в охране. Территория завода находится внутри ограждения посёлка, вокруг которого, уже несколько месяцев ведётся строительство крепостной стены.

Открыт 4-й филиал нашего банка в Пронске и 5-й в Коломне. Уже сейчас банки начали давать незначительную прибыль, пока ещё 2% годовых, на лежащие в них наши

деньги, но это только начало. Неделю назад на наш конвой, перевозящий крицы из Оскола в Воронеж, напала банда. В ходе боя, все нападавшие, в количестве 15 человек, уничтожены, но также погибли три наших улана.

Сработала невнимательность и потеря бдительности. А ведь у них имелся автомат и пистолет, применив которые вовремя, можно было бы вообще избежать потерь. Замечены банды западнее Курска и Оскола. Эти ограбленные, во время захвата Киева, селяне, потеряв всё своё имущество, выходят на большую дорогу, чтобы прокормиться. Киев захвачен и предан огню.

Рассказывают, что пожар не позволил монголам поживиться добром киевлян и они ушли оттуда разъярённые. Всё население уничтожено. По княжеству не набрать и третьей части населения. Многие оставшиеся в живых, сейчас мыкаются в поисках хлеба насущного, объединяясь в банды и нападая на уцелевшие деревни. Такая же картина наблюдается в Черниговском княжестве. Мы успели до снега выстроить часть форта «Западный, расположенного у берега Дона, ограничившего полосу посевов с юга. Форт поставили вблизи нашей рыболовецкой артели, создав ей гарантированную защиту от разбойников.

Там разместились два десятка улан и пять гвардейцев, во-

оружённых автоматами. Алёшка создал прокатный стан для кричного железа и теперь мы имеем возможность производить листы и полосы, а из последних, путём продольной сварки, делать трубы. В результате появились змеевики –заменяющие батареи отопления в домах. С весны запланировали начать строительство сельских посёлков, по примеру Маргелово – коттеджи на две семьи с приусадебными участками. Это вызвано необходимостью ухаживать за посевами, сбором и хранением урожая.

Планы на 1241 год.

8 апреля.1241. Понедельник. Вот и прошла зима. Река Воронеж вскрылась, и мы получили возможность спустить на воду новый корабль, получивший наименование крейсер «Русь». Строительство закончилось ещё месяц назад, и корабелы давно вернулись к себе домой, но лёд, никак не желал уходить. Но сегодня этот момент наступил. Спуск назначили на 14 часов, объявив этот день коротким. Большинство населения Воронежа собралось у пристани, откуда все наблюдали за процессом.

Наша часть пристани, была отгорожена от рыночной, забором, с другой стороны которого, собрались жители пригородов, числом около тысячи. Тут же были и торговцы, и покупатели, прибывшие по свободной реке с низовьев Дона.

Верховья ещё не совсем освободились от льда. Я, Теплов, Милица, Терентий, Леонид и Судейкин, которого я привёз вчера на самолёте, а также Забуиров и Иманкулов, прибывшие из Оскола, стояли впереди толпы.

В толпе присутствовали старосты 19-ти, близлежащих деревушек и рыбацких посёлков, а также директор рынка, несколько именитых купцов и капитанов гостивших кораблей. Главный плотник Воронежа, Богун, получив разрешение от нас, велел плотникам выбивать клинья из-под днища корабля. Вот, освобождённый корабль, разгоняясь, достиг воды и, подняв огромную волну, закачался у берега. На его борту находился экипаж, под командованием бывшего сотника, а сейчас капитана Михея.

К кораблю подплыли три наших ладьи и, приняв к себе канаты с корабля, растянули их, держа корабль на месте. Ладьи отбуксировали «Русь» к его месту у причала, им помогали 20 матросов с длинными шестами, направляя 300-тонную махину. Концы были закреплены на кнехтах пристани, якоря сброшены, корабль встал твёрдо. Мы, руководители, приблизилась к кораблю и Милица Путятична, взяв в руки, висевшую на верёвке с кормы корабля, бутылку, отвела её в сторону и швырнула о борт.

Бутылка благополучно разбилась, окропив корабль лит-

ром вина. Затем подошёл отец Никодим и, прочитав молитву, опрыскал корабль святой водой. Судейкин, с высоты причала, обратился к жителям города, через мегафон и поздравил всех с этим знаменательным событием. Затем мы вошли на борт корабля и прошлись по его палубе, заглядывая в двери надстроек – кубриков, кают –компании.

Нас сопровождал Михей в сопровождении двух офицеров корабля. Толпа разглядывала корабль со стороны. Зрелище, для 13 века, являлось грандиозным. Имелись несколько кораблей у венецианцев, длиной в 60 метров, с тремя рядами гребцов, но и они не шли в сравнение с этим гигантом, высота которого, с надстройками достигала 10 метров, при длине в 72 и ширине 20 метров. Днище корабля, до уровня потолка трюма, было обшито железными листами.

Несмотря на свой размер, его осадка была менее полутора метров, поэтому он возвышался над водой на высоту трёхэтажного дома. В 13 часов был назначен торжественный обед в столовой, где расставили столы на всю длину помещений, так что оба этажа могли принять почти 3000 человек. Присутствовало, вместе с приглашёнными, две с половиной тысячи. Такого грандиозного праздника у нас ещё не бывало. Турецкие повара постарались на славу. Столы ломились от обилия блюд.

Было и вино из Грузии и Крыма. Играл ансамбль. Удалось сделать скрипки, гармонь, а свирели и барабаны имелись местные. Во главе стола сидели члены совета, руководители города. Ниже расположились приглашённые. Остальные места не бронировались и люди садились по желанию. Судейкин ещё раз выступил, с поздравлениями и напутствиями, а потом приступили к пиру, который закончился в 18 часов. Очень культурно, дали понять, что хозяева устали и хотят отдохнуть.

Народ разошёлся по своим домам. Все были в восторге и, настолько сытые, что ужин отменили. Желающие могли закусить остатками пиршества, которых осталось ещё много, достаточно, чтобы накормить ещё человек триста. Вечер мы посвятили отдыху, так как выпили прилично и заниматься делами, были не в состоянии.

9 апреля. Вторник. Начался обычный день. Мы собрались в кабинете у Тери и начали совещание. Вначале прошли по внутренним вопросам, о предстоящем себе и посадках овощей. Нам не удалось посеять все зерновые осенью и теперь мы начали обработку земель для посадки яровых культур. За зиму мы выпустили три новых трактора. Один пошлём в Оскол и у них станет два, а у нас пять. В случае чего, мы можем задействовать две САУ. Но трактора нужны ещё, не меньше десятка. Для пахоты, расчистки территорий

и прокладки дорог, в качестве тягачей и др. Но в этом году, мы уже не столь зависимы от обязанностей уборщиков урожая и сеяльщиков.

Народу прибавилось много, и мы можем, не задумываясь, мобилизовать всех военных для похода. Кстати, Судейкин доложил, что два покалеченных ЗИЛ 131, у которых обрелось при переносе в это время, заднюю часть с задним мостом, реанимированы. Запасные колёса были, и их поставили на задние оси, без задней коробки. Машины будут ездить с передним, ведущим мостом. Бензин можно не экономить, а скорость тоже не очень важна. На короткие расстояния сойдёт. Один такой ЗИЛ они пришлют нам к уборочной страде. Леонид доложил, что с марта месяца, наш филиал почти вышел на самоокупаемость и расходы на содержание незначительны.

Милица доложила о рождении в этом году 54 новых граждан. Кстати, у Теплова, в марте родилась девочка от Забавы. У Забуирова и Иманкулова также появились дети в феврале и марте. Им можно было позавидовать – у них были законные жёны, не как у нас – непонятно кто. Очень нам попортила жизнь ханша Боракчин.

Но она действовала из лучших побуждений, поэтому её нельзя винить в этом. Далее мы начали решать – Куда мы об-

ратимся в этом году? Имелись два варианта. Первый – опираясь на помощь Nikeи, помочь ей продолжить объединение Византии в одну империю. На первых порах, подарить императору Иоанну Ватацу, империю Фесаллоники или Эпир. А можно и Кипр или любое другое государство, образованное крестоносцами. Фесаллоники предпочтительней, потому что имеют общую границу с Nikeей. Кроме того, нам известно, что в этом году, Иоанн попытается захватить эту империю, но его поход окажется неудачным.

Мы всего лишь слегка поможем его начинаниям, тем, более, что он уже сам замыслил это дело. К тому же, могущество Фесаллоники совершенно подорвано, и они едва сводят концы. Всё равно империя рухнет через 3-4 года. Второй вариант несколько сложнее. Предполагается отправиться в поход, по реке Дунай и напасть на Чехию или Австрию. Чехия имеет огромные залежи серебра и снабжает всю Европу монетой. Мы можем неплохо пожить на этот счёт. Но имеется опасность очень эффективного сопротивления. Ведь чехи едва не разгромили Батыя и, даже нанесли ему где-то незначительное поражение. А главное –мы будем мешаться под ногами у монголов.

Нам известно, что монголы дойдут до Мейсена в Германии и до Триеста в Италии, победным маршем. Как бы нам не пришлось с ними делиться. Нет желания нападать на пра-

вославные страны – Валахию и Болгарию. А Венгрия, слишком сильна для нас. Опять же, зайдя столь глубоко в Европу, не отрежут ли нам путь к отступлению те же монголы, действующие в Сербии и Болгарии?

Есть хорошая идея – напасть на Австрию и Чехию, после ухода оттуда монголов, в марте следующего года, когда вся Европа будет с содроганием ожидать продолжения монгольского похода во Францию, к последнему морю. Это время самое удобное тем, что все опасные соперники будут разгромлены и деморализованы. Немного подумав, все приняли самое первое предложение, помочь Никее. Ну а дальше начали планировать количество участников и снаряжения.

10 апреля. Среда. Утром я повёз Судейкина в Маргелово на самолёте. После обеда, собрались на совещание. Подняли те же вопросы, что у нас. Большинством голосов, приняли решение идти в Никею. Я, перед ужином, прогулялся по Маргелово. Нахлынули воспоминания, перенос, первые шаги, привыкание. Ошибки и находки. Архитектура Маргелово коренным образом отличалась от нашей. Если у нас, предпочтение отдавалось многоквартирным домам, то здесь, почти все, проживали в коттеджных домиках на две семьи, с приусадебным участком, позволявшим в выходные дни заняться по хозяйству, огородами, домашними животными и т.п.

Я подумал, что нам тоже надо переходить на этот уровень. Сейчас у нас все имеют

квартиру, но это не даёт никакого простора для души, хобби, в конце концов! К сегодняшнему дню, вся территория внутри строящейся стены, заставлена этими домиками. Однако имеется и отрицательная сторона – не компактное расселение, требующее неоправданного удлинение крепостных стен. Если у нас, территория, обнесённая стеной, имеет площадь 10 га, то здесь 51га.

Вот и выходит, что наша стена в длину 1400 метров, а тут 3000 метров. Но это позволяет занять работой людей, так что, имея средства им заплатить, это есть благодеяние. Я попросил Судейкина поделить наше медицинское наследство. До сих пор оно лежало мёртвым грузом. Мы только изредка пользовались антибиотиками и анальгетиками. Три микроскопа, приборы для измерения давления, Стерилизаторы, шприцы, ещё какие-то непонятные аппараты и инструменты, так и лежали не распакованные. Имелись инструкции, но читать их было некогда. Я и Коверда, усевшись на складе, разобрали эту кучу, примерно на 3 части.

Одну часть я забрал себе, а ещё одна предназначалась в Оскол. Я имел в виду, предложить разобратся с этим богатством Алёшке и его друзьям, с моей помощью, в каче-

стве консультанта. Должен заметить, что по приобретению знаний в грамоте, Алёшка накинулся на все книги, какие имелись у меня в наличии, будь то устав караульной службы или учебник химии. Его память была просто безразмерная. Я мог обращаться к нему по любому вопросу, но и он часто задавал мне вопросы, по непонятным для него темам. А у меня были учебники по физике, электротехнике, сопрома-ту, математике и т.д, охватывающие весь курс гражданского института. У него и друзья были такие – 4 парня по 17 лет, будущие академики, как минимум.

Бросалось в глаза, что люди этого времени, имея не засоренные цивилизацией мозги, с ходу ловят всё новое и обучаются в очень короткие сроки, не в пример будущему поколению. Я возлагал большие надежды на Алёшку и его друзей, не позволяя привлекать их к другим работам, кроме конструирования и научных изысканий и вообще, желал довести эту группу человек до 20, устроив КБ. Для этого, преподавательский состав, выискивал наиболее одарённых ребят в среде учащихся. Взял я и чертежи на маленький пресс и гильотинные ножницы.

11 апреля. Четверг. Утром я вылетел в Воронеж с захваченными дарами и имея мешок новеньких монет, почти 40 кг, серебром и медью. Наша задача прояснилась. Осталось подготовиться и, с началом вскрытия Оки, ждать рязан-

скую рать. Приземлившись в 11 часов утра, я отправился в штаб, где передал деньги в казну, а чертежи и два мешка с медицинскими приборами и лекарствами, а также чертежи пресса, отнёс в КБ, где ребята спорили о чём-то. Я передал им чертежи пресса, чтобы они разобрались с ними и определили технологию изготовления, а по медицине –пока лишь разобрать все приборы и сложить по порядку, вместе с инструкциями.

Потом я хотел собрать консилиум, из своих и турецких врачей, которые уже вполне понимали русский язык, и рассмотреть необходимость каждого прибора и инструмента. Между прочим, у меня временами опять начал болеть зуб, который в прошлый раз вылечил волхв в Маргелово. А инструменты для вырывания зубов, я видел мельком у наших специалистов и ужаснулся. Надо сказать, что в этом веке, редко кто мог похвалиться наличием всех зубов. Дурная пища и грязная вода, антисанитария, камни, попадающиеся в пищу, выводили зубы из строя и уже к 30 годам, многие недосчитывались чуть ли не половину их.

Мы приучали на занятиях к гигиене, с первых уроков и наше население, резко отличалось от чужих, чистотой и аккуратностью, а также запахом чистого и ухоженного тела. Оставив ребятам подарки, я поднялся к себе на третий этаж и занялся детьми до обеда. После обеда собрались на совет.

Терентий сообщил, что к поселению, неделю назад, вышли около 100 человек беженцев из Киевского княжества, откуда-то проведав о возможности найти хоть какое-то пропитание для себя и своих детей.

Сейчас их набралось уже до 200 и люди ещё подтягиваются. Милостыней они уже не могут довольствоваться, как бы чего хуже не вышло. Пока они разместились чуть выше по Воронежу, примерно на километр от нас и совсем рядом с рынком. Женщины с детьми наводнили рынок и просят подаяние, а мужчины ищут работу грузчиками или, кем угодно, лишь бы заработать на кусок хлеба. Я предложил Тере, пройти к их поселению и посмотреть, что там происходит.

Тут же и отправились, взяв с собой десяток улан. Уже проходя мимо рынка, мы обратили внимание на женщин с грудными детьми, одетых в ужасающие лохмотья, сидевших с безучастным видом, протягивая руку к проходившим, а другие, наоборот, ходили по рядам, выпрашивая еду у продавцов и хватая покупателей за одежду. Таких, пытались выпроводить с рынка стражники директора, но те, вновь приходили. Мы прошли дальше рынка и через 200 метров уперлись в кучу лачуг, землянок, собранных из прутьев и жердей, накрытых соломой и чем-то ещё. От этого гетто несло жуткой вонью, вся округа была загажена, а по этой земле, бродили дети постарше, босиком и в рванье. Увидев нас, многие на-

чали разбежаться, а часть, сгрудилась и держа в руках дреколь, ожидали нас, явно готовые сражаться.

Я и Теря, приблизились к ним, и я, миролюбиво крикнул – Бог в помощь! Никто не ответил, но выражение их лиц немного смягчилось

. – Кто у вас главный? – громко спросил я.

– А вот он, – указали несколько человек, расступаясь и выталкивая перед собой мужика, одетого более опрятно, к тому же, державшего в руках меч. По виду мужику было лет 40, он был ещё крепок и голод его ещё не коснулся. Росту примерно 1метр 70 см., с бородой, что было естественно.

– Здорово, – сказал я ему, подходя ближе. – Я Фёдор, комендант крепости, живу в городе, а ты кто?

– Я, Ферапонт Микулич, боярин из Черниговского княжества.

– Давай присядем где-нибудь, – предложил я ему.

– Да вот, садись –и он указал на грубо сбитые, стол и скамью. Мы присели и Ферапонт, повёл свой рассказ:

– Побили нас монголы в феврале, а я со своими людьми, не успел к сражению. Отправился обратно, к восточной границе с диким полем, где находился мой удел. Однако, прибыл к кострищу. Пограбили нас союзники монголов, половцы. Захватили полон – больше двухсот человек, мужиков и баб с детьми, а с ними и мою семью угнали. Стал я их настигать и догнал в степи, уже у самого Дона. А было со мной 15 боевых холопов, да 8 воинов, уцелевших после разорения Чернигова. Половцев же, было 35 всадников. Сразились мы в поле чистом и разгромил я их, почти всех побил, но десятков ускакали, с припасами. У самого осталось всего 6 холопов, но полон выручил.

– Были у убитых половцев еда и кони, но на 218 человек, хватило на 3 дня. Неделю шли по берегу Дона, в Пронское княжество, слышали, что там спокойно, никого не встречая. Оборвались и изголодали. Вот, пришли сюда, сам видишь, в каком мы состоянии. -Может быть, поможешь нам едой и повозками, и мы дальше пойдём?

– Почему бы не помочь? –ответил я. – Однако, расскажи, кто с тобой идёт?

– Я уже сказал, что нас 218 человек, примерно поровну девок и парней. Старше 35 лет, я единственный. Слава Богу, жена выжила и младший сын, 14-ти лет, старшие же, три

сына, погибли в бою. Детей 125, но все от 8 до 16, да грудные, кого матери могли нести, а вот те, кому было от 2-х до 7, померли по дороге, ещё до Дона. Так что взрослых, 73 человека.

– Слушай, Ферапонт-сказал я. – А не хочешь ли остаться у меня? Конечно, для боярина, у меня нет роскошных палат, но какую-то должность тебе найдём, а людей поселим у себя и накормим, и оденем. Но все будут работать, или в поле, или у мастеровых помощниками. А что за люди у тебя, по профессии? -

– Все почти, из крестьян- отвечал боярин. – Да немного дворовых. Есть 3 кузнеца, плотники. А где жить будем? -

– Избы, вы сами построите себе, но мы вам поможем. Поделим вас на 2 группы и устроим два больших села, примерно в 10-15 км друг от друга. Стоят там у нас два форта, по-вашему –крепости, будут оборонять наш город от диких наездов. И не бойтесь, крепости сильные, есть где спрятаться. Ну а если надумаете идти дальше, то поможем и едой, и повозками. Так что думай, Ферапонт, а чтобы не пугать людей на торгу, веди всех своих к нашей пристани, там придумаем, во что вас одеть, да чем накормить и поспать тоже найдём. -

Мы подождали пару часов, пока люди Ферапонта сгоняли

всех с рынка и округи. Потом прошли к нашей, промышленной зоне и я указал беженцам место за забором, где им следовало разместиться на сегодня. Послал два десятка парней с двумя повозками, чтобы они привезли сюда палатки и распорядился приготовить еду для всех. Договорились с Феррапонтом, чтобы он следил за порядком, а завтра, определим их на место.

12 апреля. Пятница. День космонавтики. А у нас и телеги без рессор. Всё у нас впереди! После завтрака, занялись с новичками. Взяв с собой Феррапонта, в сопровождении десятка улан, поскакали смотреть места для поселения. Решили ставить два поселения в обеих фортах. Разделим пришлых на 3 группы и поставим палатки, снаружи фортов. Немедленно начнём строить деревни, по примеру Маргелово – 2-х этажные коттеджи, на две семьи. Холостых будем селить по 3-4 человека на квартиру. Каждой семье по 10 соток. Сначала подъехали к форту «Восточный», отметили место для палаток и для строительства. Также поступили и у форта «Западный».

Между фортами почти 15 км. А между фортами и Воронежем 10 -14 км. От Дона, участок для посевов, тянется к востоку на 20 км. Но обработана и засеяна площадь, лишь между фортами, а ещё 7 км на восток, ждёт обработки. С понедельника начнём её вспахивать и засеивать, остальная пло-

щадь занята озимыми, которые уже зеленеют. Поля продлим ещё восточнее, насколько сможем. На краю возведём ещё один форт и поселим рядом людей. В каждом форту поставим мельницы. Указав места Ферапонту, поставили ему задачу, организовать расселение своих людей.

Его самого, с женой и 6 боевых холопов, поместим пока, в форте «Восточный». Боярин ещё не принял решения, оставаться ли ему у нас, или возвращаться в свой удел. А его людям всё равно. Лишь бы было где жить и работать. Таким образом, к форту «Западный», отправились 30 взрослых и 75 детей. Семейных оказалось 21 пара, остальные чужие друг другу, много матерей одиночек и холостых парней. В форт «Восточный», ушли 36 взрослых, с 70 детьми и Ферапонт, с холопами. Семейных пар вышло 25. Оставив Ферапонта организовать поселения, оставили ему 8 подвод для перевозки палаток и своего скарба. Велели прислать людей за котлами, продуктами, кое-какой одеждой и другими необходимыми вещами.

В каждый форт завтра будут посланы по 10 строителей и по 20 помощников, чтобы немедленно начинать строительство изб, как положено- с печами, надворными постройками и т.д. Вещи складировать в фортах. Ферапонта пригласили на завтра, к 15 часам на совещание, предварительно составив список необходимых для строительства и проживания,

вещей. Мы вернулись в город и отправились на обед, после чего собрались на совещание в 16 часов, перед этим проведя занятия с педагогами. Посчитали необходимым строительства нового форта, на самой восточной границе посевов. Устроить там поселение из наших горожан. Село на 50-60 человек.

Закончить вспашку целины, до 15 мая и засеять яровыми. Быстрее вспахать не успевали. Будем сеять по готовому. Всё-таки нам надо было поднять более 5000 гектаров. Как-то получится собрать? Без зерноуборочных комбайнов очень трудно будет. По остальным пунктам, всё движется своим путём. Слава Богу, всех наших жителей обеспечили жильём, хотя 980 молодых семей, проживают в малосемейных общестиях. Мы имеем фору в 8-9 месяцев, пока у них появятся дети. Может быть, успеем за это время расселить хотя бы половину.

13 апреля. Суббота. Сегодня короткий день. После обеда собрались у Тери в кабинете. Прибыл и Ферапонт. Ему всё было интересно, он просто диву давался, но старался не показывать виду. И само здание штаба, и обстановка кабинета, были для него неожиданностью, невиданным и неслыханным чудом. Сразу же взялись за него. Он доложил, что все беженцы расселены по палаткам, назначены дежурные, повара,

пастухи для коней. С утра прибыли строители и начали разметку территории, одновременно с началом строительства первых домов.

Все свободные пришельцы помогают, по мере сил. Копают траншеи под фундаменты, возят брёвна из склада и т.д. Ферапонт представил нам список необходимого. Мы рассмотрели и посчитали, что всё это вполне возможно передать приедем. Ферапонту поручили провести перепись населения, с указанием возраста, профессии, семейного положения. Провести опрос, уточнив, кто хочет вернуться обратно, а кто остаться или переселиться в другое место. Обязали, назначить несколько человек косарями, для сбора сена лошадям. Каждому взрослому беженцу положили выплатить по 2 рубля подъёмных и тут же передали эти деньги Ферапонту. Ошеломлённый такими поворотами жизни и скоростью выполнения наших постановлений, Ферапонт отбыл к своим землякам.

Часть 4.

Поход на Латинскую империю.

23 мая. 1241 года. Четверг. Эта посевная кампания оказалась тяжелейшей. Сеятели наступали на пятки пахарям. С громадными усилиями распахали 6 тысяч гектаров для зер-

новых и всего 2000 гектаров под картофель. Удалось высадить 600 тонн зерна и 6000 тонн картошки. Почти 500 тонн картошки и 100 тонн пшеницы раздали местным фермерам. А 2 тысячи тонн картошки продали до 15 мая, выручив 150 тысяч рублей. Секрет посадки картофеля поведали только местным. Однако, этот секрет всё равно проживёт года два, не больше.

Нам бы, как можно дольше, сохранить секрет нашей пшеницы. Для посевов пришлось мобилизовать всех жителей Воронежа, включая женщин и подростков. Три тысячи человек разбили на пары, один копал, другой кидал картофелину. На каждую пару пришлось по 4 тонны, которые посадили за 30 дней. Сеяли зерно тоже сотнями, перенимая опыт у старших. Эта битва продолжалась полтора месяца. А ведь ещё сажали тыкву, подсолнух, кукурузу и т.д.

Так что наши надежды на не привлечение военных к севу, не оправдались. Поэтому и поход не состоялся в планируемое время. Однако результаты впечатляли. Вместе с озимыми, было посеяно зерна на площади в 100 кв.км., полосой 12 км на 8 с половиной. А картошка на 2000 га, или 20 кв.км. А всего вышло более 120 кв.км. Весь тыл посевов, охранялся тремя фортами по всей длине пашни. Вокруг каждого форта разместилось по селу, с общим населением 140 взрослых и 165 детей. Голова кружилась от переживаний – как будем

собрать урожай?

Маргеловцам было гораздо проще, у них имелось всего 450 гектаров, которые они обслужили в то же время, что и мы. Сейчас из Маргелова уже следовала небольшая армия, для участия в походе на Византию. Сегодня, для их встречи в Данкове, отправлен наш крейсер «Русь». Мы сегодня решали свои проблемы и подводили итоги посевной компании. Выстроен третий форт, замыкающий линию охраны посевных площадей. Его называли «Крайний». От западного форта до восточного -12 км и от восточного до крайнего -8 км, а всего 20 км. Ширина полосы, предназначенной для посевов - 20 км на 10 км, но освоено пока, чуть больше половины.

К следующей весне, планируем довести парк тракторов до 15 единиц, что позволит нам распахать наши 120 кв.км за 3-4 недели, не привлекая лошадей. К весне, дали задание КБ Алёшки, разработать посевную технику. Кстати, по моей рекомендации, его назначили начальником КБ, а звать его стали Алексеем Владимировичем, так как его отца, звали Вальдяс, то, по аналогии, выбрали наиболее подходящую замену. Хотя он не совсем был доволен этим отчеством.

Нашего покровительства и защиты попросили 14 эрзянских деревень, где-то 132 хозяйства, которым мы предложили ставить свои сёла вблизи наших фортов, в поле, оставив

свои деревушки в лесах. Мы обещали им полную защиту. Прибывшим с Ферапонтом, людям, построили коттеджные посёлки, в которых они в большинстве разместились в палатках, но к снегу, все они переберутся в избы, так обещает главный прораб Килибака. В Осколе поставили вторую домну и количество производимого железа, достигло 12 пудов в день. Но Маргелово, едва успевало переплавить в сталь 2 пуда в день, которую мы продавали по цене 5 рублей за кг.

И за такую цену с руками вырывали. Говорят, в Европе в несколько раз дороже берут. Вот сплаваем туда и уточним. Ковров у нас выпускается по 20 штук в месяц, да ткани 40 метров в день. Так что, только железо и сталь, вместе, дают нам 9000 рублей в месяц. Банк начислил на наши вклады полпроцента прибыли за прошедшие полгода, что дало 50 тысяч рублей. Встаём на ноги! Новости из Европы приходят интересные.

Монголы захватили и разграбили Сандомир и Краков, не считая мелких городов,

продвигаются по Польше, сея смерть и разрушения. С ними идут полки князя Владимирского, Ярослава, а также войска некоторых других князей – Полоцкого, Галицкого. Приняли условия монголов и платят дань, князя Болховские, Новгород великий с Псковом, Смоленск. Все они избежали разграбления и уберегли своих людей. Но дань платить надо,

и она приличная. Особенно тяжело отдавать каждого десятого парня в армию монголов, где они практически все погибают, в течении года или двух, как повезёт.

26 мая. Воскресенье. Прибыл крейсер «Русь» с Маргеловцами. На этот раз тотальной мобилизации не объявляли. В поход отправились 400 дружинников, мы их называли теперь драгунами. Обычно они являлись кавалеристами, но сейчас с собой прихватили только сотню коней. В каждой роте, имелся взвод, вооружённый автоматами и взвод, с новыми, гладкоствольными ружьями, остальные 2 взвода по 25 человек, имели обычное вооружение. Офицерская сотня, вооружённая автоматами полностью.

Двести новых юнкеров с карабинами и обслуживающий персонал из 50 человек. Итого 750 человек. Все высадились и расположились лагерем в городе, прямо на плацу и стадионе, где они разбили палатки. От нас выставлялись офицерская рота в 100 человек, 50 юнкеров нового набора и, к ним 100 матросов. Они все будут заниматься обслуживанием кораблей, а также 200 драгун. Всего 450 человек

Теплов оставался в Воронеже, Забуиров в Осколе, Виноградов с Ковердой в Маргелово. Ещё прибыли 250 дружинников из Рязани, подчинявшиеся нашему полку и 150 из Пронска. Итого выступало в поход 1600 человек. Казаки обе-

щали выставить 400. На время похода, в филиалах оставалось вполне достаточно людей, чтобы суметь защититься от любого противника. Выход назначили на завтра. Как и в прошлый поход, как раз 2000 воинов.

27 мая. Понедельник. Отплыли в 11 часов утра, всеми тремя кораблями. Лидер – крейсер «Русь», а за ним фрегат «Воронеж» и корвет «Ока». Поход начался!

3 июня. Понедельник. В 12 часов дня мы вошли в порт Константинополя, прямо в гавань Золотой Рог, вызвав жуткий переполох на стенах и в порту. Однако, суматоха улеглась, после опознания нашего Андреевского флага. Мы причалили к, так называемым, Красным воротам, рядом с Акрополем, где мы располагались в прошлый раз. Вскоре, через ворота в нашу сторону, направился отряд солдат. Мы все, пока что, не предпринимали никаких действий, ожидая первых шагов от Византийцев.

С крейсера скинули сходни и отряд взошёл на борт корабля. Перед Византийцами стояли Судейкин, я, Иманкулов, Марченко и переводчик. От отряда вышел богато одетый человек и представился – Михаил Деметриос, турмарш береговой охраны. Ему представился Судейкин. Михаил приветствовал нас и пригласил командиров к епарху Константинополя Никифору Василяки. Услышав знакомое имя, мы все улыбнулись.

Судейкин взял с собой 10 офицеров гвардии с автоматами, переводчика и атамана казаков Степана Кочебора, отправился с византийцами во дворец епарха. Мы же, приступили к обеду. Судейкин вернулся в 9 часов вечера, изрядно выпивши, как и Кочебор. Мы не стали его расспрашивать и отложили дело до утра. Многие спали на пристани, спасаясь от жары. Было не менее 30 градусов и только ветерок с моря, несколько остужал нагретые тела. Около нашей стоянки разлеглись на деревянных покрытиях до 1000 человек.

4 июня. Вторник. После завтрака, Судейкин собрал всех командиров в кают-компанию и рассказал о вчерашнем приеме у Василаки. Епарх встретил нас с уважением и, как близких друзей. Как раз мы попали к обеду. На обеде присутствовали много важных сановников города, а также стратопедарх империи Алексей Аристид – министр обороны, прибывший по причине нашего визита.

Пока длился обед, никаких бесед на важные темы не вели. Пили здоровье императора и его жены, здоровье Рязанского князя и Судейкина. Осведомлялись о взаимном здоровье и планах на урожай. Только в 19 часов уединились с епархом, стратопедархом и ещё десятком военачальников в отдельном кабинете. Судейкина спросили о цели визита, и он ответил, что хочет помочь императору овладеть Фессалониками.

На это ему сообщили, что как раз, в это время, император с армией, стоит под их стенами уже месяц и готовится к решительному штурму. Армия императора, в количестве 21 тысячи ромеев, 7 тысяч половцев и 2 тысячи турок, не нуждается в помощи и в силах, справиться самостоятельно. Но византийцы чрезвычайно признательны русским за их желание помочь, однако, вынуждены отклонить наше предложение. Далее Судейкин предложил всем высказываться.

– О чём говорить! – громко заявил Марченко. – Ну и пусть Император штурмует Фессалоники. Мы то знаем, что он уйдёт оттуда не солоно хлебавши. Давайте нападём на остров Родос или, даже на Крит!

– Подождите-, сказал Судейкин. – Давайте глянем на карту. Мы расстелили карту Греции на столе. Самым ближайшим владением латинян, значился остров Негропонте или Эвбея, примыкавший к Ахейскому Герцогству.

– Давайте начнём с него -предложил Судейкин. Всем было безразлично с чего начинать. Эвбея, так Эвбея. Судейкин сказал, что он сейчас пойдёт к епарху и расспросит его о ситуации вокруг острова. Кроме того, нам надо взять с собой хотя бы сотню греков, чтобы расположить местное население к себе, а не выглядеть очередными оккупантами. Мы со-

гласились и Судейкин, взяв с собой пять драгун, отправился к эпарху. В это время к причалу прибыли несколько повозок, везущих нам еду на всех. Префект города побеспокоился, как бы тысяча диких русских, не начала грабить город.

Мы не протестовали и с удовольствием приняли подарок. Греки привезли 4 туши жареных быков, хлеб, вино, масло, зелень и ещё какие-то блюда. Пользуясь теплом, мы поставили столы прямо на причале у кораблей. Вынесли скамейки, тарелки и т.д. Почти все, кроме вахтенных, сошли на берег и начали пировать, под взглядами воинов, стоящих на стенах и матросов соседних кораблей. Мы очень строго следили за дисциплиной, не позволяя нашим военным совершать что-то неприличное. Выход в город мы не разрешали. Судейкин вернулся в 18 часов. Опять собрались в кают-компаниии.

Судейкин: – Я посетил эпарха и тот, услышав моё предложение, вызвал стратопедарха. Пришлось ждать, пока тот пообедает, заодно и мы поели, а в 4 часа дня начали совещание. Стратопедарх предостерёг нас, сообщив, что на острове, который сейчас принадлежит венецианцам, располагаются крупные их силы. Кроме того, остров имеет связь непосредственно с Ахейским герцогством, откуда может получать помощь по мосту, соединяющего остров с материком.

В портах острова стоят несколько военных кораблей. Ост-

ров играет роль опорного пункта Венеции, а также базой торгового флота. Политическая система острова представляет собой союз владельцев шести, отдельных частей острова. Это Марино далле Карчери и Оттон де Сикон, в северной части острова, со столицей в Ореи, Гульельмо и Альберто де Верона, братья, владеющие центральной частью острова, Маргарита де' Пекорари, её муж Марино и их сын Нарцотто далле Карчери, со столицей в Каристо. Все они являются выходцами из Ломбардии и родственниками.

Самый главный город острова Халкида, имеющий сильную крепость и многочисленный гарнизон. Желательно, предварительно овладеть островом Скирос, лежащим напротив Эвбеи и также принадлежащем Венеции. Выслушав все интересующие меня подробности, я попросил послать с нами сотню никейцев, для представительства и установления власти на острове. Эта просьба понравилась епарху, и он обещал завтра, до обеда, прислать людей и нового правителя Скироса.

5 июня. Среда. Около 14 часов, из ворот вышел отряд никейцев. Подойдя к кораблям, они остановились и к нам вышли три человека, один гражданский и два военных. Гражданский представился: – Я спафарий Фёдор Фил, буду представлять власть императора на острове Скирос, а это кентархи (сотники) Мануил и Мефодий. Вам дают две сотни

вместо одной.

– Прекрасно, отметил Судейкин. – Прошу на корабль, мы немедленно отплываем. Греки зашли на корабль и их распределили по каютам. Подняли сигнал на мачте флагмана, и мы начали отплывать от пристани, погрузив на борт свои столы, скамейки и остатки сегодняшнего обеда. Через полчаса мы вошли в Мраморное море. Маршрут похода несколько изменился. Судейкин пригласил Фёдора Фила, его сотников и нас в кают-компанию. Разговор пошёл о Скиросе.

В настоящее время Скиросом, а также десятком островов помельче, в близком соседстве, владеет семейство ломбардцев Гизи, Андреа и Иеремии. На Скиросе имеются залежи железной руды, серебра и золота, последние, значительно оскудели, но не до конца. Кое-что ещё добывается и есть возможность, захватить некоторое количество драгоценных металлов, которые отправляют на Эвбею раз в месяц. На острове стоит крепость Кастро, построенная много лет назад, расположенная рядом с самым большим населённым пунктом, одноимённым острову.

Захват острова Скирос.

6 июня. Четверг. В 19 часов на горизонте показался остров Скирос. Уже почти 5 часов мы плыли по морю, контро-

лируемому в этой части, Венецией. Несколько раз замечали венецианские галеры, но те, немедленно отклонялись с нашего маршрута, избегая встречи. Возможно, они были в курсе принадлежности флага к кораблям, разгромившим их всего год назад. Никейцы подсказали курс, и вот мы входим в главную гавань Скироса. Две галеры, находившиеся здесь, только что прыснули в разные стороны, оставив пустую пристань, где качались на воде с десятков рыбацких лодочек. Мы причалили к пристани и начали крепить корабли к причалу.

У причала располагалась таможня, сторожевой пост в укрепленном каменном здании, окруженном стеной высотой в 3 метра и площадью в 1 гектар. Было видно, что торговцы, хватая свои товары, рассовывают их в мешки и удирают на гору, в направлении, стоявшей на самом верху, крепости и городу, начинавшемуся в 100 метрах от моря на ровном месте, а дальше, круто забиравшем вверх, на высоту метров в 70-80. Стражники, числом 30-40 человек, сначала закрыли ворота своей крепостицы, но осознав своё безвыходное положение, вновь отворили ворота и помчались в гору, к крепости. Жильцы ближних домов, также выбегали из домов и, в панике, собирали свои самые ценные вещи и устремлялись к крепости.

Мы, не спеша, начали выгружаться. Время подходило к 9 часам вечера, но было ещё относительно светло. Первыми

выгрузились две сотни драгун и начали прочёсывать торг, крепостицу, таможню, но не подходя к жилым домам. Сразу же за ними, вышли никейцы. Таможню, укрепление и здания непосредственно торга, заняли юнкера и офицеры. Выгоняли из трюма застоявшихся лошадей, тащили палатки и сразу начали их разбивать. Никейцам предложили занять укрепление. Они сразу же прикрепили на самый верх здания свой флаг. Но его уже было не распознать. Городишко насчитывал не более 80 домов. Выкатив 3 САУ, выставили их в направлении крепости. Расставили часовых на всех опасных направлениях. Половина состава осталась на кораблях.

Каждые 3-4 минуты включали прожектор и пробегали его лучом по городу. До крепости было около полукилометра. Было видно, что там жгут факелы, кто-то бегают по стенам. По сути, нам нечего было бояться. Гарнизон крепости не превышал 200 человек. На противоположном берегу острова находился ещё городок и крепость,

примерно такого же размера. А на всём острове, жило, от силы, полторы тысячи человек.

7 июня. Пятница. Поднялись в 6 часов утра. Солнце уже освещало флаг на башне укрепления. Мы начали приводить себя в порядок. На кораблях задымились трубы в камбузах, готовился завтрак. Без сомнения, гонцы из крепости уже добежали до другого берега и оповестили крепость Линарию.

Да и галеры уже наверняка разнесли весть о нашем прибытии на Эвбее. Заметив, что мы поднялись, из крепости вышли несколько человек с белым флагом и направились к нам. Мы предоставили право переговоров Фёдору Филу. Ещё вчера мы подготовили ему текст речи.

Он примерно, должен был сообщить местным властям о том, что остров больше не принадлежит семейству Гизи и их просят удалиться, захватив с собой всё, что представляет для них какую-то ценность. В противном случае, их отсюда вышвырнут, но уже голыми. По предварительному соглашению, вся добыча, должна была достаться нам. Как стало известно, владелица острова, находилась в крепости. Мы пока ничего не предпринимали, ожидая, какие меры предпримут венецианцы на Эвбее. Решили дать им три дня на раздумье, всё-таки до Эвбеи не близко.

Видя, что мы не пытаемся грабить жителей, те выходили из крепости и проникали в свои дома, чтобы забрать что-то забытое и уходили вдаль, подальше от греха. Однако, все товары на торге, мы конфисковали, как и найденные деньги в таможне и на посту. Добыча оказалась незначительной и не мудрено, что возмёшь с этой деревни? Некоторые жители вернулись домой и кое кто, даже подходил к нам и вёл разговоры с никейцами, которые обещали их не трогать, так как теперь они станут гражданами Византии. Защитники крепо-

сти не предпринимали никаких шагов. Однако, наши кавалеристы окружили крепость, перекрыв все пути сообщения. Люди купались в заливе, ловили рыбу.

10 июня. Понедельник. В 8 часов 30 минут показались паруса с южной стороны острова. Была объявлена общая тревога. Уже, на этот случай, все имели подробные инструкции. В обе стороны от пристани, вдоль берега, расположились по роте стрелков офицерских рот. На север оцетинилась БМД, а на юг БРДМ. В сторону крепости целились три САУ и два пулемёта. Между ними стояли две сотни драгун с ружьями и арбалетами. На кораблях, кочегары подкидывали брикеты в топки. Первыми начали десантники Венецианцев, пришедшие со стороны Линарии.

Наши кавалеристы, заметив их, ускакали к противоположной стороне горы. Венецианцы, силами до 5 сотен, наступали, огибая крепость с двух сторон и к ним на помощь, выходила ещё одна сотня из крепости. Они начали выстраиваться в три колонны, чтобы начать атаку с горы вниз. В это же время, с южной стороны острова, вдоль берега, показалась колонна конных рыцарей, человек 30, сопровождаемых двумя сотнями конных латников. С горы было прекрасно видно, как обе стороны готовятся к бою. Но враги выжидали, когда в гавань войдут галеры. Галер оказалось 12. Они шли развёрнутым строем, сходясь к нашим кораблям. Когда

расстояние до галер достигло 4-х кабельтовых, пешие венецианцы, разом кинулись в атаку.

Их встретили дружным огнём пулемётов и автоматов, а затем арбалетов и ружей. Пушки САУ выстрелили несколько раз, скорее для устрашения, поскольку снаряды были бронебойные. Расстояние в 200 метров, с которого мы начали стрелять, никто не смог преодолеть, ни конные, ни пешие. Никто ничего и не понял. Правда, из чувства сострадания, через минуту, после начала стрельбы, был отдан приказ – Прекратить огонь! Фактически, на каждого стрелка вышло по 2-3 противника, которых моментально уложили. Всего около 30 всадников, вздыбив своих коней, разворачивались и скакали назад, не веря самим себе, в том, что остались живы.

А в трёх колоннах, наступающих сверху, навстречу стрелкам спускались человек сорок, уже бросивших оружие и идущие сдаваться, понимая, что бежать назад, бессмысленно. Зато все три САУ, взревев моторами, помчались к крепости, стреляя на ходу из пулемётов, разгоняя охрану, пытавшуюся закрыть ворота. Следом скакала сотня казаков. На море происходило следующее – 12 галер шли веером, смыкаясь к центру и беря, три наши корабля в клещи.

Но с 400 метров, по ним открыли огонь из пушек, метя в

нос кораблей и по мачтам. При скорости галер в 12 км в час, что равнялось 200 метрам в минуту, за эту самую минуту, 6 пушек произвели по 5 выстрелов, понаделав дыр в кораблях и свалив мачты. А с 200 метров открыли огонь пулемёты, в том числе, 2 крупнокалиберных. К причалу подошли уже развалины кораблей, потерявшие управление и полужатонувшие, чтобы тут же врезаться в берег и остановиться, сев на мель.

От удара, с палуб, в воду и на пляж, посыпались живые и мёртвые члены команды, которых уже ожидали на берегу 500 драгун, целившихся в них из ружей и арбалетов. Живыми с земли и из воды, поднялись, по крайней мере, человек 300, но в каком состоянии! Потерявшие оружие, ошеломлённые, оглушённые и деморализованные. Однако, 4 галеры, всё-таки, врезались в «Русь» и «Оку», но уже потеряв скорость и встреченные шестью, отведшими нос галер чуть в сторону, вдоль бортов и они проплыли дальше, по инерции, ломая свои вёсла и калеча гребцов.

САУ, ворвавшиеся в крепость, остановились в воротах, расстреливая подбегающих воинов, а в это время, в крепость ворвались казаки, коля пиками и рубя мечами, разбегающихся в стороны защитников крепости. Примерно 30 из них, забежали в стоявшую посередине крепости, башню и закрылись там, стреляя из амбразур стрелами. Едва несколько ка-

заков были ранены, командующий этой группой, Марченко, приказал всем отойти подальше от башни. Доспехи спасли казаков, раны были не смертельные.

Стрелки начали обстреливать амбразуры, поражая защитников и те, были вынуждены отойти вглубь помещений. САУ выстрелила по амбразурам и оттуда повалил дым. Открылась дверь и из неё вышли последние воины, махая белой тряпкой. Отобрав оружие у последних защитников, им связали руки и погнали вниз, к порту.

Пытавшихся ускакать латников, застрелили в спину. Разгром получился полный. Всех выживших, загнали на территорию укрепления перед городом. Они едва уместились на этом кусочке земли. Казаки ходили между лежащими венецианцами, добивая раненых и обыскивая всех подряд. Судейкин разрешил казакам, всё найденное у убитых, оставлять себе. Из крепости привели жену Иеремии Гизи, пожилую властную женщину, лет 48. Среди пленных, оказался и брат Гизи, Андреа, властитель островов Тинос и Миконос. Стали считать потери. У нас были ранены 4 казака, достаточно легко. Им перевязали раны, и они вновь встали в строй.

Пока казаки делили свою добычу, корабли «Воронеж» и «Ока», взяли на борт обеих Гизи и отправились на другую сторону острова, к крепости Линария, чтобы заставить

остатки гарнизона сдать. Отобрав из числа пленных 100 человек, заставили их стаскивать трупы убитых к подножию горы, чтобы похоронить их там. Доспехи с убитых снимали, а живые разделись самостоятельно. Всё оружие складывали в кучу.

Кроме пленных воинов, имелись более 400 выживших гребцов, из которых не менее половины, являлись наёмными и, во время абордажа, могли участвовать в сражении, ну и 180 человек, оказались рабами, их не стали загонять в укрепление, а оставили снаружи, сняв с них оковы. До самого вечера, с перерывом на обед, занимались уборкой поля битвы, собирательством трофеев, обыском крепости и т.п.

Как стало известно позже, Гизи, уговорили гарнизон Линарии, сложить оружие и сдать крепость. Их там оказалось всего 4 рыцаря и 34 наёмника. Рыцарей не стали раздевать и оставили им вооружение, а их слуг разоружили. Крепость основательно прошерстили, забрав всё ценное. Ночь провели в повышенной бдительности, выставив усиленные караулы.

11 июня. Вторник. С утра продолжили работу, по изыманию ценностей и погребению убитых. Пленные выкопали один большой ров, куда сложили рядами 920 убитых, а отдельно от них 30 рыцарей. Живых осталось 820 человек, не

считая гарнизона

Линарии, оговоривших себе свободу, в обмен на сдачу крепости. В городе оказались несколько монахов, проводивших отпевание покойников. Гарнизон Линарии, к обеду отплыл на Эвбею, используя одну из торговых галер, стоящих в гавани. Там же были арестованы ещё две торговые венецианские галеры.

Всё находившееся у них имущество, было отобрано, а их самих отпустили, не став отбирать галеры, но заставив освободить 36 русских рабов, из гребцов. Nikeйцы, захватили власть и распределились по острову. Одна кентурия оставалась в Линарии, а другая в Скиросе. Фёдор Фил занял себе место в таможне, которая служила и префектурой острова. Жители вернулись в Скирос, неся на себе имущество и занялись повседневными заботами, отметив освобождение острова праздничными гуляниями.

Мы же задержались ещё на одну ночь. Нужно было решить судьбу пленников, Фёдор Фил оставил их на острове, обещая вернуть их венецианцам за выкуп. Кстати, среди пленных, многие оказались арнаутами и далматинцами. Собственно, венецианцев, насчиталось всего 388 человек. Мы пообещали вернуться на остров, чтобы получить свою долю за продажу пленных и остались ночевать на ещё одну ночь.

Попытка захвата Эвбеи.

12 июня. Среда. В 9 часов отплыли на Эвбею. До неё было менее 30 км, которые мы одолели за 2 часа. С нами отправили одну контурбернарию никейцев (20 человек), под командованием комита Иосифа. По пути считали хабар. Нам досталось одних наличных денег 6570 дукатов, да полмешка серебряных денег, что не так уж много. Зато почти 2 тысячи комплектов доспехов, среди которых 30 самого высшего класса, примерно 360 вполне хороших, а остальные только одно название, но тем не менее. Из 300 захваченных коней, везли с собой 150. У хозяйки острова забрали шкатулку с драгоценностями – несколько ожерелий, браслетов и колец, все с драгоценными камнями. Мы уже немного понимали в их стоимости и на первый взгляд, стоимость их всех, тянула на 40-50 тысяч дукатов. Нашли, кроме этого, 5 слитков золота по 12 кг и серебра -22 слитка, тоже по 12 кг.

А ещё, очень важным трофеем, являлись добытые за полгода, золото и серебросодержащие руды. Золотой руды 220 кг, серебряной 450. По виду, содержание металла в руде едва ли было выше 25 %, но и это было совсем не плохо. Так что добыча была серьёзная, уже окупающая наш поход. Все 6570 дукатов подлежали раздаче участникам похода, о чём мы и сообщили народу. Итак, в 11 часов утра мы вошли в гавань

деревни Ореи, на севере острова. К ней мы пробирались через узкий пролив, шириной 4-6 км, отделяющий Эвбею от материка. В гавани никого не было.

Только несколько, сиротливо лежащих на песке, рыбацких лодок. Видимо, оповещённые о нашем приходе, жители и гости, разбежались. Территория, лежащая перед гаванью, представляла собой ровную площадку, с немногими холмами, высотой в 10-15 метров. Как раз, за деревней, на подобном холме, стоял замок владельцев этой части острова, братьев Риккардо и Марино далле Карчери.

Замок с каменными стенами, высотой по 8 метров, занимал территорию в 2 гектара и, для обычных войск, был бы, практически неприступен. Но не для нас. Защитники замка затаились и не показывались, прячась за зубцами башен. По словам Андреа Гизи, гарнизон крепости состоял из 3 рыцарей и 50 легковооружённых слуг. Сама деревня насчитывала 44 дома и два общественных здания, префектура и полиция. Никейская кентурберия захватила оба здания. На флагштоке взвился флаг Византии, так его называли мы, но по факту, Никейский.

Людей в деревне не было, все убежали, кроме десятка стариков. Мы дома не трогали, а начали высадку. В первую очередь выпустили коней. С античных времён, эта часть острова

слыла чрезвычайно плодородной, богатой виноградниками, оливами и финиками. Вывели из трюма БМД и одну САУ. Мы не стали предъявлять ультиматум и сразу же начали подтягиваться к крепости. Крепость имела всего одни ворота, которые были заперты, а мост через ров поднят. Ров был сухой, два метра глубины и три, ширины. На стенах и 4-х башнях, расставленных на углах стен, по периметру, появились вооружённые солдаты.

Какой-то рыцарь, отдавал приказания, разглядывая нас с надвратной перемычки. Почти все солдаты имели кирасы поверх кольчуг, хорошие шлемы и щиты. Крепость окружили со всех сторон, чтобы никто не проскочил. Со стороны ворот подъехал БМД и остановился в сотне метров от них. За ним, в полусотне метров, выстроились в несколько шеренг 200 драгун и взвод молодых юнкеров с карабинами. День был солнечный, светлый и видимость прекрасная. Мы постояли в неподвижности 15 минут, ожидая действий противника, но они лишь только скопились над входом и выставили вперёд арбалеты. Наконец кто-то не выдержал и выстрелил из арбалета в БМД.

Болт отскочил от брони, упав на землю. Это стало для нас сигналом. Юнкерам велели начать отстрел защитников, без спешки и целясь наверняка, пока, по 3 патрона. Рыцаря не трогать. Раздались выстрелы и окружающие командовавшие-

го обороной, арбалетчики, повалились, кто на стену, а кто, со стены. Одновременно, пушка БМД послала 3 снаряда в ворота, которые сбили засовы, разбив центр ворот вдребезги. Кроме этого, миномёты выпустили 4 мины за ограду и те взорвались среди помещений. Мы опять застыли в ожидании. Как раз, со стены замахали белым флагом. Разбитые ворота отворились, мост опустился на ров и из крепости появился рыцарь в сопровождении десятка копейщиков. Никто из нас не пошевелился.

Группа приблизилась к сидящему на коне Судейкину, вокруг которого сгрудились 10 казаков с Кочебором. Я, в это время, командовал восточной колонной. Произошло представление переговаривающихся сторон, затем разговор, относительно условий сдачи крепости. Условия были следующие – полное разоружение гарнизона, кроме рыцарей, сдача крепости и всех ценностей. Владельцев области отвезут на Скирос, где те пробудут до поступления выкупа за них и будут отпущены.

Рыцари должны поклясться, что не будут больше воевать против нас и могут сию же минуту, быть свободными. Предложения были приняты. Началась передача крепости и сдача гарнизона. Три рыцаря из крепости, оседлав коней, в окружении 9 оруженосцев, ускакали на юг. Их не обыскивали и не задерживали. Гарнизон понёс потери –12 человек убиты-

ми и 5 ранеными. Убитых предали земле, а раненых и живых пленных, оставили в крепости, под надзором никейцев, оставшихся здесь.

Братья далле Карчери, должны были отправиться с нами. Из крепости вынесли 2350 дукатов и полмешка серебра и медяков. Подоспел обед и поев, мы продолжили работу. Всем участникам раздали по 4 дуката, не зависимо от звания, нам в том числе. 920 дукатов, оставшихся от всей суммы, поделили на 4 части. 3 части взяли мы, а четвёртую часть, 230 дукатов выдали командирам казаков, рязанцев и пронских дружинников. Всё остальное, оставили на потом. До вечера сортировали добычу, а потом легли спать на месте.

13 июня. Четверг. В 11 часов снялись с якоря и обогнув остров со стороны моря, пошли на юг, к деревне Каристо, столице южной провинции. Расстояние в 170 км преодолели за 10 часов. В 9 вечера вошли в громадную гавань, размерами 8x8 км, уже темнело, но было видно, что справа высятся настоящие горы, уходящие в глубь острова. Деревня располагалась на относительно ровной поверхности, полого поднимающейся к северу. Деревня была не велика, примерно 70 домов, с непременно зданием префектуры и полиции. Замок, стоящий в 200 метрах от моря.

Нас никто не встречал. Солдаты ушли, вместе с правите-

лем провинции, а в деревне остались на свой страх и риск около половины жителей. Мы пришвартовались и начали высаживаться. Лошадей выпустили пастись, во все стороны от деревни расставили караулы. В крепость послали сотню казаков и десяток драгун, а префектуру занял пентарх (командир 5 человек), Василий, отправленный с нами от двадцатки, комита Иосифа. Мы, после короткого ознакомления с округой и убедившись, что нам никто не угрожает, завалились спать.

14 июня. Пятница. Встали в 6 часов. Позавтракали. Судейкин, я и остальные лейтенанты, не смогли удержаться и полезли в воду купаться. Красота вокруг была неопишуемая. Чистейшая, тёплая вода и песчаный пляж. Целый час плавали, заплывая на 100 метров вглубь. За нами наблюдали наши воины. Подавляющее большинство тогдашних жителей не умели плавать, даже рыбаки и матросы. Люди боялись русалок и

других водных жителей. Ходили легенды о морских змеях и других чудовищах. Но по нашему примеру, многие солдаты, всё-таки поплескались на мелководье. Мы оделись и приступили к действиям. Было недостаточным взять крепость, надо было её ещё и удержать. Пять никейцев, вряд ли смогли защитить крепость, но мы поручили им создать отряд самообороны, из числа местных жителей, выбрать префекта, замов и т.д.

Оружие и доспехи имелись, но, глядя на местных парней, мобилизованных в отряд милиции, было ясно, что они разбегутся при появлении настоящих военных. Пентарх Василий, отказывался оставаться здесь, боясь возвращения хозяев и мы его понимали. После тщательных поисков, никаких ценностей не было обнаружено. Одни лишь казаки были довольны, они волокли на корабль всё, что попало им под руку – ковры, медные кувшины и миски, ложки и топоры, вилы, косы, хомуты и подковы, бочонки с оливковым маслом и зерно в мешках. Им всё может сгодиться в хозяйстве.

Слава Богу, вместимость кораблей позволяла нагрузить его этим барахлом. Мы собрались на совет. Что толку, что мы захватили две части острова. Они нам не нужны. Следующий пункт – главный город Эвбеи –Халкида, тесно примыкающий к Афинскому герцогству, имел более значительные укрепления и наверняка большое войско. Нам придётся оставить остров и возвращаться к императору, чтобы решить эту проблему. Без его участия, остров нам не удержать.

Весь этот день мы ждали, пока никейцы организуют местное самоуправление и вновь остались ночевать. Перед ужином мы купались часа три и, наверное, немного обгорели на солнце. Единственное, что нам удалось прихватить, так это 3 сотни кувшинов вина и столько же оливкового масла.

15 июня. Суббота. В 10 часов отплыли из деревни, прекрасно осознавая, что уже завтра она опять окажется в руках её владельцев. В 20 часов вечера швартовались в Ореи. Переночевали здесь и оставили тут пентарха Василия с его пятёркой.

16 июня. Воскресенье. Забрали с собой братьев Карчери и отплыли к Скиросу. Есть надежда, что 20 воинов Иосифа, смогут защитить крепость. С нами были все пленные, числом 23 человека. На Скиросе, оставили пленных в Линарии, и отбыли в Фессалоники. Были предложения отправиться на Крит, но посчитали, что недостойно нам заниматься пиратством и грабежами. У нас более высокие цели.

Мы помогаем захватить Фессалоники.

17 июня. Понедельник. К 13 часам дня подошли к осаждённому городу. В гавани плавали галеры с никейскими флагами, а город был охвачен с двух сторон войсками императора. Город лежал в долине, охваченной высокими горами. От пристани, дома поднимались вверх, в горы. Город был довольно крупным, по меркам этого времени.

Он занимал площадь свыше 100 гектар, обнесённых высокой стеной с громадными башнями. Особо выделялись угловые башни и башни у центральных ворот. Со стороны моря, стены возвышались всего лишь в 4-5 метрах от воды, оставляя лишь узкую полосу для штурмующих, поэтому император Иоанн III Ватац, все усилия направил с боковых сторон. Но латиняне стояли крепко, совершая дерзкие вылазки.

Мы подняли на кораблях, кроме Андреевского флага, Ни-

кейский, чтобы на нас не напали, безрассудно. Но пришлось принять на борт делегацию, потребовавшую объяснить наше присутствие. Когда все вопросы разрешились, нас направили к западу от города, именно там была ставка императора. Наши корабли проследовали в ту сторону, проходя перед городом и его пристанью.

В том месте затонули не меньше десятка галер и из воды торчали их мачты, не позволяя другим кораблям приблизиться к центральным воротам. Мы проплыли несколько дальше, стоявших на якоре у берега Nikeйских кораблей и подойдя к берегу в полукилометре от них, бросили якоря и начали высадку. Сначала, как принято, коней, а потом всех остальных.

Сразу же отдали распоряжение устанавливать палатки, а Судейкина отправили к императору. Его сопровождали десять драгун. С этой стороны, город осаждали никейцы, а с восточной стороны половцы и турки. В течении трёх часов, были установлены палатки и весь десант переселился в них, оставив на кораблях команды и по сотне драгун. Nikeйцы, с интересом, наблюдали за нашими действиями.

Лагерь жил своей жизнью, скакали верховые, пробирались пехотинцы, кто-то брился, другие варили похлёбку на костре и т.д. Перед стенами города, чернели остовы сожжённых домов предместья. Нигде не наблюдалось осадных ма-

шин и баллист, характерных черт осады. К вечеру прибыл Судейкин и рассказал о встрече с императором. На приём он попал, после 2-х часов ожидания. Император встретил его приветливо. После необходимых приветствий, перешли к обсуждению существующего положения. Осада началась ещё в начале апреля, но существенных сдвигов не наблюдалось.

Император, понадеявшись на большую армию и свой авторитет, не захватил осадных орудий, а с началом осады, пути морской доставки, перекрыли венецианцы. Остались лишь сухопутные пути, слишком сложные для доставки тяжёлых машин. Никейские войска освободили узкую полосу на севере Фессалии до Фессалоник, по которой осуществлялась связь с Константинополем, но побережье, до Мраморного моря, юг и запад, оставались в руках латинян, как и выход из гавани, перекрытый венецианцами.

Нас они не остановили и даже, мы их не видели, но они наверняка следили. Император признался, что осада уже надоела войскам, не получающим трофеев и живущим в опостылевших палатках. Потери были весомы и уже достигли 3 тысяч убитыми и столько же, ранеными, которых пришлось отправить в Адрианополь. Были и случаи дезертирства. Так что, на сегодняшний день, у него в строю около 15 тысяч солдат. В осаждённом городе тысяч 8 защитников, не считая горожан, которые тоже могут быть привлечены к обороне, в случае больших потерь.

Каждый месяц осады обходится казне в 40 тысяч золотых перперов. Судейкин рассказал о нашем походе, встрече и разговоре с епархом и министром обороны. Об уверенности взять город в ближайшее время. Сообщил об освобождении Скироса и половины Эвбеи, но оставлении этих островов, в связи с отсутствием сил, для их удержания. Это известие сильно подняло настроение императора, и он громко выразил своё восхищение, заставив окружавшую его свиту, присоединиться к общей радости.

Он было распорядился выслать к островам несколько подразделений, но осёкся, вспомнив, что он сам заперт в заливе. Наконец он, отводя взгляд, спросил:

– Вы сможете мне помочь, захватить город? –

– Конечно – ответил Судейкин. – Мы, именно для этого, и прибыли сюда.

– Я заплачу вам 50 тысяч перперов, если вам удастся овладеть городом в течении 2-х недель.

– Хорошо, мы подумаем- ответил Судейкин императору и вернулся к нам.

. – Какие будут предложения? Начали обсуждения. Первым вариантом стал «Троянский конь», не удавшийся при штурме Константинополя. Судейкин ушёл к командующему осадой Иоанну Петралифе, чтобы обсудить завтрашние действия. Ночью, чтобы было меньше подозрений, вывели из трюма БМД, 3 САУ, БРДМ и ЗИЛ.

И этой же ночью, Фессалийцы сделали вылазку, с целью

захвата языков, чтобы получить сведения о пришедшей подмоге. Вылазка удалась, и хорошо, что мы расположились так далеко от города, да ещё и за лагерем никейцев. Почти тысяча фессалийцев напали на лагерь и проникли, чуть ли не до самого шатра императора. Им удалось захватить в плен не меньше сотни солдат и одного высокопоставленного офицера, к счастью, не знавшего о наших возможностях. Погибло, с обеих сторон, до 300 человек. Войско императора, уже начавшее роптать, несколько взбодрилось с нашим прибытием, ожидая важных перемен.

8 июня. Вторник. С утра, всем подразделениям никейской армии приказали отойти от стен города на километр. С натяжкой, но это действие, можно было считать мерами, от ночных вылазок противника. Затем, на виду у всех, конными упряжками, к воротам крепости, со стороны никейского лагеря, прикатили БМД и оставили в 150 метрах от стен. Затем прикатили два САУ и оставили соответственно в 40 и 80 метрах от БМД. Потом БРДМ, ещё на 40 метров дальше. Последней машиной был ЗИЛ 131, оставленный в 300 метрах от ворот.

Защитники могли наблюдать, что внутри машин находятся люди. С точки зрения латинян, могло создаться впечатление, что машины, являются защитными местами нахождения сигнальщиков, обязанных подать сигнал, в случае ночной вылазки. Оставив машины, лошадей выпрягли и увели в лагерь. Для наглядности, показали, что БМД, вполне мож-

но катить силами десятка человек. Лагерь опять зажил своей жизнью. Людям в машинах доставили обед и ужин в своё время. Произвели дважды замену экипажей. Однако ночь прошла без происшествий.

19 июня. Среда. В течении дня повторилась та же картина, со сменой экипажей. Осаждённые ожидали подвоха, но ничего не случилось. Хотя ночью, к машинам подходили латиняне и осматривали их, но убедились, что открыть их на месте, невозможно. Nikeйские солдаты тоже терялись в догадках, но чувствовали, что скоро произойдёт нечто. В течении дня, многие офицеры задавали вопросы, как командиру армии, так и самому императору, относительно оставленных перед воротами машин, но те хранили молчание. Судейкин присутствовал на совете у командующего, где и его спрашивали о нашей задумке, но он не ответил.

Императору рассказали о пленении братьев Карчери и семьи Гизи, а также нескольких сотен венецианцев. В счёт выкупа за них, император обещал заплатить нам половину предполагаемой суммы, 10 тысяч перперов, по окончании осады, независимо от её исхода. В любом случае, империя получала большие выгоды от наших действий. Достаточно сказать о золотых, серебряных и железных рудниках Скироса,

20 июня. Четверг. Наконец наступила ночь, когда осаждённые, всё-таки, решили выкрасть одну из машин. Выбрали, как и следовало ожидать, гусеничную БМД, как стоящую

ближе всех к воротам. По радиии, нам сообщили, что латиняне начали запрягать лошадей к машине, чтобы тянуть в город. Немедленно мы привели дежурное подразделение в 500 человек, в состоянии боевой готовности и незаметно выдвинулись вперёд, к первой линии постов. Разбудили Петралифу, чтобы он начал стягивать ударную группу поближе к городу. Об этих мероприятиях уже ранее было обговорено с командованием никейцев. Экипаж БМД передавал по радиии о действиях противника.

Когда БМД уже подкатывали к мосту через ров, подняли тревогу в лагере, уже не опасаясь, что машину бросят на полпути. А враги уже прицепили одну САУ и тянули её следом за БМД, В лагере, по тревоге, заметались солдаты. Командиры строили свои подразделения и вели их к городу. Наконец из БМД передали, что их втащили под самые ворота, а САУ только подвезли к подъёмному мосту.

Тут же приступили к действиям. Разом загудели заведённые машины, БМД нажал на тормоза и лошади встали, не в силах, сдвинуть его с места. Перепуганные фессалийцы, в панике кинулись толкать машины руками, но не тут то, было. Башенка БМД пришла в движение, начав расстреливать окруживших её солдат. Открылись лючки внутри корпуса и оттуда застрочили автоматы. А к мосту уже мчались БРДМ, САУ и ЗИЛ 131.

От лагеря скакали драгуны и бежала пехота никейцев. Фессалийцы бросили САУ и побежали к воротам, но были

уничтожены. САУ выстрелила трижды по верху ворот, обрушив всю конструкцию с собравшимися наверху, защитниками. А БМД уже уничтожила большинство участников вылазки и заняла позицию под воротами, чуть высовываясь из подворотни в город. Одна САУ проехала вперёд и заняла позицию впереди БМД. Рядом с ней встала БРДМ. ЗИЛ подъехал к мосту и навёл прожектор на ближайшую башню, слепя её защитников и короткими очередями из пулемёта, уничтожая очаги сопротивления. Прискакавшие драгуны, спешили и срочно заняли места на башнях, уничтожая выживших защитников и огнём из ружей, отбивая атаку солдат противника, пытавшихся по стене ворваться в башни.

Поднятые, по тревоге, фессалийцы, спешившие из города к воротам на помощь попавшим в беду соратникам, мешали друг другу на узких улочках города, представляя прекрасную мишень для пулемётов и пушек БРДМ и БМД. Уже через 10 минут, в ворота начали врываться отряды никейцев, тут же разливаясь по улицам и пробираясь к центру города. Началась битва внутри города, скоро превратившаяся в резню, сломленных духом обороняющихся, удиравших в сторону акрополя. Ещё с пару часов происходили стычки с остатками защитников, пробивающимися к акрополю. Бой, начавшийся в 4 часа утра, затих к 7 часам, когда стало совершенно светло.

21 июня. Пятница. По городу, никейцы собирали сдавшихся и вели их в лагерь. Собирали убитых и раненых. Под-

бирали трофеи и раздевали трупы. Обычная картина захваченного города. Половцы, турки и казаки грабили жителей, но часам к 10, грабёж остановили и в город въехал император. Мы, воспользовавшись моментом, целенаправленно подъехали к банку и ломбарду, некоего Шмуэль ха-Нагида, о котором мы узнали у нашего банкира. Довольно невзрачный дом, подарил нам, после убийства его хозяина, к сожалению, это была вынужденная мера, почти полтонны золота в слитках и столько же серебра, а также два сундука монет, считать которые не было времени. Из ломбарда вынесли два мешка различных украшений и посуды из драгоценных металлов с камнями, инкрустированных кинжалов и мечей, и ещё много других вещей, которые мы, не глядя, закинули в кузов ЗИЛа и отвезли к кораблям.

Эту работу, не привлекая внимания, провернул взвод гвардейцев из офицерской роты. Мы не хотели светить эту акцию, предполагая оставить эту добычу для себя. Император и его свита, проследовали ко дворцу императора Фессалоники Иоанна Комнина Дука и въехали внутрь. Сам малолетний император, скрылся в акрополе. Войска вошли в город и начали стягиваться к стенам акрополя. Мы, сделав своё дело, отошли к своему лагерю и стали ждать развития событий, не вмешиваясь в разборки.

Казаки и драгуны приволокли множество различных предметов и денег, отобранных у местных жителей и в лавках рынка. Мы предоставили им право, разделить это иму-

щество и оставить себе. В городе начали восстанавливать городские службы и передавать их новым властям. Провели ревизию казначейства и передали все средства в общую казну Nikei. Пока шли все эти перипетии, мы отдыхали в своём лагере.

24 июня. Понедельник. Мы даже не пытались привлечь к себе внимание императора, понимая, что он сейчас крайне занят, свалившимися на него заботами. Но сегодня, он вспомнил о нас и прислал ординарца, приглашая к себе Судейкина. За эти дни мы прекрасно отдохнули, плавая в море и загорая на пляже. Еду нам поставлял логофет армии, весьма сытную и вкусную. Тихонечко пересчитали добычу от Шмуэля - банкира Фессалоник. 520 кг золота и 610 кг серебра, в слитках, 35 тысяч золотых монет, как перперов, дукатов, так и арабских динаров. 94 тысячи серебряных монет различных стран, 140 кг медных монет, мы их не считали. Ну а стоимость доставшихся нам драгоценностей, пересчитать и оценить, не было возможности.

Их просто переложили в 5 деревянных бочек и 11 сундуков. Всё это задвинули подальше от любопытных глаз казаков и дружинников из Рязани и Пронска. Казакам и так достаточно добычи, а своим, мы в любом случае будем помогать, но лучше не будить в них жадность. Не успел Судейкин отъехать в город, как пришла весть, что император Иоанн Комнин сдаётся на милость Иоанна Ватаца. Судейкин, понимая, что теперь никейцам, опять не до него, вернулся к нам.

Честно говоря, империя Фессалоник, только что именовалась империей, на самом деле занимая небольшую область вокруг столицы. Вся, бывшая, Фессалоникская империя, ещё в прошлом году, в соответствии с историей, раздробилась на пять государственных образований, в каждой из которых правил представитель династии Комнинов Дук.

Мануил правил Фессалией до своей смерти в 1241 году и завещал территорию Михаилу II Комнину Дуке, Иоанн признал верховную власть Никеи и отказался от императорского титула, приняв титул Деспот. Его отцу, слепому Феодору, было разрешено остаться в Водене и властвовать в Южной Македонии. Но теперь всё повернулось иначе. Иоанн III Ватац, разрешил малолетнему Иоанну Дуке, выехать к своему отцу в Водену, а Фессалоники включил в свои владения, поставив здесь наместника.

Вся северная и восточная сторона от Фессалоник, захваченная в результате этой войны, также переходила во власть Ватаца, оставляя Мануилу только южную часть его владений, представлявших едва половину бывшей империи, но ещё достаточно сильную и имеющую, достаточное количество населения и площадь. На этом, Ватац предполагал закончить кампанию этого года, к тому же, получив известие о нападении монголов на Иконийский султанат и угрозе своим границам. Начали сворачивать лагерь, готовясь возвращаться к себе.

29 июня. Суббота. Император вновь вспомнил о нас, в

связи с опасностью отплытия в Константинополь через контролируемые венецианцами воды. Судейкин выехал в город на ЗИЛ 131, с охраной. Получив представление о нашей мощи, никейцы и фессалийцы, с уважением и страхом, наблюдали за проезжающим автомобилем. Я и другие офицеры приятно проводили время в лагере, изредка посещая город, Солдаты, имея достаточно средств, находили интерес в развлечениях с продажными женщинами, которых было более, чем достаточно. Мы только предупреждали своих людей, чтобы они не вступали в драки. Однако наших людей никто не трогал, помня о наших способностях.

Зато несколько раз их пытались подкупить, с целью получения секретных данных. Эти попытки исходили от католических монахов, имевших резиденцию в городе. В принципе, наши солдаты очень мало могли рассказать о нашем оружии и возможностях, но преувеличивали нашу мощь, рассказывая придуманные ими же легенды. Брать с собой огнестрельное оружие в город, категорически запрещалось.

Мы даже разрешили своим солдатам, брать деньги у любопытных монахов и рассказывать им о нашей жизни. Ведь ни один из них, не смог бы привести конструкцию наших машин и, тем паче, технологию их изготовления, даже мы сами.

Зато все эти рассказы, будут плодить ещё больше мифов, запутывая все сведения о нас. Вернулся Судейкин. Он привёз те самые, 40 тысяч перперов, за захват города и 10 тысяч за пленников, оставленных на Скиросе. Деньги были изъ-

яты из казны Фессалийцев. Император, зная о нашем союзе с монголами, поинтересовался, насколько велика опасность нападения последних на Никею.

Судейкин заверил его, что императору ничего не угрожает, но ему не следует вмешиваться в борьбу между монголами и Конийским султанатом. Зато можно воспользоваться моментом и прихватить владения Трапезунда, на полуострове Крым. Это известие успокоило императора, и он предложил мне, уже совместно, вновь напасть на Эвбею. Мы провели совещание и единогласно решили продолжить свой поход, чтобы заработать ещё денег. Судейкин сообщил императору о нашем решении и тот назначил дату отплытия на 1 июля.

Окончательное освобождение Эвбеи.

1 июля. Понедельник. В 12 часов дня из Фессалоник, вышла эскадра, везущая никейскую армию в составе 5 тысяч никейцев, 2 тысячи половцев, 2 тысячи турок и мы. Император и остальные войска, остались в Фессалониках, наводить порядок. Всего за нами, следовали 28 галер и с десятков купеческих кораблей, нанятых для перевозки войска. Уже через 4 часа плавания, нам навстречу выдвинулся флот венецианцев в количестве 32 галер.

Не считая купеческих кораблей, наши силы были, практически равны. Венецианским флотом командовал, до сих пор непобедимый, адмирал Микаэль Джованни. Эти корабли были, наверное, почти последним средством повлиять на

ход войны в Эгейском море. В прошлой истории, Венеция диктовала свои условия Никейскому императору. Наша эскадра следовала кильватерным строем, держась за нами, так как опасалась гораздо более сильного венецианского флота.

Венецианцы шли нам навстречу двумя колоннами, обтекая нас, видимо, намереваясь напасть на головную часть эскадры и связать её боем, до подхода задних кораблей, а в это время напасть по два корабля на каждый наш. Их задачей было, дойти передней парой до 16-го корабля нашей эскадры и с двух сторон взять на abordаж эти 16 кораблей. Мы дали возможность, трём парам венецианских галер пройти мимо нас, а три пары последующих, обстреляли с обеих бортов, моментально лишив их хода и повергнув мачты.

Мы не стали их добивать и уже вступили в бой со следующими тремя парами, точно так же разделав и их под орех. Первые три пары, заметив, что случилось с их последователями, отказались от нападения и, резко свернув в стороны, начали уходить в открытое море. Зато шесть пар, повреждённых нами, лишившись хода, были взяты на abordаж уже нашими галерами, которые выйдя из строя, облепили их с обеих сторон и брали в плен венецианских матросов, не оказывавших сопротивления.

Последние 14 галер, точно так же, как и первые, разошлись в обе стороны и ушли в море. Наш лидер, крейсер «Русь», успел повредить две галеры, расстреляв их вдогонку, к которым мы и направились. «Русь» взял на abordаж одну

из них, а «Воронеж» вторую. За убежавшими не стали гоняться, так что адмиралу и 18 галерам удалось уйти, но мы думаем, что с этого момента, ни один венецианский корабль, не посмеет нападать на россиян. Сражение было выиграно, не успев начаться.

Повреждённые корабли не стали оказывать сопротивления против многочисленного противника. Галеры были взяты на буксир и продолжили путь с нами. Все они, вполне сохранили плавучесть. Гребцов оставили на местах, пообещав им разобраться, по прибытию к месту. Матросов и десант разоружили и оставили на их же галерах. По праву победителя, нам должны были достаться не менее 80 % добычи, которую мы поделим в Ореи. Во всяком случае, только на двух, взятых нами на абордаж, галерах, нам досталось 80 комплектов доспехов и 120 золотых дукатов, не считая серебра и медяков, которые мы уже не считаем.

3 июля. Среда. В 6 часов утра эскадра вошла в Ореи. Гарнизон крепости, радостно приветствовал нас. Все люди выгрузились, чтобы размять ноги. Лошадей выпустили пасти. Вывели пленных. Из 400 членов команд, уцелело 322, из 320 гребцов- 254. Мёртвые были преданы морю во время плавания. Среди гребцов, уже, как правило, освободили 112 русских. 62 человека были турками, а 80 оказались далматинцами, работавшими за деньги. Из военнопленных, половина были также далматинцами, арнаутами, греками, а венецианцев всего 144. Всего захватили 200 комплектов доспе-

хов, среди которых 16, наилучшего качества. Денег всего 670 дукатов, немного серебра. Мы решили забрать все деньги и половину доспехов, а пленников, все вещи, продовольствие с галер и сами галеры, оставить никейцам.

Но русских гребцов обещали забрать с собой. С 36 освобождёнными ранее, их стало 148. Турок отпустили на волю, и они тут же присоединились к туркам наёмникам. Дележом все остались довольны. Перед обедом собрались на совещание. Было принято решение – 10 галер с 3000 десанта, отправятся на юг острова в Каристо, где оставят гарнизон в 2 сотни никейцев и представителя новой власти, а сами проследуют к Халкиде, чтобы не дать уйти в ту сторону, ни одному венецианцу. Мы решили начать поход завтра с утра, а галеры в Каристо, отправились немедленно. Я воспользовался отдыхом, чтобы вновь закупаться и позагорать. Все мои друзья составили мне компанию.

4 июля. Четверг. Оставив в Ореи 2 сотни гарнизона, представителя власти, всех пленных и освобождённых гребцов, направились к Халкиде. Через 7 часов плавания, не доплыв до Халкиды примерно 7 км, эскадра разделилась. Десять галер встали на материковой части в Беотии, принадлежавшей Афинскому герцогству, и высадили там 3000 человек десанта, должного пешком подойти к мосту, соединяющему Беотию с Эвбеей. Мы и ещё 10 галер, пристали к острову и начали высадку. С нами были половцы, турки и тысяча никейцев. Плыть дальше становилось опасно. Во-первых,

ширина пролива Эврипа, отделяющего остров от материка, в самом узком месте равнялась всего 38 метров. «Русь» могла не поместиться в нём. В сторону Халкиды отправили разведку, сотню казаков, с которыми поскакал Иманкулов.

Обойдя Халкиду с востока, начали разглядывать город с высоты. В гавани стояли 7 военных галер и 12 купеческих, не считая мелких судов. Было заметно, что население находится в крайнем возбуждении. По городу передвигались отряды солдат. С другого берега в город направлялись несколько вооружённых отрядов. На галеры что-то грузили. Что-то, наоборот, пытались вывезти на другую сторону. Крепость впечатляла.

Была некоторая аналогия с Фессалониками. Такая же недоступность со стороны моря. Внешние стены ещё давали шанс их захватить, но акрополь, по виду, был неприступен. Но где наша не пропадала? Будем работать. Город располагался по обеим сторонам крепости. Более всего напрягало присутствие 7 военных галер. Если они захотят вырваться в южную сторону, то наши 10 галер вряд ли их задержат, особенно, если здесь находится сам адмирал Джованни.

Иманкулов передал нам свои впечатления, и мы приняли решение, немедленно отправить сотню драгун на конях с пулемётом и САУ, в обход города с востока, к устью реки Лелас, где расположилась деревня Лефканди. Был отдан приказ и отряд немедленно отбыл к месту назначения. Через час они были уже на месте, застав там наши 10 галер, ожидавших сигнала от нас. С галер выгрузились 3 тысячи никейцев и двинулись к стенам города. Там уже заметили наше присутствие и приняли меры.

Население повалили через мост на материк, но дорогу им перекрыли 3000 никейцев, подошедшие по берегу с той стороны. Толпы людей помчались обратно, создавая панику и толчею на мосту. Пришлось открыть ворота и принять беженцев в крепость, что являлось плохим фактором для защитников. Наличие большого количества гражданского населения, очень будет мешать обороне, к тому же, этих людей придётся кормить, а запасов в крепости не так уж много.

Никейцы на другой стороне пролива, начали ставить палатки и располагаться на отдых. Никакой возможности отогнать их, у защитников крепости, не было. Гарнизон крепости, подчинённый властителю центральной части острова, Пекораро да Меркануово, состоял из 42 рыцарей, имеющих собственные отряды, численностью от 20 до 40 человек, всего около 1400 человек. В 7 галерах находились, по крайней мере, 350 военных. Вся надежда возлагалась на крепость.

Наши войска начали продвигаться к городу и заняли предместья. Ближко к крепости не приближались. Арбалеты крестоносцев вполне доставали противника на дальности до 200 и даже 300 метров, а ещё в крепости имелись баллисты и катапульты. Но кидать камни по своему городу, рука не поднималась. Разграбив предместья, мы отошли на 700 метров от стен и разбили лагерь. Из города прибыли парламентёры.

С ними беседовал командующий Петралифа. Латиняне предложили выкуп, но Петралифа отказался, заявив, что остров будет принадлежать Никее и сделал контрпредложение – крестоносцы могут убраться с острова, оставив себе оружие, но с момента первого выстрела из катапульты или баллисты, никому пощады не будет. Латиняне отказались, обещав стоять насмерть. Судейкин с Петралифой, его штабом и нами, выехали на рекогносцировку, использовав для этой цели высоты с восточной части города.

Сам город лежал в большой, плодородной долине, из-за которой, ещё в древние времена, велись жестокие войны.

Осмотрев город в бинокли, мы пришли к выводу, что метод «Троянского коня», здесь не пройдёт. Подойти к крепости со стороны пролива опасно, закидают камнями. Только штурм через стены. Очень опасно расположились фланкирующие башни, через каждые 50 метров, как в Константинополе.

Стены высотой в 10 метров, навевали грусть. В конце концов приняли решение – В тёмное время, подойти к воротам и, слепя защитников светом прожекторов, расстрелять ворота из пушек, затем, закидав ров частями разобранных домов пригорода, ворваться в город на БМД, БРДМ. Обеспечив круговую оборону, впустить в город никейцев. Без сомнений, в город мы прорвёмся, а уж там будем думать, как захватить акрополь.

Все согласились. Между тем, мы решили предупредить латинян, что мы не будем чинить препятствий, покидающим город мирным жителям. Для этого к городу отправили одного из офицеров никейцев. Он объявил, что мы, открываем свободный проход для горожан, следующих в Афинское герцогство. Для этого мы даём им 3 часа. Для подтверждения своих предложений, войска отвели от ворот на километр.

Через час из города вышли первые сотни людей. За их прохождением через мост и дальнейшим шествием, наблюдали со стен. После того, как первые беженцы удалились, вышли ещё человек 500, которые также, благополучно скрылись. А в конце вышли все остальные, но уже не много, человек 600, с повозками и пешком. Их никто не тронул.

После этого, войска вернулись на прежние позиции. К этому времени, совершенно стемнело. Петралифа послал к предместью три сотни солдат, с заданием, выломать все длинные доски и брёвна в домах. Эти материалы сложить на улицах, чтобы наступающие, могли их взять и нести с собой ко рву.

5 июля. Пятница. Часа в 3 ночи, произвели подъём. Очень тихо, все войска подступили к городу на 50 метров. По улицам, руками, чтобы не производить шума, вытолкали три САУ и установили их на самой границе домов, в прямой близости от входных ворот. Тем не менее, противник заметил движение в наших рядах и объявил тревогу. Тогда САУ, включили моторы и выехали на прямую наводку к воротам.

Следом за ними спешили БРДМ и БМД, которые встали с обеих боков САУ и направили свои прожектора на стены крепости. САУ также освещали ворота и воинов, стоящих над ними. В сторону машин засвистели стрелы и болты арбалетов, издавая стук при попадании в металлическую броню. Загрохотали пушки САУ, всаживая снаряд за снарядом в стоящий вертикально мост и прошивая его насквозь, взрывались уже в воротах.

Под грохот разрывов, сотня никейцев начала, подходя ко рву, бросать в него доски и брёвна. Наши молодые юнкера, набираясь опыта, открыли огонь одиночными выстрелами, по чётко очерченным светом прожекторов, фигурам защитников. После 10 снарядов, всё что осталось от ворот и мо-

ста, лежало на земле и вход в крепость зиял чёрной пастью. Доски и брёвна, наконец сровнялись с берегами рва и БМД двинулась вперёд, подминая под себя доски.

Под градом стрел и сбрасываемых с башни камней, она въехала в проём ворот, открыв огонь по набегавшим к ней из ближних улиц, латникам. За ней устремились все три САУ, по очереди. Проехав арку ворот, сидевшие внутри десантники, открыли огонь из пулемёта и автоматов, помогая БМД. Сбрасываемые булыжники и стрелы, не причиняли им никакого вреда и, поражаемые снаружи, выстрелами юнкеров, латиняне наконец поняли бессмысленность своих поступков, как и пытавшиеся штурмовать ворота изнутри. Все бойцы развернулись и кинулись к воротам акрополя.

В это время в город вбегали первые сотни никейцев и разбегались по улицам, преследуя бегущих врагов. Приняв большинство отступающих, ворота акрополя закрылись, чтобы никейцы не смогли ворваться внутрь на плечах последних защитников. А из амбразур полетели стрелы и болты защищающихся.

Никейцы, тут же отхлынули от ворот, и начали поражать, толпящихся перед закрытыми воротами, солдат гарнизона. Оказавшись между двух огней, эти несчастные, были уничтожены в короткое время. Бой затих. Мы, конечно, могли снести эти ворота, но затем должен был последовать бой в помещениях акрополя, расположения которых нам были неизвестны, что могло привести к неоправданным жертвам.

Оставив БМД, САУ и БРДМ перед воротами акрополя, войска отошли к стенам крепости и расположились у них, внутри укрепления. Рассвет прояснил картину ночного боя. В районе ворот полегли до 400 защитников крепости, лежащих на стенах, башнях, а также по обеим сторонам стен и на улицах города. В домах, покинутых жителями, резвились половцы, турки и казаки.

Судейкин искал, по некоторым приметам, полученным под пытками у Фессалийского банкира, дом местного банкира Ицхака бен-Иегуда Абраманеля. Этот дом удалось найти, но хозяин покинул его. После простукивания стен, нашли тайник и извлекли из него слитки золота и серебра, общим весом в 220 кг, которые немедленно перегрузили в БМД. Больше ничего не удалось найти. В этой операции участвовали только офицеры гвардейской роты.

Солдаты занимались перетаскиванием трупов к кладбищу. В 12 часов, парламентёр от Меркануово, предложил провести переговоры, по поводу сдачи крепости. Петралифа напомнил, что он предупреждал, что после первого же выстрела со стороны латинян, никакие переговоры не приветствуются. Он может лишь принять их безоговорочную капитуляцию, с сохранением жизни. Парламентер уехал, но через час приехал другой.

Ничего не добившись, гарнизон сдался. Идя навстречу венецианцам, обрадованный победой Петралифа, разрешил гарнизону покинуть крепость, после принесения клятвы, не

обращать против Nikeи оружия. Клятва была принесена и гарнизон крепости, под бой барабанов, с распущенными знамёнами, промаршировал через мост в направлении Афин и скрылся из глаз, оставив в наших руках дона Меркануово.

Петралифа тут же занялся делами по организации новой администрации города и острова. Все 7 галер достались нам, так как их экипажи ушли с гарнизоном города. Адмирала в их рядах не обнаружилось. Наше присутствие здесь, больше не требовалось. Петралифа попросил проводить до Константинополя 7 захваченных галер, с назначенными на них новыми экипажами и 20 своих, с никейским войском. Здесь оставались по тысяче половцев, турок, никейцев и 9 галер с экипажами, для возможной попытки, отбить город, афинянами. Мы забрали Меркануово и тут же отбыли в Константинополь. Все наши уже соскучились по дому и рвались обратно.

Мы получаем по заслугам.

7 июля. Воскресенье. В 2 часа дня мы вошли в бухту Золотой Рог. Поход прошёл благополучно, на нас никто не посмел напасть. Нам организовали торжественную встречу на пристани. Вперёд вышли духовенство и сам император. Мы не стали участвовать в этой процедуре. Дождавшись её окончания, мы отпустили своих людей в увольнение, выдав каждому по золотому дукату. Обошлось без поножовщины, и мы улеглись спать.

8 июля. Понедельник. Судейкин ждал вызова импера-

тора и тот последовал. Гонец принёс весть, прибыть на торжественный ужин, по случаю освобождения Эвбеи и образование нового Фема в империи. На вечер приглашали всех руководителей похода. Надо было решить, что нам одевать? Мы все крайне отрицательно воспринимали парадную одежду королевских дворов Европы, к тому же стояла сильная жара. После некоторых размышлений, пришли к выводу, что не стоит нам уподобляться попугаям и мы оденем парадную офицерскую форму с ботинками.

В этот раз мы её прихватили, памятуя о прошлом посещении Константинополя. Между делом, я поднял вопрос – А достаточно ли мы правы, ослабляя Венецию и усиливая Византию? Разве не Венеция является главным фактором сдерживания экспансии ислама в Европу? А вот Византия, в скором будущем, погрязнет в роскоши и лени, в междоусобных войнах и дворцовых переворотах, что послужит причиной её падения, а именно Венеция будет её последним союзником против турок. Не того врага мы выбрали себе, заключил я. –

Ребята задумались. – А ведь, верно, начал Судейкин. – Я считаю, что, несмотря на все разногласия, нам следует дружить с Венецией. Более того, необходимо помирить между собой Венецию и Византию.

Мы согласились с этим предложением и пошли собираться. Сегодня, как раз, произвели делёжку 50 тысяч перперов, полученных от Nikei. Не мудрствуя лукаво, просто решили

разделить деньги, по числу участников, не взирая на должности. Очень удобным оказалось количество участников похода – ровно 2000 человек. Так что на каждого пришлось по 25 золотых, что равнялось почти по 6 гривен, совсем не плохо, фактически зарплата за три года. Мы не собирались все эти деньги, тут же раздавать своим бойцам. О величине вознаграждения за военные заслуги, было заранее обговорено и закреплено приказом по всем филиалам. Всё заработанное, является нашим общим достоянием, а не прерогативой участников похода.

В первую очередь, мы все должны заботиться о процветании нашего сообщества и те, кому это положение не нравится, должны искать себе других хозяев. Своему процветанию и хорошими условиями жизни, каждый член нашего общества, обязан «Совету десяти». Также, каждый может убедиться в том, что мы сами, прилагаем все усилия к улучшению этих условий жизни, а в большой степени, укреплению и росту могущества государства Россия. Этот принцип, мы начали вбивать в головы всем нашим согражданам с прошлого года, этому учили в школе и на курсах Ликбеза. К тому же, всем участникам похода, уже были выданы деньги из общей суммы трофеев, весьма немалые, между прочим.

Таким образом, «Совету десяти» доставались, на 1200 участников, 30000 перперов, (примерно 5760 гривен или 17800 рублей). Этого хватит на 2 года содержания всех, 3-х филиалов. Примерно в 5 часов за нами приехал почётный

эскадрт из полусотни дворцовых гвардейцев, схоляриев. Их начищенные кирасы блестели на солнце, слепя глаза. Мне не повезло, я вытянул жребий, заставляющий меня остаться с эскадрой, в качестве главного, на «Руси». Такая же участь выпала Зотову на «Воронеже» и Иманкулову, на «Оке». Так что на вечер ускакали Судейкин, Марченко и Семёнов. Нам оставалось, лишь ждать. Почти все солдаты ушли в город, оставив только дежурных.

Я позвал Арзамаса, и мы с ним стали беседовать на различные темы. Наличие у меня верного и способного ординарца, не прошло бесследно и каждый из нас, также завёл себе таковых. Мы с Арзамасом сдружились и, порой, собирались семьями, отмечая какие-либо события. Мы были ровесниками и наши желания, и мировоззрение, примерно совпали. Арзамас прошёл нашу школу, умел читать и писать. Я постоянно просвещал его по всем вопросам, рассказывая о мироустройстве, истории и географии.

Он и сам много читал из имеющихся книг, умел обращаться с любым оружием, водить машины. Я очень его ценил и уважал. Он поражался объёму моих знаний и поглощал всё, мною сказанное, как губка. Я не пытался, никоим образом, обозначать своё превосходство в общественном положении, с некоторых пор, мы общались, на ты. Вот и сейчас он заинтересовался, почему мы не пытаемся строить себе дворцы и не заводим рабов и наложниц, имея в виду, сверх уже имеющихся. Трудный вопрос. У него совсем иной мен-

талитет. Я ему начал объяснять, что, построив себе дворец и заведя рабов, я не могу уйти от общества.

Всегда найдётся завидующий мне, который постарается отобрать моё, а ещё может прийти враг и завоевать страну, меня лишит всего и обратить в рабство. Таким образом, имеются категории, выше частного, личного, которые мы должны беречь и защищать. В нашем случае, мы стремимся к построению мощного государства, не боящегося нападения врагов, а в более крупных масштабах, построение содружества государств, подчинённых общей цели, уважающих чужой суверенитет, но и не дающих поколебать свой. Я остановился, почувствовав, что начинаю заговариваться и влезать в дебри, которые, неискушённый ум человека нынешней формации, не сможет переварить. Арзамас ждал продолжения, но я сказал: –

– Короче, я не могу быть счастлив, пока другие мучаются. Арзамас вздохнул, и отстал от меня. Вот он бы не оказался от дворца с наложницами и рабами. Нам ещё очень многое надо сделать, чтобы хоть чуточку, воспитать в человеке чувство уважения к своему ближнему. Я лёг спать в 11 часов вечера, а наши гуляки вернулись под утро.

9 июля. Вторник. Судейкин и другие участники торжественного ужина, спали до обеда. После обеда, мы собрались в кают-компанию, и Судейкин рассказал о приёме:

– Что и говорить, торжество получилось знатным. Что важно – император представил нас всем придворным и при-

знал, что он, очень многим, обязан именно нам. Константинополь, Синоп, Фессалоники, Эвбея, Скирос, разгром венецианского флота и много других подарков преподнесли Никее наши русские союзники. За огромный вклад, внесённый в дело строительства могущественной империи, нам присваиваются почётные звания Протоспафариев, с вручением должностных регалий, а также включение в орден Святого апостола Андрея. Эти звания и должности будут нам вручаться сегодня в 17 часов, в зале дворца Василевса. Присутствие при награждении, обязательно. -

Пришлось одевать парадный мундир, и мы все вышли на пристань, где нас уже ожидали 50 схоляриев, с почётом сопроводивших нас во дворец. Однако, распорядитель церемонии, предложил нам переодеться, в жалованные нам, по чину, кафтаны-каббадианы, напоминающие купальный халат, расшитый золотом, со специальным золотым воротником, под которым полагалось носить красного цвета «дублет» - стёганную кофту с кружевными воротником и обшлагами. На шею нам возложили золотые цепи с жемчугом. На голову одели колпак с изображением герба Византии, вышитого золотом. Вся эта одежда была крайне неудобна, воротники тёрли шею, но положение обязывало.

Наконец, в 17 часов, нас ввели в большой зал, где собрались высшие иерархи и придворные. Всё было крайне помпезно и торжественно. Присутствовал патриарх Константинопольский, который должен был принять нас в ряды членов

ордена апостола Андрея, с присвоением титула «Архонт», что примерно соответствовало русскому «Князь». А обращаться к нам, теперь, следовало «Игемон».

Церемония продолжалась 2 часа и закончилась пиршеством, где мы вынуждены были сидеть в этом одеянии, среди других таких же чиновников. Кроме всего этого, каждому из нас был вручён документ на право владения поместьем с крепостными крестьянами. Что интересно, все поместья располагались недалеко от Синопа, я подозреваю, что это было сделано из соображений нашего кураторства в этих краях, и недопущения захвата этих земель Трапезундом или турками. Мне, к примеру, дарился небольшой район в области Кастамон, совсем недалеко от Синопа, в который входили 8

деревень.

Практически, все мы, получили побережье региона Памфлагонии, отобранного с нашей помощью у Конийского султаната, ранее, части империи Трапезунд, кроме самого Синопа. Ширина береговой полосы составляла примерно 60 км и в глубину материка уходила на 20 км., занимая площадь около 1200 кв. км, с населением, примерно, пять тысяч человек. Теперь мы будем собирать с них налоги и управлять ими. Безусловно, сейчас там имелись какие-то управляющие, которые и без нас справятся, но посетить эти места придётся. Возможно, кое – какие изменения внести.

Таким образом, каждый из нас, становился владельческим сеньором, помещиком, имеющим до 700 человеческих душ, включая детей. Награждение приятно грело душу. Как говорится – «доброе слово и кошке приятно». Кстати, во время пира, император спросил нас, будем ли мы ему и в дальнейшем помогать в борьбе с венецианцами? На что, Судейкин пояснил ему, что мы непременно поможем им, но считаем, что война с Венецией, не является для Никеи первостепенным делом. Не стоит губить христианские души в братоубийственной войне. Но если венецианцы первыми нападут на Никею, то мы непременно вмешаемся.

Однако, мы собираемся сдружить ваши государства и в дальнейшем, вам следует идти рука об руку, борясь с общим врагом – арабами и турками. А ещё, мы предостерегаем императора от войны с единоверцами – болгарами, сербами, ва-

лахами и др. И без того, католицизм захватил почти всю Европу, чтобы последние православные, сражались в угоду Ватикану. Речь Судейкина явно не понравилась императору, но он не выказал недовольства, однако спросил о наших планах на следующий год.

Судейкин пророчески обещал ему разгром монголами Болгарии, Сербии, Венгрии, Далмации и захват колоний Венеции на полуострове Истрия и в Либурнии. А мы, скорее всего, займёмся районом города Тригестум (Триест) и, возможно, Богемией и Хорватией. Кстати, император обещал выдать нам завтра ещё 10 тысяч перперов, за остров Эвбею.

Все наши одеяния были нам подарены, как обязательная, для ношения форма, во время исполнения своих обязанностей и посещения дворца. Перед сном я разглядывал подаренные мне цепь и золотой воротник, которые сами по себе стоили баснословные деньги, но вот носить всё это, я вряд ли смогу. Но, при посещении Византии, буду брать с собой, на всякий случай.

10 июля. Среда. Уже начала надоедать эта командировка, да и народ распоясался. Дисциплина упала, особенно среди казаков и дружинников из Рязани и Пронска. Пора возвращаться. Но пришлось подождать ещё. К обеду прибыл чиновник от Логофета армии, привезя в повозке, под охраной десятка военных, 10 тысяч перперов. Больше нас ничего не держало, и мы тут же отчалили. Выплатили казакам и дружинникам их долю, оставив себе 6000 перперов. Путь до Си-

нопа, около 700 км, занял 44 часа.

11 июля. Четверг. В Синоп прибыли в 12 часов дня. Причалили к пристани, отметились на таможне. Вывели коней и отпустили народ. Разбили лагерь за городскими стенами, очень памятными для нас, во время штурма города в прошлом году. Всё здесь изменилось. Одну мечеть оставили, а другие вновь переоборудовали в православные церкви. Обстановка всё ещё оставалась напряжённой, так как постоянно ожидали нападения турок или Трапезунда. Префект города Мануил Писириди, встретил нас с поклонами, так как мы поручили Иманкулову, одеть наряд спафария.

Мы объяснили префекту, что хотели бы ознакомиться со своими поместьями. Решили сделать следующий финт – двое архонтов едут на конях влево, а двое вправо, от Синопа по берегу. С каждой группой по 100 драгун и по 10 офицеров гвардейцев. На месте остаются Судейкин и Иманкулов. Доехав до крайних пределов своих владений, возвращаемся обратно, посещая свои вотчины по очереди. Префект предоставил каждой группе по чиновнику из префектуры, знающему эти места. Переводчики у нас были. Мой феодал был крайним на западе и я, с Марченко, посетили его первым.

Проскакать пришлось 30 км и въехали мы в деревню уже в 4 часа дня. Оказалось, что это не просто деревня. Здесь разместился рудник по добыче меди. Почти город, с населением в 300 человек взрослых. Это были греки, немного турок и местные аборигены – пафлагонцы, по некоторым данным,

семиты, потомки вавилонян и ещё кого-то, говорившие на непонятном языке, но и по-гречески тоже понимали. Большинство мужчин работали на руднике, остальные пастухами и крестьянами.

Имелась префектура, где сидел староста поселения, 3 стражника, писарь, пять солдат во главе с пентархом, представляли власть империи. Меня представили владельцем этого поселения, Акритом, по-местному. Сейчас всеми делами распоряжался эконо́м – управляющий. Делами рудника, заведовал, типа главный инженер, сидевший в специальном домике, имевшим чертежи и карты разработок. Мы заинтересовались размерами добычи, технологией выплавки. Оказывается, здесь же имелась и печь плавильная. Всё было в соответствии с технологией – шахтёры кирками добывают руду в шахте, её вытаскивают на тележках, перебирают вручную, выбрасывая пустую породу, размельчают, плавят и т.д. В цепочке заняты 230 человек.

В день выплавляют 2 пуда меди. Содержание меди в руде около 2 %. Поскольку время уже было к вечеру, решили тут же и заночевать. Я уточнил, какова зарплата рудокопов, размер прибыли. Рабочие трудились по 11 часов в день с перерывом на обед. Мы собрали рабочих в конце рабочего дня, и я представился, как новый хозяин. Посыпались жалобы на малую зарплату и тяжёлые условия труда, как это обычно, во все времена. Я попросил показать мне, как живут работяги. Многие жили в домах барачного типа, по комнате на семью.

Ничего хорошего, бедность и убожество.

Я прикинул в уме – цена меди к серебру идёт 1 к 32. То есть 32 кг меди в день, как килограмм серебра или 5 наших гривен. Итого в год, не меньше 1500 гривен. Пусть производственные расходы и налоги займут 30 %, всё равно остаётся более тысячи гривен в год. Зарплата у рабочих, от половины гривен до 3 гривен в год, однако их жестоко обманывают. Интересно, кому достаются все эти деньги сверх прибыли? Не надо далеко ходить, ясно, что руководству рудника и городским начальникам.

Так дело не пойдёт! Потребовал книгу расходов. Ага, вот где дураят – пишут, что, якобы, добыча составляет всего 1 пуд в день, а в расходах стоят какие-то особняки для рабочих. Неужто они так называют те бараки? Переводчик всё это пересказал моему представителю из Синопа. Тот начал воровато озираться. Ясно, что и ему платили. Тут надо глубоко копать. А ведь они через те взятки, не только государство обирают и работяг, но теперь и меня самого, а через меня и «Совет десяти». Тут всех надо сажать поголовно! Ну а что я могу сделать? Я указал на воровство главному инженеру.

Ведь главный вор он. Он составляет отчёты и калькулирует стоимость добычи. Значит с него и спрос. Всё это выливаю на его голову. Он падает на колени. Я знаю, здесь, конечно, все воруют, но если поймали за руку, то наказание только смерть. Побелели и мэр города, эконом и мой чиновник. Они тоже падают на колени и плачут навзрыд, рассказывая, что у

них маленькие дети и больные тёщи, требующие ухода.

Прямо спрашиваю – Сколько украли? Рудник всего год, как в ведомстве Nikei. Много украсть не успели, но, по моим подсчётам, 500 гривен поделили между собой, а это 2500 перперов. Пусть половину истратили, но наказать надо. Я велел завтра же принести мне 500 перперов, а с этого момента, поднять рабочим зарплату вдвое.

Вызвал горных мастеров, их было 8 человек и объявил, что моим приказом я повышаю всем зарплату с завтрашнего дня. Инженеру наказал, что через год приеду и спрошу с него. Чиновники, не вставая с колен, обещают клятвенно. Прошёл по посёлку. Жители в основном занимаются пастушеством. Редко у кого имеются огороды. Практически отсутствуют ровные участки земли, сплошь горы.

12 июля. Пятница. Утром мне приносят 500 перперов и вручают в руки, низко кланяясь. Я сурово гляжу на своих подданных. Они не смеют поднять глаз. Велю перевести им – Надеюсь, что вы меня поняли? Они кивают головами.

– Ну ладно, до встречи в следующем году! – Мы едем дальше, заезжая в мои деревни, а потом в деревни Марченко, всюду, ненадолго останавливаясь и ведя расспросы местных жителей. Здесь всё, несколько иначе. Сплошь и рядом, пастушеские общины с маленькими огородами и клочками возделанных полей. Горы и камни, немного похоже на Кавказ. Горные речушки, с кристально чистой, холодной водой. Есть и рыбацкие посёлки, но везде бедность.

Я, из полученных мною 500 перперов, оставляю практически в каждой деревне, по 5-6 монет, для помощи особо нуждающимся, предупреждая старост о строгом расходовании этих денег, именно для убогих. Кое где, жалуются на притеснение и беспредел со стороны старосты. В этих поселениях собираем сход и назначаем перевыборы. Утверждаем нового старосту, даём деньги на развитие села и уезжаем.

На эту экскурсию, потратили 4 дня, 100 перперов и вернулись в Синоп **16 июля**, в день моего рождения. Семёнов и Зотов вернулись ещё вчера. Мы прощаемся с Синопом и отправляемся далее. Имеется желание, всё-таки посетить Кафу. Посмотреть, что там творится? К тому же, имея 148 освобождённых гребцов, которых мы сделаем нашими гражданами, нам нужны женщины, вполне возможно, имеющиеся в Кафе.

17 июля. Среда. Вчера, в кают-компании отметили мой день рождения -25 лет, юбилей. Как всегда, в пути. Боюсь, что это может стать традицией. Но пусть так, такова жизнь. Все Архонты, в том числе Степан Кочебор, поздравили меня и, ничего, не подарили. А что мне можно подарить? Мне ведь ничего не нужно, да и есть у меня всё, что необходимо в этом веке. Я Архонт, владелец поместья и крепостных, протоспафарий Nikeйской империи, что соответствует званию генерал-лейтенанта, а может, и генерал-полковника. Только в России мы ещё никто, как ни странно.

Вот такие странные реалии. В России очень часто возвы-

шают не тех, кого бы нужно. Но главное, что наше дело живёт и прогрессирует. Итак, 290 км до Кафы, мы преодолеваем за 23 часа и входим в её гавань в 16 часов. Гавань Кафы располагалась за гористым мысом, который прикрывал её от бурь. Гряда гор, высотой до 300-400 метров, шла с левой стороны для заходящих в гавань судов. На самом высоком месте стояла крепость, ещё византийской постройки, в плачевном состоянии, но тем не менее, вполне могущая выдержать нападение немногочисленного врага.

Всего 15 лет назад, здесь существовало поселение алан Ардаба, разорённое монголами. Генуэзцам понравилось это место, и они выкупили его у монголов. Уже через 10 лет население колонии достигло 5000 человек, а рынок стал одним из самых богатых на побережье, даже затмевая Судак. Особенно большие прибыли потекли в карманы генуэзских купцов с 1235 года, когда монголы начали завоевание дикой степи. Сотни рабов из половцев, алан, черкесов и других народов, поступали на рынок Кафы, продаваемые по бросовым ценам, а потом перепродавались в Венецию, Геную, Nikeю и другие страны, по ценам в 5-6 раз дороже. А с 1238 года рабы начали поступать уже тысячами, это уже были, в основном, русские, мордва, болгары.

Ещё больше их поступило в следующем году, и в 1240, и нынешнем 1241. Монголы продавали их по 2-3 золотых, а в Венеции они стоили уже 40-50 золотых, а то и больше. И вот мы прибыли сюда, чтобы разобраться с этим гнездом

рабовладения. За 15 лет владения городом, генуэзцы ещё не успели достаточно укрепиться и, если крепость на скалах, была неприступна, то город в долине, был обнесён, пока ещё невысокими стенами, местами из дерева. Это только через 40-50 лет, он достигнет наивысшего могущества, а его население достигнет 70 тысяч человек.

Мы не стали подходить близко к стенам города и встали на якорь в 3-х кабельтовых. На горе стояли баллисты и катапульты, бьющие камнями на 300-400 метров, поэтому мы не хотели рисковать. В бинокль было заметно, как замечались люди в городе. Заметив, что мы не проявляем агрессивности, к нам направился баркас. Генуэзцы ещё не совсем хорошо знали наши возможности, поэтому держали себя довольно развязно.

Нам было известно от Никейцев, что гарнизон Кафы, состоит из 1400 солдат. К этому числу можно приплюсовать 12 экипажей галер, стоящих у пристани, а это не менее 600 человек. Грубо говоря, численно мы равны. На борт поднялись три чиновника в гражданском и один военный. Один из чиновников представился, как полицмейстер Кафы Франческо ди Маньери.

Разговор вёлся на латыни, и наш переводчик переводил. Судейкин представился ему, как Архонт Никеи, протоспафарий и боярин Рязанской думы. Эти титулы несколько озадачили Франческо, но, тряхнув головой, он осведомился о цели нашего прибытия. Ему ответили, что мы прибыли, что-

бы забрать всех, имеющих на данный момент, православных рабов.

Если их нам не передадут, то мы будем вынуждены взять город штурмом и забрать уже не только рабов, но и всех здешних генуэзцев, с последующей их продажей туркам. Это очень не понравилось итальянцам, но и озадачило их. Наш громадный корабль, заполненный войсками, внушал грозную силу. Мы поставили ультиматум – через два часа, всех рабов из Руси, привезти на корабль, в противном случае, мы начинаем штурм. Озадаченные итальянцы отплыли к городу. После их отбытия, в городе начались передвижения военных отрядов, движущихся к стенам города. На рынке торговцы, собирали товары и уходили. Все 12 военных галер приняли на борт вернувшихся из города матросов. На купеческих кораблях была заметна паника.

Уже погруженные товары, несли обратно в город. Время приближалось к назначенному сроку - 19 часов. За 15 минут до этого, вновь подплывает баркас, с которого к нам поднимается ещё несколько официальных лиц. На этот раз, прибыл старшина совета попечителей Доменико ди Джиусто. Он опять пустился в переговоры. Мы уже поняли, что генуэзцы тянут время. Судейкин, невозмутимо показал итальянцу свои часы, на которых, как раз, показало 7 часов вечера. Доменико аж рот раскрыл, увидев часы, но, Судейкин, убрав руку, заявил:

– Вы можете плыть к городу и, как только войдёте в воро-

та, мы тут же начнём штурм. Видимо, главный попечитель догадался, что мы можем доставить городу очень крупные неприятности и сообщил, что согласен выдать русских рабов. Мы потребовали, чтобы до темноты, которая придёт через два часа, всех рабов уже доставили к нам. А у рабов мы спросим, не осталось ли кого в городе. Джиусто, отправился к берегу.

Надо сказать, что сколько бы там не было русских рабов, но стоимость их, купленных совсем недавно у монголов, была не настолько велика, чтобы устраивать из-за них сражение. И уже через час, к нам подошла первая галера, полная рабов. А всего их подошло три. Нам передали, аж 924 раба. Женщин, даже на первый взгляд, было в разы больше, чем мужчин. Мы их разделили на 3 группы и распределили по кораблям. Уже в 11 часов вечера, мы выплыли в море, направляясь к Керченскому проливу. Пролив пересекли уже под утро.

20 июля. Суббота. Устья Хопра, достигли в 19 часов. Подошли к берегу и начали высадку казаков и их имущества. В этом походе, у нас не было вообще потерь. Несколько казаков были ранены, но легко. За ранения им доплатили по 10 золотых, на лечение. Кроме денег, казаки привезли громадное количество различного барахла, награбленного у латинян, в том числе и довольно ценных вещей, но мы сразу договорились, что не будем эту добычу делить на всех. Награбленного казаками, хватит для полной обстановки, не ме-

нее 1500 домов. После их высадки, на корабле стало гораздо свободнее и мы, тепло попрощавшись с казаками, отправились дальше.

В пути пересчитали и рассортировали освобождённых рабов из Кафы. Вместе с гребцами получалось 1092 человека, 648 девушек и молодых женщин, а остальные мужчины. Ещё мы удивились тому, что среди выданных нам, присутствовали 212 эрзя, 32 болгарина, 16 буртасов, 18 половцев. Как видно, генуэзцы не стали сортировать рабов по национальностям, а просто передали нам всю последнюю партию. Девушек всех национальностей, в возрасте от 13 до 20 лет насчитали 434, из остальных, самой старшей исполнилось 29 лет. Мужчины от 12 до 45 лет. Большинство из Волынского княжества, остальные из Галицкого, Туровского и Киевского княжеств. В основном деревенские жители. Все девушки прошли через унижения, которым подвергают монголы всех женщин, попадающих к ним в руки. Но мы постарались их ободрить и обещали, что они будут устроены самым лучшим образом. Времена были такие, когда люди, получив поддержку, очень быстро приходят в себя, стараясь забыть всё плохое.

21 июля. Воскресенье. Вот мы и в Воронеже. Время половина шестого, вечера. Оповещённые по рации, жители, встречают нас на пристани. Выгоняем лошадей, люди сходят и их встречают родные и друзья. Все стараются быстрее попасть домой, чтобы помыться и переодеться после похода.

Поход продолжался почти 2 месяца.

Дружинники из Пронска и Рязани устраиваются в палатках. Освобождённые рабы тоже. В 20 часов всех кормят ужином. Без очереди, с момента высадки, пропустили через баню, всех бывших рабов. На это ушёл весь вечер. САУ и другие машины выгнали из трюмов и поставили в боксы, чтобы завтра начать их тщательный осмотр и ремонт. Все драгоценные металлы и деньги, отобранные в банках латинян, незаметно погрузили в машину, чтобы не привлекать внимания дружинников и перевезли в казну.

Почему-то многие думают, что вся добыча должна быть разделена на участников похода, как будто они и есть кузнецы своих успехов. А ведь эти победы, достались нам путём общего, тяжёлого труда всех, без исключения, граждан нашего маленького коллектива, который растёт и его, требуется поливать. Мы могли бы не скрываться и делать по-своему, не спрашивая мнения остальных, но не хотелось, чтобы люди завидовали и обижались на нас.

Нам ещё долго придётся воспитывать из нынешнего индивидуалиста, человека общественной формации, думающего не только о своей прибыли, но и заботиться о выживании всего общества., вырастившего его. Итак, мы сгрузили большую часть грузов, оставив кое-что на завтра. Теплов, встретил меня на причале и коротко сообщил, что у нас всё в порядке. Я пошёл к себе в квартиру, где был встречен сожительницами и детьми. Несмотря на усталость, после долгого

отсутствия женской ласки, до 1 часа ночи не спал, борясь с двумя противницами.

Часть 5.

Новые назначения.

22 июля. Понедельник. Покормив рязанских и пронских дружинников завтраком, погрузили их в «Воронеж» и отправили в Данков. С ними отправлялись и Судейкин со своими людьми. С собой, в Маргелово, они увозили 620 кг золота и 1254 кг серебра, в слитках, обогащённой руды золота и серебра 670 кг, 15 тысяч перперов и нескладное количество серебряных и медных монет, плюс 11 сундуков драгоценных предметов, без учёта которых, стоимость увозимого равнялась 1млн.243 тысячи рублей.

Ещё везли долю рязанского князя- 5тысяч золотых номизм и 200 комплектов вооружения с доспехами. Мы оставили себе 15 000 золотых монет, динаров, дукатов, номизм и солидов, 5 бочек с драгоценностями и серебряных монет на 12 тысяч рублей, а ещё медяков 432 кг. Ещё везли кричное железо, 4 тонны. Ну а нам теперь, надо разобраться с трофеями. В первую очередь опросили, доставшихся нам не православных пленных –мордву, болгар, буртасов и половцев.

Что они хотят –остаться у нас или вернуться в свои края? Эрзя, узнав, что в наших краях полно их соплеменников, изъявили желание остаться у нас и основать новое поселение, поскольку здесь имелись и женщины, и мужчины. Половцы были рады остаться у нас, ведь это была их Родина.

Булгары пожелали уйти, как и буртасы. Их всего насчитывалось 26 девушек и 22 парня. Мы передали им 5 телег с 5 конями, по 4 серебряных дирхема и отпустили. На всякий случай, троих парней, утверждающих, что они умеют сражаться, одели в доспехи и выдали по копьё, топору и щиту. У нас осталось 212 эрзя и 48 половцев. Половцев решили приставить следить за лошадьми, это касалось и парней, и девушек. Работы хватит всем. Эрзянам решили выстроить 2 деревни, на северо-восточном краю пашни, а пока ещё тепло, разместить там в палатках. Мужчин поделили на десятки и сотни, а самым главным, назначили бывшего тиуна киевского боярина, по имени Горыня.

Распихали всех в казарму и палатки. После сбора урожая, в середине пахотных земель, договорились создать 6 деревень, между лагерем и фортами, от Дона восток, через каждые 3 км. После обеда обсуждали проблемы, возникшие при наличии громадной площади под посевы. Планируемые площади сельскохозяйственных земель, равнялись 200 кв.км, и занимали неровную полосу, примерно 24 x 8 км., протянувшуюся от Дона на восток, защищённую с юга 4-мя фортами, окружёнными деревнями.

Выводить людей на самый край пахоты из лагеря, оказалось сложной задачей. Каждый день проделывать по 10-12 км в один конец, а потом, после работы, обратно, занимало слишком много времени. Предложили следующий вариант. Кроме 4-х фортов на юге, устроить ещё 2 форта на восточной

границе земель между лагерем и южной границей участка. А между южной границей и лагерем, в 4 км от лагеря, расположить 6 деревень, через 4 км. Заселить в каждую по 50-60 пар молодёжи. Каждой деревне предоставить по 10 квадратных километров земли и обязать её обрабатывать.

Каждый квадратный километр разделить на 4 участка, примерно по 25 гектаров. Ежегодно проводить очередное замещение посевов, по системе – участок отдыхает, другой засеять зерновыми, третий картошкой, четвёртый горохом или подсолнечником, тыквой или ещё чем-нибудь, чтобы не обеднять почву монокультурой. А ближайшие, 80 кв. км, мы обработаем из города. Безусловно, по возможности, мы будем помогать техникой. При каждой деревне, в обязательном порядке, выстроить небольшой элеватор и амбар, для хранения урожая, а также школу, сельскую управу и клуб.

Молотьбу зерновых проводить каждой деревне самостоятельно. Деревни строить по образцу Маргелово. Двухсемейный коттедж и по 10 соток на семью. Такая система позволит более продуктивно использовать имеющуюся землю. Возможно, в будущем, если подобная, почти колхозная система, не оправдывает себя, разделить земли на индивидуальные участки. Там, где строительство деревень уже возможно, приступать немедленно. Ввести должность главного агронома, со штатом помощников, на которого возложить обязанности по определению сроков сева и сбора урожая, чередования посевных культур и всего с этим связанного. Имеет-

ся кандидатура, это потомственный крестьянин Невер, 48-летний староста деревни, на другой стороне Воронежа, у паромной переправы, живущий в этих краях уже 15 лет.

Что и когда сеять, в этом климате, он знает досконально. Пока все дома в деревнях не будут выстроены, людям жить у нас в казарме или в палатках, по месту строительства, по желанию. После обеда, я выехал из города и с в сопровождении улан, поскакал в деревню, к Неверу. Староста занимался в своём доме по хозяйству, когда я подошёл. Он вышел со двора и приветствовал меня словами:

– Здрав будь, боярин!

– И тебе не хворать! -Отвечал я.

– Зайдёшь ко мне, я тебе квасом угощу- предложил Невер.

– А зайду, пожалуй -согласился я и пошёл за хозяином, оставив свиту дожидаться. Я рассмотрел внутреннее убранство избы. По нынешним меркам, очень, даже не плохо. Печь с трубой – самое последнее достижение технического прогресса, занимало большую часть дома. Чистота и скромная обстановка – лавки по стенам, грубо сбитый стол и стулья. Занавесками отделена спальная часть избы. Жена Невера, женщина лет 40, хотя трудно определить возраст крестьянок, постоянно занятыми довольно тяжёлыми работами, поставила на стол жбан кваса.

Невер зачерпнул деревянным ковшом жидкость, налил мне и себе в деревянные посудыны, вроде узбекской пиалы. Я попробовал квас –хорош! Холодный, душистый. У нас в

городе, редко кто делает квас. Надо бы своих девчонок озадачить.

– Невер, разрешишь жене дать мне рецепт кваса?

Невер поразился просьбе и удивлённо расширил глаза.

– Марька, расскажешь боярину, как квас делать?

Та отвечала: – А почему нет? Конечно, подскажу и покажу сама! –

– Надеюсь – отвечал я. – Может быть по соседству будем скоро жить. -

– Как так, я не понял? – удивлённо протянул Невер. – Что-то боярин, загадки какие-то говоришь! Не пойму я тебя. Ты уж скажи, может мы в чём виноваты перед тобой?

– Знаешь Невер, ведь я пришёл тебя просить милости, к нам городским. –

– Не пугай нас, боярин. – Перепугался, самым настоящим образом Невер. Я понял, что тот в самом деле ничего не понимает и начал объяснять ему наши проблемы.

– Так мы всегда поможем, коли есть нужда- ответил Невер – Ты меня зови, я подскажу. Всё одно, я сейчас не сильно занят, а силы у меня ещё хватит, не каждый молодой против меня устоит. –

– Так я о том и прошу тебя, Невер. Ты можешь нам помочь, да не просто подсказать, а вообще на себя взять все подсказки на урожай и сев, да на весь год?

Минут 10 объяснял, что мы хотим от него. Наконец он сообразил и, в ужасе заломил руки: – Да что ты князь, куда

мне с сермяжным рылом в советчики к вам идти? –

– А ты сам посуди – какой из меня пахарь? Да и все остальные – ты же видал, одна молодёжь. Нам непременно нужен подсказчик, опытный и в годах. А уж мы к тебе, со всем нашим послушанием подойдём и будем во всём слушаться. Никто не посмеет тебе перечить, на то тебе власть будет дана. Поселим у нас с супругой твоей, со мной по соседству. Платить будем 10 гривен в год, соглашайся! –

Размер зарплаты, поразил мужика, а его жена, слушала наш разговор, у печи, не упуская ни единого слова.

– Как зовут твою жену? – спросил я.

– Марька- ответил Невер. –

– А по отчеству? –

– Откеля у ней отчество? – чуть не упал с лавки Невер.

Марька же ответила: – Отца крестили Ерофеем.

Я тогда обратился к ней: – Ты, Ерофеевна, повлияй на мужа. Нам медлить нельзя – урожай собирать не сегодня, завтра, а когда точно, никто не знает. Нам быстро ответ нужен. Чтобы уже завтра начал смотреть. Вы пообщайтесь недолго, а я выйду наружу. Но не на долго. Времени нет вообще. –

Я вышел и прошёлся по деревне. В прошлый раз здесь стояло, уж не помню сколько изб, но не меньше 30. Сейчас я насчитал 52 избы и полуземлянки. Вокруг жилищ были разбиты грядки, с которых уже что-то собирали. Через 15 минут я вновь зашёл в дом. Невер стоял, пригорюнясь. – А что же с домом будет? – спросил он.

– Не беспокойся, можешь в свободное время сюда приезжать. У тебя будет и лошадь, и телега. Если согласен, то я к тебе сейчас же пришлю людей с повозкой. Возьмёте самое дорогое и ездуйте в город. Чтобы к вечеру перебрались. Завтра дам один день на обживание, а послезавтра на работу. Сам знаешь – времени нет. –

Я вышел из избы и приказав одному из улан распорядиться насчёт повозки, вернулся к себе. Были у нас крестьяне и очень много, но в самом деле, слишком молодые, да и привыкшие к подсечно-огневому методу на бедных землях. А времени в самом деле оставалось мало. Соседние крестьяне уже, местами приступили к уборке озимых. Мы тоже решили начинать. Всех новичков разделили на 10 сотен, вперемешку парней и девушек и послали на край возделанных земель, разместив их полосой через 2 км.

Временно велели ставить палатки. Обеспечили котлами и посудой, быстро слепили уличные очаги под котлы, сколотили столы и навесы. Продуктами, их будут обеспечивать в полной мере. Мобилизовали жителей фортов, которые также ещё не все имели жильё. Ближайшие поля обработают жильцы города.

Срочно точились косы и серпы, подготавливались площадки для обмолота. Не хватало остро, опытных руководителей. Мы с Терей, упросили в 19 близлежащих деревнях, около 30 пожилых мужчин, возглавить отдельные бригады, на время уборочной страды. У нас имелись 16 тракторов с

кузовами, для перевозки урожая, а также ГАЗ 51 и ЗИЛ 131, с передним приводом. Кое-где, по указке соседей, начали косить. Работали по старинке парами. Парни косили, женщины работали серпами, вязали снопы, складывали в скирды и т.д. Пока колосья оставляли сушить.

Чтобы зерно не пропадало, осыпаясь, бригадам передали 100 парашютов, для подстилки. Конечно, это перехлёст. Но это последний раз. А парашюты потом постирают. В будущем создадим нормальные участки для молотьбы и др. Вечером в свободную квартиру Мананы, въехал Невер с женой. Я лично показал ему, как пользоваться санитарным оборудованием, примусом, душем и т.д. Но, пока предостерёг его от готовки обедов, предоставив возможность питаться в столовой.

Битва за урожай 1241.

23 июля. Вторник. На завтрак я позвал Невера и его жену. Как оказалось, Невера крестили именем Николай, а отца его звали Анисим. Так что я обращался к нему по имени отчеству. Его и его жену усадили с нами за один стол – Я, Теплов, Леонид, Теря, Милица. Наш стол был рассчитан на 10 едоков, как и все остальные, но к нам никто не подсаживался. Иногда с нами сидели жёны Леонида и Тери, Забава, но, как ни странно, наши с Тепловым, подруги, ни разу здесь не побывали. Я только сейчас, с огорчением признал этот факт. Невер с женой, чувствовали себя очень скованно, но мы старались не обращать на это внимания.

Невер, кстати, выразил готовность, немедленно приступить к делу. После завтрака, мы перешли в штаб, в предназначенный для Невера, кабинет и устроили там короткое совещание. Вся полнота власти переходила к Неверу. Ему и пятерым наиболее опытным крестьянам из наших жителей, надлежало выехать на лошадях, и первоначально, определить на глаз, готовность отдельных площадей к уборке. Составить план и очерёдность работ. А мы занялись повседневными заботами.

Следовало определить, кого из жителей города можно привлечь к сельхозработам. Оказывается, совсем немного. Пришлось привлечь педагогов -170 человек, всех улан и кадетов с супругами – 580 человек, притом многие женщины были в положении. Юнкеров и матросов –ещё 328. Сторожевую службу переложили целиком на офицерский корпус. Строители и мастера, пока, продолжали работать, но у них забрали 100 подмастерьев с жёнами. Стену продолжали строить, у них работы было выше крыши. Так что, набиралось 1278 человек. Всем им велено было завтра выходить на работы. Их разбили на 13 бригад, назначили старших, определили участки работ. Алёшке задали задачу, непременно разработать молотилку, а, если получится, то сеялку и уборочный комбайн. Трактора приносили нам кучу проблем.

Несовершенство их конструкций и отсутствие хорошей стали, приводили к частым поломкам. Трактора требовали ремонта после 40-50 часов работы. Но с этим приходилось

мириться. Особенно сложно обстояло дело с шестернями. Их отливали из бронзы, по имеющимся экземплярам, а потом дорабатывали напильниками, вручную.

Нужен был фрезерный станок, а желательно бы и долбежный. Но создать такие станки при имеющейся технологии не было никакой надежды. Однако, всему своё время. Мы ещё никак не могли договориться – стоит ли нам ускорять процесс технического развития, не готового к таким переменам, общества. Ещё из истории мы помнили, как английские ткачи поднимали восстания против ткацких станков и громили новые ткацкие фабрики. Как бы и нам не досталось на орехи. Но, тем не менее, трактора оказывали громадную, неопенимую помощь, особенно для вспашки и перевозки грузов.

Тормозилась работа практическим отсутствием опыта и навыков работы, подавляющего большинства нашего населения. Косой могли работать немногие. Из опыта прошлых лет, для сбора урожая с 1 гектара, включая скашивание зерновых несовершенными косами и серпами, и скирдование, требовалась работа 3-4 человек на 8-ми часовой рабочий день. Мы мобилизовали почти 3 тысячи человек, с учётом подростков. А это давало надежду, что зерновые, мы уберём за пару недель. Короче говоря, началось сражение за новый урожай 1241.

19 сентября. Четверг. Вот и можно сказать, что битва за урожай нами выиграна. Урожай собран, обмолочен, убран в амбары и 2 небольших элеватора на территории города. Как

и ожидалось, самые трудоёмкие работы пришлось на сбор картошки и лука. Кое-где пшеница успела осыпаться, но в незначительных количествах. Трактора, сразу, после уборки, начали пахать землю, а неделю назад, им стали помогать, освободившиеся от сбора урожая крестьяне, обычным плугом с лошадьёю.

Пока, вспашкой заняты 12 тракторов и 836 крестьян. Остальные трактора всё ещё перевозят урожай в амбары. В этом году мы вновь не успеваем вспахать все 200 кв. км. Все вместе, и трактора, и пахари с плугом, осиливают едва 4 кв. км. в день, а сроки посевной поджимают. Сразу за тракторами вновь идут сеятели. Тем не менее, запланировали поднять и засеять озимыми 160 кв. км., вместо 120 в прошлом году. Итак, что мы имеем? В Маргелово собрали урожай с 510 га, в Осколе 400 га, а у нас с 12 000 га, получив в общем 48 000 тонн пшеницы и 3700 тон гречихи, наших, селекционных сортов.

Из них, тут же, отложили 1300 тонн, чтобы засеять в сентябре 6000 га пшеницей. Других зерновых собрали почти 1000 тонн, кукурузы 560 тонн и подсолнечника 470 тонн, не говоря о громадном количестве других культур. Опростоволосились с картофелем. Его вышло, по некоторым оценкам, до 180 тысяч тонн, но, как мы ни бились, собрать его полностью, не удалось.

Хоть мы и пригласили всех жителей окрестных деревень и земледельческих, и рыбацких, договорившись, что они за-

берут себе всё, что добудут, бесплатно, но, почти 4 тысячи добровольцев, едва осилили по четыре тонны, унеся в свои жилища 16 тысяч тонн. Мы сумели вывезти 86 тысяч тонн, оставив в земле почти половину урожая – 78 тысячи тонн.

Да, замахнулись мы широко, а удар вышел, так себе. Пришлось примириться с этими потерями, но на следующий год решили не переусердствовать. А эти 2 тысячи гектаров, оставили под пар, не засевая ничем. Наши коллеги из Оскола и Маргелово сумели убереечь весь урожай. Собранного, только в Воронеже, урожая, достаточно, чтобы кормить в течении года, по крайней мере 300 тысяч человек.

Кстати, проведённая нами, без всякого умысла, акция, по бесплатной раздаче урожая картофеля, выявила приблизительное количество населения края. Несомненно, на бесплатный сбор вышли все, кто имел хоть какие-то силы, мужчины, женщины, дети, жившие не столь далеко, что смогли прознать об этом, а ещё и унести этот картофель с собой.

Грубо говоря, речь могла идти о территории в радиусе до 15-20 км от полей, примерно 1000 кв. км. и это давало основания полагать, что заселённость этих краёв, не включённых в состав Руси, едва достигает 10 человек на квадратный километр, что вполне соответствует исторической правде.

Мы были довольны тем фактом, что всё население в районе Воронежа, на весь год обеспечено едой, не только для себя, но и для скота, а это многого стоит. Да и мы теперь прогремим на всю округу, как кормильцы. До конца неде-

ли объявили праздник сбора урожая. Этим годом мы покончили с зависимостью от покупки продуктов питания, кроме специфических. Но наш главный агроном, надеемся, сможет решить и эти проблемы. Всю уборочную кампанию, Невер не слезал с коня, объезжая поля и распоряжаясь работами. Сейчас он разбивает участки под озимые.

Такого энтузиазма, как у него, мы ни у кого не видели. Человек вырос в своих глазах, почувствовал свою необходимость и это встряхнуло его, раньше едва получавшего по 600 кг с гектара, с огромными трудозатратами, обработанной земли, ещё и ожидая каждую минуту нападения кочевников, а то и своих ближних- русских, из Пронского, Черниговского или Новгород-Северского, княжеств, охочих до чужого добра.

Всё это время продолжалось строительство коттеджей в шести запланированных населённых пунктах и трёх фортах. Эту работу будут проводить до наступления сильных морозов. Каждую неделю строители рапортуют о сдаче в эксплуатацию 8-ми коттеджей. А всего нужно выстроить 300 коттеджей, плюс общественные здания. А я опять узнал, что Веселина с Баженой, вновь в положении. То же самое с Забавой у Теплова. Они, как два голубка, не нарадуются друг на друга, просто приятно смотреть.

Приятные плоды цивилизации.

31 декабря. 1241 года. Вторник. Жизнь вновь вошла в свою колею. В первых числах октября отсеялись озимыми

и наступила пора передышки. Мы с Тепловым до 16 часов преподаём науки юнкерам, педагогам, офицерам в академии и старшекласникам – детям наших жителей. Ликбез, силами курсисток, учит грамоте всех, без исключения жителей, в вечернюю смену, с 16 до 19 часов, по методу вечерних школ. Всех тех, кому за 30, учим читать, писать и считать новыми буквами и цифрами. Посчитали, что для этого достаточно 8 месяцев, как раз до следующего сезона посевных работ.

Ну а к детям, предъявляем более высокие требования. Для них предполагается обязательное 3-х летнее обучение, плюс ещё 2 класса, для одарённых. На большее пока не рассчитываем, мы ведь здесь всего то пятый год. Теперь мы можем констатировать, что мы тут оказались не напрасно. Нам удалось спасти от смерти и рабства, не меньше 200 тысяч людей различной национальности, в основном русских.

Мы создали регион, защищённый от посягательств монголов, включающий в себя территории Рязанского, Пронского, Муромского, Козельского и частично, Черниговского, Новгород-Северского, Переяславль – Русского и Нижегородских княжеств, которые в эти времена, согласно историческим данным, ежегодно подвергались разорению и истреблению.

Мы сумели создать небольшое автономное образование, в котором внедрились новые алфавит и цифры, жителей которого, мы в скором будущем, оградим от голода и создадим здесь промышленный район, опережающий в техническом развитии, самые передовые европейские страны. Но,

последние мысли, только в проекте. После обеда собрались на итоговое совещание этого года. Сначала выступил Невер, он же Николай Анисимович, главный агроном. Он перечислил цифры собранного урожая, засеянных площадей и т.п. Рассказал о плане посевов в следующем году.

Потом выступила Милица Путятична—отдел кадров. Население, собственно города, уменьшилось на 420 человек и составляет 2551 взрослых. Зато появились жители, переселившиеся в деревни и форты, обслуживания посевов. Там же живут и последние 1044 освобождённых из плена. Всего 8 деревень и 6 фортов, с общим населением 1654 человека, считающихся, тем не менее, воронежцами. При фортах поселились, образовав свои деревни до 300 взрослых эрзя.

Количество детей в городе составляет 794, при этом 180, появились за последние 5 месяцев. То есть в городе 523 ребёнка имеют возраст до 1 года, более 70 % от общего числа. Это обусловлено низким показателем среднего возраста жителей, который равен 28 лет, притом за последний год образовались более 800 семей. С декабря, все работающие на нас рабы, освобождены и все, кроме нескольких, согласились остаться жить у нас. По профессиям, в городе 716 человек являются военнослужащими, 140 человек учатся на педагогов, остальные работают, кроме 523-х матерей, имеющих малолетних детей.

Затем выступил Килибака- начальник отдела капитального строительства, уже несколько месяцев, как перебравший-

ся в собственный кабинет при штабе. На местах уже руководили, его ученики. Он доложил, что в коттеджных посёлках, выстроены 152 коттеджа, из 300 запланированных. В них уже живут 102 семейные пары и 600 холостых молодых людей разного пола, как в общежитиях, по 6 человек на квартиру, то есть всего, более 800 человек. Из-за холодов, строительство остановили, но с теплом, работы продолжатся. Стену подняли уже на два с половиной метра. Строительство промышленных объектов пока не ведётся, из-за необходимости первоочередного обеспечения населения жильём.

Начальник КБ, Алексей довёл до нас информацию об окончании работ по проектированию сеялки, что позволит к весне выпустить несколько штук, и это гораздо облегчит работу крестьян. Сейчас КБ проектирует молотилку. Выступали руководители предприятий с докладами о производстве керосиновых ламп, керогазов и примусов, ковров и тканей, обуви, мебели и т.д. Теплов немного проинформировал присутствующих о продвижении монголов в Европе.

Как и случилось в реальной истории, Монгольская армия, включающая в себя войска Галицкого, Полоцкого и Владимиро-Суздальского княжеств, разгромили объединённую армию крестоносцев под Легницей. Полностью захвачена Венгрия, а её король Бела, бежал в Далмацию. Войска монголов уже вышли к побережью Средиземного моря и захватывают земли, контролируемые Венецией. Кстати, мастер Ли Тун По, ознакомившись с нашими САУ, воодуше-

вился их идеей и создал пушку, стреляющую ядрами.

В западном походе, монголы смогли воспользоваться отлитыми в Сарае пушками, которых у них имелось 12, но с ограниченным количеством пороха. Тем не менее, пушки помогли монголам захватить несколько крепостей, разрушив ворота ядрами, размером с баскетбольный мяч. Совещание затянулось до самого ужина. На ужине, мы обратили внимание, что столовую посещают всего, чуть больше 300 человек. Ещё столовая кормит обедом 250 чужих и 172 своих детей, обучающихся в нашей школе.

Второй этаж столовой, рассчитанный, как и первый, на 750 человек, уже не используется. Пора бы приспособить его для других нужд. В городе, из железа, добываемого в Осколе, уже научились катать листы и сваривать их в трубы, из которых, наконец-то, обеспечили почти все квартиры водопроводом и отоплением. Однако, пользование такими благами цивилизации, повлекло за собой необходимость создания соответствующих служб по их ремонту, с появлением таких специальностей, как сантехники, водопроводчики, электрики, дворники, управдомы и т.п.

Город, вообще, приобрёл вид заштатного городка, где-то на просторах СССР, как там было в 50-е годы 20 века. Люди изменились, самым удивительным образом. Грамотность, независимое положение, хорошее питание, одежда, уверенность в завтрашнем дне, превратили, ранее забитых и голодных оборванцев, в людей, гордо несущих свою голову и,

очень доброжелательных, весёлых горожан. Люди дружили, ходили в гости. А ещё одним положительным фактором, являлась относительная молодость населения. В клубе, по выходным, устраивались вечера, где молодёжь играла в свои русские игры, и устраивала хороводы. Если было тепло, то народ гулял снаружи здания. Однажды я слетал в Маргелово, чтобы привести некоторое количество рублей и заодно привёз киноаппарат.

В течении последних трёх месяцев, каждую субботу я крутил по вечерам фильмы. Заодно, юнкерам и офицерам, показал учебный фильм про обслуживание и устройство САУ, и про ВДВ. Между прочим, увидев моды того времени, многие начали носить брюки, правда с сапогами. А девушки и женщины платья и юбки, конечно, достаточно длинные. Приобщение к невероятным тайнам, заставляла население гордиться и очень высоко ценить свою причастность к нашему обществу.

Наверное, единственное, чего боялись эти люди, так это возможности потерять эту причастность, потому что, самым страшным наказанием за проступки, служило изгнание из города. Такие случаи, приключались изредка и, как мы помним, однажды, подобный случай, привёл к самоубийству одного из офицеров. Ни Теплов, ни я, даже после получения титула архонта и права называть себя князем Кастамонским, вели себя достаточно демократично и никогда не избегали встреч со своими гражданами.

К тому же, все видели, что мы не стремимся к роскоши. Но, с другой стороны, техническая революция, требовала от людей активной жизненной позиции. Медлительность, присущая этому веку, выводила нас из себя. Людей было очень трудно раскачать и заставить работать, и думать быстрее. Но мы, с этим недостатком боролись. В 11 часов вечера, все, имеющие возможность прийти, не стоящие в карауле и на дежурстве, с жёнами и детьми, собрались в столовой, где по случаю нового года, устроили торжественный вечер на обеих этажах.

Собралось примерно полторы тысячи человек, не считая детей. Присутствовали директор рынка, старосты деревень, тоже с жёнами, что было для них непривычно. Я и Теплов, по очереди поздравили сограждан с наступлением нового 1242 года. Пожелали успехов и всего, что обычно желают в таких случаях. Выпили за старый год, а в 12 часов, встретили новый год.

Было разрешено выстрелить в небо из пяти ракетниц, по три ракеты. Приготовили прекрасный ужин, для которого, я и Теплов подсказали рецепт салата оливье. Вечер удался на славу и, наверное, надолго запомнился приглашённым и нашим согражданам. Играл самодеятельный оркестр, для которого Теплов, закончивший музыкальную школу по классу фортепьяно, сам игравший ещё и на гитаре, подготовил несколько музыкальных композиций. Под звуки музыки, он станцевал с Забавой, что-то вроде вальса. Народ оценил и

долго аплодировал. Я ушёл со своими подругами в 3 часа ночи.

Детей мы оставили с пожилой женщиной из наших. Когда мы вернулись, дети уже давно спали. Моим подругам очень понравился вечер, и они ещё целый час делились впечатлениями. По радиации поздравили Оскол и Маргелово с новым годом, в которых тоже проводились праздничные мероприятия.

Планы нового похода.

17 февраля. 1242 года. Понедельник. Судейкин напомнил, что в марте, армия Батыея начнёт отход из Европы на Волгу и в Северо-восточную Русь. Нам следовало бы, воспользовавшись победами монголов и паническими настроениями правителей отдельных стран Священной Римской Империи, прихватить свой кусок пирога, напасть на Далмацию и, возможно, на Венецию. Однако все мы понимали, что до вскрытия рек, эта акция невозможна. Идти же пешком тысячу километров, нереально.

Судейкин попросил всех ещё раз подумать о направлении военного похода в этом году и его сроков. Жаль было не воспользоваться победами Батыея, но наше положение и скромные возможности, не позволяли провести в жизнь эти идеи. Судейкин сообщил, что князь Ингварь, узнав о произведении членов «Совета десяти» в княжеское достоинство в Византии, присвоил всем нам должности бояр, с правом голоса в княжеской думе, а Судейкину ещё и даровал звание князя

Переяславль –Рязанского.

Судейкин же, заронил в уме князя Ингваря идею – о признании его, царём государства, создаваемого на обломках Киевского, Черниговского, Новгород-Северского и других княжеств, уже контролируемых Рязанью, с коронованием на царство, патриархом Константинопольским и признанием Византийской империей. Столицу перенести в Киев или Чернигов. Государство назвать «Русь». Для этого, уже сейчас, начать переговоры с Константинополем, которые, наверняка, затянутся на 2-3 года, то есть как раз, к моменту ухода монголов из пределов Руси.

А мы, в свою очередь, возьмём на себя переговоры с Батыем и попросим его выдать ярлык князю на царство. Всем правителям городов, находящихся в подчинении нашего Совета, даны указания, строить, в обязательном порядке, школы, рассчитанные на 3 класса и подготавливать их к началу учёбы с апреля сего года. Поэтому, к первому апреля, здания должны быть выстроены и готовы к приёму учеников, согласно принятому закону о всеобщем обязательном начальном образовании на территории России. К учёбе должны приступить все дети, в возрасте от 7 до 10 лет, отдельно мальчики и девочки. В города будут направлены учителя из Воронежа, мужчины для мальчиков и женщины для девочек.

Родителей, не пустивших детей в школу, подвергать штрафу. А ещё одним законом, провозглашённым на территории нашей России, явился закон о временном разрешении мно-

гожёнства, в связи с огромными потерями мужского населения во время монгольского нашествия. Жён можно было брать столько, сколько мужчина мог себе позволить, в силу своего состояния. Все жёны должны иметь равные права перед законом и мужем, равно, как и дети от этого брака.

На случай развода с одной из жён, бывший муж обязывался поддерживать её материально, до вступления её в новый брак, путём уплаты алиментов. Этот закон был принят под давлением тех из нас, кто имел наложниц, в том числе и сам Судейкин. Протащить этот закон стоило большого труда, но мы уломали духовенство, уверив их, что такое положение сохранится лишь до восстановления примерного равенства в соотношении между разными полами, приводя в пример ситуацию в мусульманском мире, которые также приняли подобный закон, в связи с потерями, понесёнными в результате завоеваний арабов.

Закон был, в сущности, вполне справедливым. В самом деле, невыносимая убыль мужского населения, породила массовое одиночество среди женщин, вынужденных бороться за мужиков, во многом оставаясь вдовами и старыми девами, что не позволяло им познать радость материнства, а государству недополучить граждан.

Подобная ситуация не раз повторялась в России, вплоть до 1-й и 2-й мировых войн 20 века. Отношение мусульман к этой проблеме, казалось нам вполне разумным и логичным. Вторым этапом к этому закону, мы считали, отмену

безбрачия для священнослужителей. По России вступил в силу закон, позволяющий её гражданам быть приверженцами любого вероисповедания, не призывающего своих последователей к смене власти, нанесению ущерба государству или к вражде с другим течением.

К апрелю, типография получила заказ напечатать ещё 10 тысяч листов, на которых были обозначены буквы старого и нового алфавитов, новые цифры и таблица умножения. Против букв, привести их названия по старой системе, то есть аз, буки, веди и т.д. Кстати, зарплату учителям, берёмся выплачивать мы, а содержание здания, город. Я и Теплов начали соображать, куда же всё-таки направить наши завоевания?

Принятое ранее решение, о морском походе к Триесту, казалось уже нам слишком сложным. Плавание вокруг Греции, по бурному морю, в окружении врагов, слишком опасно. Мы склонялись к путешествию по Дунаю и лучше всего, в мае месяце. О своём решении, сообщили в Маргелово. Известие о признании моих наложниц, жёнами, привело к их бурной радости, чего не скажешь о настроении Забавы.

Теплов вообще оказался в двусмысленном положении, но должен был мириться с законом, понимая, что дети от его наложниц, приобретают законное право, называться его полноправными детьми. Конечно, Теплов не стал от этого любить своих наложниц больше, чем до этого, но они обрели уверенность в завтрашнем дне и, кроме того, вполне могли выйти вновь замуж, считаясь разведёнными. Для нас стояла

задача, выпустить к апрелю своих 170 педагогов, из которых 70 – женщины.

Как-то примут их в городах? Женщина учитель, для этих веков, понятие новое и очень непривычное. Но для этого мы и приняли закон о раздельном обучении. Главное начать, приучить народ, а потом они привыкнут. Предварительно составили список городов России и провели жеребьёвку среди будущих педагогов, чтобы они заранее знали, куда им ехать. Как оказалось, городков и крупных деревень, где надлежало открыть школы, оказалось, даже после такого разорения земли Русской, более чем достаточно. Фактически, для всех выпускников, нашлись места в нашем небольшом регионе. Только на территории Пронского княжества, населённых пунктов с количеством жителей более 200 человек, насчитывалось до полусотни. А в пределах нашей России, гораздо более ста. 10-15 педагогов, мы планировали оставить у себя.

23 февраля. Воскресенье. Сегодня день СА и ВМФ. Во время завтрака, нам пришла в голову мысль – А почему бы не установить здесь соответствующие праздники? Стали вспоминать какие-нибудь факты из нашей жизни. Наконец вспомнили о том, как принимали присягу нам, первые 25 воинов Микиша. Это событие произошло 4 июля 1237 года. – Ну вот и прекрасно! Так давайте считать эту дату, днём создания Российской армии! Мы тут же записали это число в свои записные книжки.

Тогда надо определить день создания ВМФ. Кое-как вспомнили, что спуск первого нашего корабля «Рязань», состоялся 1 июля 1238 года. – Вот, здорово! Всего три дня разницы и один год. – Может объединить эти праздники? – предложил я.

– Нет- сказал Теплов. -Надо об этом рассказать всем, пусть определятся.

– И то верно –согласился я. Мы тут же и передали это предложение в Маргелово. Судейкин с нами согласился и сказал, что он подумает. Позднее мы приняли решение отмечать эти два праздника вместе 1 июля, но годы оставить соответствующие. Опять начали думать – На кого бы напасть? Больше всего вырисовывалась Австрия. Эта страна, наверно, больше всех в истории, напакостила России. Вспоминается Суворовский марш через Альпы, к которому его принудила Австрия, геноцид русинов, перед первой мировой войной. Изобретение «украинского» языка и насаждение его среди русских, живших на территории империи и много других фактов.

На том мы и порешили, что, если кого надо наказать, так это австрийцев. Эту идею также переслали в Маргелово. А мы начали строить маршрут. Определились, что плыть надо по Дунаю, до Вены, а там же и воздать им за все их грехи! Ещё подумали о том, что всё-таки следует пощипать и Триест. Уж больно богатый город! Здесь следует поступить таким образом – вернуться к Белграду и по реке Саве, плыть

до Любляны, а оттуда рукой подать. Записали маршруты и свои соображения на этот счёт и переслали в Маргелово. Вот и решили задачу.

Конечно, неизвестно, как примут эту идею остальные архонты. Мы решили, в шутку, называть друг друга архонтами.

– Кстати, заметил я: – Ведь ещё просто необходимо посетить свои поместья.

– Так и сделаем, – согласился Теплов. – Я, так и быть, опять отпущу тебя одного. Решай свои проблемы сам. Мы перешли в кабинет Теплова, и я выдвинул там, ещё одну идею – А что, если мы создадим на побережье Чёрного моря, у Синопа, санаторий для отдыха и нас, и трудящихся России?

– Недурная мысль, ответил Теплов. – Тебе и карты в руки, а я обеими руками «За»! Идея в самом деле была замечательной. Кто в это время, может себе позволить отдыхать на берегу моря, загорая и попивая коктейль? Только короли и герцоги, может быть ещё и графы, но уж, конечно, не какой-либо ткач из Манчестера или смерд из Новгорода. Почему бы не поломать эту систему? Разве люди не заслужили этого? Над этим следует серьёзно подумать, но теоретически, это вполне можно претворить в жизнь.

Далее мы перешли к обсуждению увиденного когда-то Тепловым, фотоснимка с роскошным катамараном. Он обрисовал мне его в деталях таким образом, что я его представил, как наяву. Если сделать его чуть больше и пустить по туристическому маршруту Воронеж – Синоп, перевозя группы

отпускников на курорты Чёрного моря, то мы можем неплохо заработать на этом. Мне кажется, сам хан Батый не откажется от такого отдыха.

Мы посчитали эту идею стоящей, но для этого необходимо строить верфь и не в нашем «аппендиците», где наши корабли едва помещаются, а выше по течению, в том месте, где в будущем вырастет город Воронеж. Эта идея показалась нам стоящей, и мы тут же отправились в конюшню и, заседлав коней, поскакали к реке. Нас сопровождал десяток улан, так уж было принято и мы считали это необходимым.

Проехали через рынок и посёлок при нём. Надо сказать, что дальше паромной переправы, мы ещё не бывали. Мы проехали на 5-6 км выше по Воронежу, внимательно рассматривая берег реки. Однако посчитали, что надо строить верфь ближе к крепости. Вернулись назад и, наконец облюбовали хорошее место, в 2-3-х км от крепости. Достаточно пологий и ровный берег, широкая река, более километра шириной.

Залив, образованный полуостровом, вдающимся в реку на сотню метров. Это место нам подойдёт. Возможно, позже, мы все переедем сюда. Мы минут 15 осматривались здесь, но в итоге, остановились на этом решении. Вернувшись в город, продолжили обсуждать новый проект. Во-первых, будем строить все здания из кирпича. Здесь будет постоянная верфь, на многие годы. Дома для рабочих, здание управления, инфраструктура. А корабль надо начинать проектиро-

вать.

Я предложил Теплому нарисовать картинку и передать в КБ, а там они уже нарисуют детали. На этом и порешили. Поставили в известность Маргелово и получили от них добро. Надо приглашать корабелов. А что, если, пока они придут, построить им дом на 40 квартир из кирпича? Завтра и начнём, решили мы и разошлись по квартирам. Вечером собрались у меня в кабинете вдвоём и отметили праздник, как полагается.

Наши достижения.

24 февраля. Понедельник. Утренняя пробежка, физзарядка, лекции до 16 часов, потом совещание. Килибака сообщил, что, поскольку морозы немного отступили, завтра продолжат строительство коттеджных посёлков и фортов. Мы изложили новую задачу для строителей. Килибаке указали на район строительства и велели разметить территорию и представить нам проект строительства посёлка кораблестроителей. У Килибаки имелся в ОКСе проектный отдел, где несколько человек занимались проектированием посёлков, фортов, отдельных зданий. А жил Килибака, в бывшей квартире Теплового, потому что его жёны поселились в отдельных квартирах, в многоквартирном доме. Это немного разрядило обстановку на нашем этаже. Леонид довёл до нас наше финансовое положение, которое было просто прекрасным. Мы уже вышли на самоокупаемость и даже начали получать приличный доход от производства.

Не смотря на зиму, работала ямская почта до Курска и Оскола, от Курска к Брянску и Козельску, а от Пронска сделали тракт до Козельска и Рязани. Ну а там работала трасса Рязань –Переяславль Рязанский -Коломна –Москва. Пакет из Рязани доставляли в Москву, менее, чем за 3 дня, если он был не спешный, а если спешный, то вдвое быстрее. Между прочим, мы добивались, чтобы в восстанавливаемых, после пожаров городах и сёлах, улицы выстраивали ровными, давали им названия, а домам номера.

Огромной проблемой стала нехватка бумаги. Всё, что у нас было, извели, в том числе и школьные тетради. Оставалось некоторое количество офсетной бумаги для газет, да пачка бумаги к пишущей машинке. И без того, в школе, учащиеся писали на много раз исписанных листах, а потом вновь стирали написанное и листы рвались. Писали свинцовыми карандашами по дощечкам. Бумага продавалась, но стоила очень дорого и было её очень мало. Надо было искать специалистов.

Нам удалось узнать, что в настоящее время, производством бумаги занимается Италия и Испания, а в Азии –Индия, Китай и Арабы. Так что имелись два варианта – Венеция и Багдад. Остановились на первом варианте, раз уж мы собираемся напасть на Триест.

Этой необходимостью можно было оправдать свой поход в Европу. Оставалось ждать вскрытия рек. Я перед ужином заглянул к врачам, которые размещались у нас на первом эта-

же учебного корпуса, занимая два противоположных крыла крестообразного здания. Помещения были поделены на 4 кабинета по 27 кв.м и лазарет на два отделения по 40 кв.м, где стояли по 8 коек.

Хоть и преобладала у нас молодёжь, но больные не переводились. Чаще всего попадали с травмами, бывали и тяжёлые случаи. Не удалось спасти двоих, слишком любопытных, ковырявшихся в розетках и поражённых электротоком. А ведь про электробезопасность учили всех, даже на курсах ликбеза. Электричество имелось не у всех, но сталкиваться с ним приходилось. К примеру –освещение города, электрические инструменты, моторы.

Здесь заправляли ведуны –муж и жена Мизгирь и Молчана, в другом кабинете врач Тарас и медбрат Остап, в третьем турок Таркан, специалист ухо-горло-нос, а в четвёртом принимал второй турок, Эрдоган. Он рвал зубы и лечил внутренние болезни.

Однако, с зубами он занимался больше всего. Зубы выходили из строя очень часто, хотя в Воронеже, в связи с лучшей санитарной обстановкой, эти показатели были на порядок ниже, чем в целом по всему миру. Вот и я, с ужасом, ожидал, когда тревожащий меня зуб, выйдет из-под контроля и заявит о себе. Меня интересовало, как распорядились мои подручные с привезёнными инструментами. И я был успокоен в этом плане. У Эрдогана на столе были разложены блестящие инструменты 20 века. Щипцы, зеркала, изогнутые

железяки, пинцеты и т.п. Эти инструменты, хотя бы, не пугали пациентов уже при первом взгляде на них, а привлекали своей чистотой и блеском. У Эрдогана, как и договаривались, имелись 4 помощника, они же и ученики, работающие по очереди.

В основном, их помощь требовалась при удержании пациента, во время лечения. Как ни странно, Эрдоган не всегда вырывал зуб, а часто прибегал к лечению. Оказывается, существовали методы борьбы с кариесом. Он мог чистить дупла и вставлять пломбы, которые держались достаточно долго. Были у него свои секреты, которые он передавал ученикам. Я порадовался, что нам удалось достать таких врачей, которым грозила смерть во время захвата Судака монголами.

Турки прекрасно знали, что случилось с их городом и его жителями и были нам благодарны. Уезжать отсюда, они уже не собирались, хотя мы и обещали их отпустить ещё через год. Жизнью своей они были довольны, имели семьи и жили в многоквартирном доме. И у других врачей было на что посмотреть. У Таркана имелся прибор – «Рефлектор лобный», в просторечье – «Зеркало головное», помогающее заглянуть в ухо. Воронка, расширители, пинцеты и т.п.

Всему этому, врач нашёл применение по прямому назначению. Между прочим, имелись различные капли, для чего-то. Эрдоган знал, для чего. Я привёз кучу хирургических инструментов, но мне некогда было разбираться с ними. Молодцы Алёшка и его ребята, которые разобрались с ними и

научили врачей их назначению. Из 40 ампул новокаина, я 10 штук оставил себе и Теплому, на всякий случай, как и 10 бутылочек пенициллина. Остальные лекарства отдал врачам.

Пенициллин спас уже немало жизней, его применяли обычно для детей, но его было катастрофически мало. Привёз я ещё кучу таблеток и мазей, в которых врачи разобрались и применяли. Я уже писал, что люди этого времени, имели во много раз большую восприимчивость к лекарствам и одна таблетка пенициллина, чудесным образом вылечивала гнойную ангину у детей, для чего, в 20 веке, потребовался бы курс лечения с уколами. Вот бы найти способ его изготовления!

Но мы понятия не имели из чего его делают, только помнили, что из плесени. Посещение врачей оставило, в целом, неплохие впечатления. Одно из самых главных требований –чистота, соблюдалась неукоснительно. Врачам показали микроскоп, а через него, содержимое обычной капли воды. Врачи часто пользовались микроскопом, ради любопытства, рассматривая различные вещества.

Мы возлагали большие надежды на учеников врачей. Может кто-то из них сумеет сделать открытие пенициллина, тем, более, что они были в курсе об этом. Пусть делают опыты. У них имеется всё необходимое для этого, в том числе и время. Научные изыскания мы поддерживаем всемерно, поощряя это направление

2 апреля.Среда. Неделю назад состоялся выпуск педаго-

гов. 100 парней и 70 девушек. К сожалению, парни проучились гораздо меньше девушек, но время требовало. Даже те знания, что они получили, были передовыми для Руси. Если они передадут их детям, то это станет революционным скачком, и поднимет интеллектуальный уровень народа на недоступный ранее уровень. Показательно, что все 60 замужних учительниц, имели мужьями своих сокурсников, так что как раз 60 семейных пар отправлялись в 60 местечек России, для преподавательской деятельности.

10 холостых девушек и 10 педагогов, женатых на обычных девушках, оставляли в Воронеже для своих нужд. Ещё 30 педагогов отправлялись в малые селения, где обучение будет вестись совместно для разных полов. Если наш проект удастся, то через год, по крайней мере, 2-3 тысячи детей узнают грамоту и цифры, а через три года будут, можно сказать, учёными. А ведь они ещё будут учить и взрослых, тех, кто добровольно захочет учиться. Мы почему-то уверены, что люди потянутся к знаниям.

Ведь это открывает новые возможности, новую работу, перспективы. Однако, посмотрим. По тракту, на Курск, а оттуда на Пронск, Козельск, Переяславль, Коломну и другие города, и сёла нашей, ещё небольшой России, отправились десятки саней, с сотней уланов, чтобы никто не посмел их тронуть. А потом они распределятся во все стороны. Школы построены, детей приготовили. Вчера должны были начаться занятия.

Мы получили сообщения из радиофицированных городов, что всё пока идёт нормально. А мы уже набрали новый курс, пока 100 человек – 4 группы. В Маргелово тоже устроили курсы для 200 педагогов. На этот раз, хотим учить их не менее 2-х лет. Среди новых студентов, уже нет девушек. Мы обожглись на этом. Девушки слишком рано выходят замуж и рожают детей, после чего, бросают работу и с головой уходят в домашнее хозяйство, и воспитание детей. Так что остаёмся при старых понятиях.

Учитель, в эти времена, должен быть мужчиной. У нас набрали абитуриентов из местных и своих ребят, посещавших нашу школу и имевших возраст, от 16 лет и старше. Таковых набралось 77 человек. Ещё 23 добровольца вышли из молодых уланов, прошедших ранее годовое обучение грамоте. Мы стремились начинать учебный год с сентября, но время поджимало. Сегодня на совещании, рассматривали вопрос о ходе весенних полевых работ, которые начали с 10 марта.

За зиму изготовили ещё 2 трактора. Один отправили в Оскол. КБ закончило проектирование сеялки, и наши работники изготовили первый экземпляр, который успешно прошёл испытания. Сеялка имела ширину в 4 метра и прицеплялась к трактору. На ней стоял человек, наблюдающий за глубиной посева и заполнением бункера, который мог в ходе работы, регулировать устройство. Механизм был не сложный и после устранения недоделок, найденных в процессе испытаний, их начали немедленно выпускать.

В работе 8 сеялок, а нужны нам не меньше 15 штук. Одновременно, прошла испытание и картофелесажалка. Если эти машины будут работать, то они сэкономят работу тысяч человек. Конструкция механизмов допотопная, но для этого века непревзойдённая. К примеру, в картофелесажалке, два парня, стоя на агрегате, вручную бросают картофелины, каждый, в свои 2 борозды, которые аппарат заравнивает следом. Бросают, ориентируясь на глаз, но и это прекрасно. Безусловно, работа по улучшению конструкций, будет продолжаться и, с каждым годом, механизм будет становиться более надёжным и технологичным.

Уже подсчитано, что каждая такая бригада из тракториста и сеятелей, заменяют сто человек с лопатами, сажая от 2-х до 3-х гектаров в час. Конечно, будут ещё работать машины, доставляющие посевной материал, грузчики, механики, ремонтники и др., а всего чуть более 300 человек. Сейчас уже ясно, что в этом сезоне, не будем привлекать к посевам всё население. По темпам посевной, вполне справимся в срок малыми силами. Из Маргелово поступила информация, что Ливонский орден, выполняя призыв Папы Римского о крестовом походе против Руси, захватил города Изборск, Псков и уже приблизился к Новгороду.

Мы знаем, что всего через три дня произойдёт, так называемое «Ледовое побоище», где войска новгородцев, суздальцев и монгольского отряда хана Менгу, разобьют крестоносцев, заставив их на несколько лет утихомириться. Есть

предложение, в следующем году напасть на них самих, чтобы они вообще забыли о нападениях на Русь. Как раз, в следующем году, Батый вернётся в свою столицу Сарай и начнёт раздавать ярлыки на княжение русским князьям.

Все мы поддержали это предложение с энтузиазмом. Однако река Ока всё ещё не вскрылась и держит Маргеловцев, не давая выступать в поход, а у нас уже началось половодье. Килибака доложил, что через два дня состоится приёмка жилого дома на 54 квартиры для кораблестроителей, прибывающих с маргеловцами. Для отопления дома строится котельная, рассчитанная на 5 таких домов. Там же ставят навесы, для защиты от дождей, при строительстве корабля.

А нам пора приводить в порядок свои, отзимовавшие корабли, готовя их к походу. К казакам послали гонца с предупреждением о выходе в поход. Ответ пришёл через 4 дня. Казаки, весьма довольные итогами наших выступлений, пообещали в этом году выставить 700 человек. Договорились, что мы предупредим их о начале похода заблаговременно.

Дунайский поход 1942 года.

16 мая. Пятница. В этом году выступаем раньше. Благодаря технической поддержке машинами, посевную кампанию удалось завершить раньше. Что мы имеем? Практически те же самые люди и в том же числе. Рязанские и Пронские драгуны, нашего полка, уже на четверть вооружённые ружьями - 500 человек, 300 молодых юнкеров, Слушатели академии - 100 человек и 250 своих драгун. От нас – гвардей-

ская офицерская рота -100 человек, 80 молодых юнкеров, 100 матросов, 200 драгун. Всего 1630 человек, не считая нас-я, Судейкин, Забуиров, Семёнов, Марченко, Зотов.

Лишь Забуиров сменил Иманкулова. В устье Хопра ждут 700 казаков со Степаном Кочебором. Получается 2330 бойцов, уже не впервые ходивших в походы и нашедшим в этом немалый интерес. С маргеловцами прибыли корабли, которых поселили в новом посёлке кораблестроителей, в 3-х км от крепости. Они тут же начали строительство корабля по нашему проекту. В 11 часов мы выплыли в Дон и путешествие началось. Как всегда, флагман крейсер «Русь», за ним фрегат «Воронеж» и замыкающий, корвет «Ока». На мачтах полощутся Андреевские кресты.

21 мая. Среда. В 9 часов утра входим в устье Дуная. Ре-

ка знатная, глубокая и широкая. От Воронежа до устья Дунай мы добирались 5 суток. Плыли вдоль Крыма и нигде нас никто не потревожил. Попадались корабли венецианцев, но они сразу же уходили с нашего маршрута, сворачивая в открытое море. Мы не пытались их преследовать. Но вот мы вошли в Дунай и пошли вверх по реке, под парусами, чтобы не возникало лишних вопросов у местных жителей. Совсем недавно, всего месяц назад, здесь пробежались монголы и все поселения, попадавшие нам, затихли в страхе, даже не пытаясь приблизиться к кораблям с неизвестным флагом.

Встречающиеся лодки и баркасы, увидев паруса издали, спешили укрыться в заводях реки. Корабли крупнее, если была возможность, жались к берегу, готовые в любую минуту, покинуть корабль и бежать в ближайший лесок. Мы никого не трогали, но известие о продвигающейся вверх по реке эскадре, летела впереди нас. Видимо, кто-то распорядился передать весть дальше, но никто не мог себе представить, куда мы направляемся и где наш конечный пункт. Несколько раз на берегу видели вооружённые отряды, которые разглядывали нас издали. Ширина реки в этих местах, редко где превышала 1 км, а мы плыли по середине, но 500 метров, расстояние не столь большое, чтобы любопытные не разглядели на палубах кораблей множество вооружённых пассажиров. К Судейкину обратился кок корабля, доложив, что вода в Дунае мутная, с неприятным запахом и для приготовления пищи не годится.

Это известие несколько убавило нам радости от благополучного перехода. Было приказано подойти ближе к берегу и искать впадающие речушки. Однако попадались лишь рукава и ответвления самого Дуная. Примерно в 50 км от устья появилась крепость на левом берегу реки. Это было странно, поскольку все деревушки по берегам реки носили следы пожаров и были в большинстве разрушены. Мы подошли к крепости ближе и остановились, бросив якоря. На флагштоке крепости плескался генуэзский флаг. С крейсера «Русь» спустили шлюпку и направили к крепости.

Через некоторое время, шлюпка вернулась, привезя информацию о крепости. Это было поселение-фактория генуэзцев и называлось Килия, сокращённое от более старинного названия Ахиллия. Крепость, месяц назад сдалась без боя монголам, признав их власть над собой и обязалась выплачивать дань. Монголы ограбили город, забрав почти всё ценное и ушли. До сих пор ещё ни один генуэзский корабль не входил в гавань Килии, ожидая, когда улягутся все страсти.

Жители города, оставшись обобранными, кормились рыбой и огородами. Консул города и комендант крепости, Джузеппе Антониони сообщал, что он не станет сопротивляться нам и готов сдать крепость. Его обрадовали, что мы не собираемся их грабить, а всего лишь, ищем чистую воду. Консул, тут же, обещал нам, показать ручей, из которого брали воду жители. Судейкин пригласил консула на корабль, пока матросы набирали в бочки, воду из впадающего в Дунай ручья.

Между консулом и Судейкиным прошла беседа. Консул сообщил, что за последний месяц ни один корабль не проходил мимо крепости. В конце марта и начале апреля, в этих местах прошли монгольские войска, уходящие на Волгу, воины которых, грабили попадающиеся городки и сёла, невзирая на то, что Болгария, подчинилась им и обязалась выплачивать дань.

Очень многие люди бежали с пути отходящих армий и до сих пор ещё не вернулись. Корабли генуэзцев, стоящие до этого в порту, заблаговременно уплыли в Кафу и ждут известий. Консул пожаловался, что им нечем будем отразить нападение, даже небольшой банды разбойников. Консул был в курсе нашего появления в Кафе в прошлом году. а также слышал о поражениях венецианцев нашим флотом.

Так что сразу сообщил, что генуэзская республика не хочет обострения отношений с Россией и имеет желание с ней подружиться. Судейкин тоже высказался о желании дружить и попросил консула, при проявлении возможности, поставить в известность правительство республики о наших намерениях, о заключении взаимовыгодного мира, между нами.

Консул был счастлив, что всё обошлось мирным путём и отбыл к себе, а мы, наполнив все резервуары питьевой водой, продолжили путь. Первым крупным городом на нашем пути оказался Доростол, которого мы достигли **22 мая** в 3 часа ночи. Город был знаменит своей богатой историей и, в настоящее время, принадлежал Болгарии. Именно здесь, в

971 году, князь Святослав, героически сражался с византийцами, вынудив их, в результате переговоров, согласиться выпустить русов из города и разрешить возврату домой. А вот коварные болгары, подослали гонцов к печенегам и подговорили их напасть на Святослава, что те и сделали.

Святослав во время нападения, был убит. Сейчас, в темноте, проходя мимо, можно было разглядеть крепость, стоящую от нас слева, в которой светились несколько огоньков, но в основном, наблюдалось незначительное присутствие людей. Весь день мы плыли мимо разрушенных городков и сожженных деревень, в которых копошились люди, восстанавливая себе жильё. К нашей эскадре, люди, по-прежнему, проявляли страх и держались настороженно.

23 мая. Пятница. Ночью прошли мимо крупного города Видина, будущей столицы Видинского Царства, если оно ещё состоится. Везде царило запустение и разруха. До сих пор ещё не попалось ни одного крупного корабля. Встречались только рыбацкие лодки. Но здесь уже гораздо чаще стали попадаться люди и по берегу налаживалась нормальная жизнь. Ещё три часа, и мы плывём по королевству Венгрия.

Начали попадаться более крупные корабли, типа ладья, баркасы. Но и здесь они пугливо жались к берегу, готовые в любой момент покинуть судно и бежать. Так и продвигались, не спеша. Белград миновали в 2 часа ночи **24 мая, субботу.**

Ровно через сутки, **25 мая,** миновали Будапешт. В темноте ничего не разглядели. Следующей станцией стала Брати-

слава. Прошли Эстергом, под утро. Крепость была разрушена местами и на её стенах работали люди, восстанавливая. К Братиславе подошли в 14 часов. На берегу реки за нами наблюдал отряд рыцарей, человек в 40.

Они проводили нас взглядом, оставаясь на месте. А далеко впереди мы разглядели паруса корабля, плывущего к Вене. По берегу, обгоняя нас скакали с десятков всадников. До Вены оставалось плыть часа три. Мы уже плыли по не тронутой территории и нам попадались селения, с цветущими деревьями, домиками с черепичными крышами, куполами кирх, почти в каждой деревне. Колокола звонили, то ли время отбивали, то ли поднимая тревогу. К 18 часам вышли к Вене. Для идущих вверх по реке, она оказывалась по левую руку, к югу.

После битвы на Шайо, король Бела бежал на Запад и угодил в заложники к австрийскому герцогу. Он долгое время провёл в Вене. Выкупившись из плена золотом и землей, Бела IV с мая 1241 года осел в Загребе. Усиленный тумен Кадана и Ногая осадил Загреб. Именно тут, по данным разведки, сидел царь унгвар с новой армией. Чингизиды отправили нукеров на быстрый штурм и после ожесточенного боя город пал. Монголы перерыли хорватскую столицу и вырезали всех. Никаких войск у мадьяр не было. Царя не нашли, и никто не знал, где он.

Чингизиды разбили тумен на 2 части, взяв по полови-

не Хорватии. Тысячи разбились до сотен и огромной облавой, помчались искать королевскую берлогу. Сильно сказывалась усталость и снижение качества войск. Загреб стал единственным покоренным городом. У венгерского короля Белы IV не было войск, и все его предали.

Но его защитила судьба и хорватский народ. Монголов трепали не только упрямые города, но и многочисленные партизаны. Отряд Степко Шубина с острова Брибира, Ланка Прекрасная из Чернхазе, атаковали монгольские отряды.

Отбивая у багатуров, желание искать короля и проявлять излишнюю ретивость. Только спустя 2 месяца, в апреле 1242 года, Кадан поймал след. Распятый палатин Далмации выдал – Бела IV прячется на побережье в районе Сплита. Тумен помчался на берег Адриатического моря. Попытки захватить крепость, были неудачными, и монголы отступили, получив приказ идти на соединение с Батыем.

Зато они прошли по Сербии, Боснии, Далмации, Болгарии и Валахии, как каток, уничтожая всех на своём пути. Итак, мы подошли к городу, который располагался примерно в полукилометре от реки, зато от неё к городу протянулся канал, проходивший почти вплотную к стенам и центральному входу в город, связанному с получившимся искусственным островом между Дунаем и каналом, где теснились, утопая в садах предместья столицы. Дунай в этом месте, имел шири-

ну в 400 метров и распался на несколько рукавов, образуя многочисленные острова. Предупреждённые защитники города, уже были наготове. На стенах стояли арбалетчики, на башнях изготовились стрелять баллисты и катапульты. Ближе, чем на 500 метров не подойти.

К счастью, гарнизон города был ослаблен тем, что сам герцог австрийский, с войском, воспользовавшись разгромом Венгрии, отправился захватывать приграничные городки в 100 км от столицы, так что у нас была фора, не меньше недели. Мы начали высадку. Корабли приблизились к берегу и бросили якоря. Первыми сошли казаки, вывели 200 коней и начали грабить расположенные на острове деревни, убивая недовольных.

Толпы народа из деревень, вырастая по мере приближения к мосту, ведущему к городу, ринулась через него, а вслед им скакали казаки, рубя отстающих мечами и коля копьями. Хотя город и был предупреждён о нашем приближении, горожане были сбиты с толку нашими флагами и сомневались, прятаться им или переждать. Но большая часть поселян всё-таки убралась за стены города. Народ, убегая через мост, хлынул в ворота, но те пропустив часть беженцев, хлопнулись перед остальными, опасаясь проникновения в город врага. Беспомощные люди закрывались перед воротами, кололись в них ногами, но они не открывались.

Две сотни казаков, не приближаясь к городу, перехватили 2-3 сотни, бежавших в последних рядах и погнали к себе в

лагерь, а часть казаков, начали обыскивать убитых, забирая у них их вещи, которые те несли с собой. Обчищенные трупы скинули в реку и отправились в лагерь, таща на себе целые тюки. Заметив, что опасности нет, ворота вновь открыли, запустив опоздавших. Конные казаки, встали перед мостом, через канал, перекрыв выход на этот берег. На западную сторону, мы выслали 500 драгун и 80 юнкеров, с пулемётом и пушкой, с задачей перекрыть путь на запад.

Этим отрядом командовали Забуиров и Марченко. С ними, на конной упряжке волокли САУ, мы решили вновь попробовать вариант «Троянский конь». На мост, к центральному входу, выкатили конями БМД и подтолкнули его сзади, почти до берега, но, когда в нашу сторону полетели арбалетные болты, достигая машину, оставили её и отошли. Следом поставили САУ, а уже на середине моста БРДМ. Город занимал площадь 9-10 гектаров и представлял из себя неправильный многоугольник.

Кроме центрального входа, со стороны реки, имелись ещё 6 или даже 8 ворот, но некоторые были недостижимые, из-за сложности входа, окружённого башнями. Наши отряды, не спеша, охватывали город с двух сторон, оставляя свободным выход к возвышенностям на юге. Драгуны из Рязани и Пронска также занялись грабежом предместий, весьма обширным и богатым. Пожалуй, численность населения предместий превышала население города и составляла от 15 до 20 тысяч человек.

В городе, предположительно, проживало 12-15 тысяч человек, а гарнизон состоял, в данный момент, не более, чем в 800 бойцов. Имелись опасения, что горожане создадут ополчение и тогда их количество может достигнуть 4-5 тысяч. Но это было не страшно. Основная часть гарнизона и армия герцога, находились далеко. А пока, большая часть нашей армии занималась грабежами, мы подтянули лошадьми, к углу крепости ЗИЛ и ещё один САУ, готовые отсюда мчаться к воротам крепости.

Основную ударную силу выставили со стороны острова, перед мостом, где расстояние к воротам и подход к ним были наиболее удобными. Теперь оставалось ждать, когда защитники клюнут на удочку. Весь день ушёл на перенос награбленных ценностей к кораблям. Было ограблено не менее 400 домов и общественных зданий, в том числе 3 кирхи, один крупный рынок со складами и много отдельных лавок, пекарен и таверн.

Денег добыли не очень много, но хватило на каждого по несколько серебряных и медных монет, которые мы пересчитали и выдали к вечеру. А домашней утвари набрали тонн 50. Из кирх притащили немало церковных предметов из золота и серебра, которое решили отсортировать завтра. Ночь провели в ожидании. Защитники подходили к БМД и осматривали его, но не тронули.

Взятие Вены.

26 мая. Понедельник. Мы стояли, окружив город, и не

предпринимая попыток его штурма и даже, не пытаясь сделать вид, что мы ищем какие-то слабые стороны в его обороне. В пригородах оказалось большое количество скота и наши повара, на виду у города, жарили на вертелах целых быков. Овцы, лошади, домашняя птица, свиньи и т.д, выпущенные на волю, свободно паслись на острове и вокруг столицы. Драгуны и казаки, с хохотом, ловили куриц и сами жарили их тут же на кострах, то есть вели себя, наподобие немецких солдат, во вторую мировую войну. Наше странное бездействие, вызвало удивление у осаждённых и они, после обеда, выслали к нам парламентёров.

Несколько конных, неся с собой белый флаг, пересекли ворота и мимо машин въехали в лагерь. Здесь их остановили и они, спешившись, прошли к столу, поставленному перед палаткой Судейкина. За столом сидели Судейкин, я и Семёнов. Зотов командовал восточной группой войск, а Забуиров и Марченко, западной. К столу подошли пятеро, из которых четверо в богатых рыцарских доспехах. Мы же тоже были одеты в монгольские доспехи тысячников, возможно известных, этим военным.

Гражданский представился вице бургомистром города, бароном фон Эрлах. Рыцари – помощники коменданта, граф фон Гизель и бароны, имён которых я не разобрал. Разговор вёлся на лытыни и переводил его наш грек из числа пленных бродников, давно уже освобождённых и живущих у нас на равных правах. Судейкин представился, как герцог Переяс-

лавльский. Эрлах осведомился, с какой целью мы прибыли? Судейкин отвечал: – Мы пришли, чтобы наказать вас за постоянные нападения на Русь. В частности, на Псков и Новгород.

Эрлах и понятия не имел об этом, о чём и заявил нам. Судейкин высказался, что это неважно, главное, чтобы организаторы похода, главным из которых является Папа Римский, получили сигнал о том, что каждое нападение на Русь, будет немедленно отмщено ответным, равноценным действием. Нам, к примеру, удобнее напасть на Австрию. А в следующий раз мы нападём на Рим, о чём, мы надеемся, вы доложите Папе. Мы хотим получить выкуп в размере 2 тонны серебра или 2 центнера золота, на ваш выбор. В противном случае, мы захватим город и возьмём всё сами, но уже с применением насилия. Эрлах переглянулся с рыцарями и ответил, что город будет сражаться до последнего.

– Как вам будет угодно, – ответил Судейкин и парламентарёры удалились. Крепость безусловно, была очень надёжным препятствием, и австрийцы надеялись высидеть в ней до прихода герцога Австрийского, к которому уже был послан гонец. У нас оставалось 3-4 дня. День прошёл в делёжке трофеев. Всякий хозяйственный инвентарь, принесённый казаками и драгунами, мы отдали для делёжки им самим, а для себя взяли чуть больше ценностей из драгоценных металлов.

Было захвачено очень много вина, 120 сорокаведерных бочек. Мы всё-таки погрузили их в корабль, надеясь, что

удастся их продать. Также, удалось демонтировать оборудование пяти кузнечных мастерских. Всё это тоже сгодится. Остальную часть дня, ели жареное мясо и любовались на красоты Вены. Осаждённые тоже были довольны, ведь каждый день отсрочки, увеличивал их шансы на победу.

По их разумению, с нашим числом бойцов, нет ни малейшей надежды на взятие города, тем, более, что из горожан, уже сформировали несколько сотен ополченцев, которые несли службу на стенах. Мы же подтащили миномёты и подготовили их для стрельбы по башням, где стояли баллисты и катапульты. Назначали снайперов, которые во время начала штурма, должны будут отстреливать арбалетчиков, сидевших на стенах. В машинах были проведены смены составов, специально на виду у стражи. Ещё одну САУ поставили в лагере, с таким расчётом, чтобы она могла стрелять по надвратной башне. У нас всё было готово. Почему-то, мы предчувствовали, что именно этой ночью, осаждённые попытаются утащить БМД. Были приняты меры, многих уложили спать пораньше.

27 мая. Вторник. В 4 часа ночи, получили сообщение из БМД по радиации, что австрийцы запрягают машину в упряжку. Тотчас же, стараясь не шуметь, разослали дежурных, поднимать войска. БМД потащили к воротам шестёркой лошадей. Машина катилась очень легко, правда к воротам начинался незначительный подъём и лошадям помогали 2 десятка пехотинцев, толкая машину сзади. Когда до ворот осталось

метров 50, в лагере объявили тревогу. Австрийцы заторопились и удвоили усилия. Наконец из БМД доложили, что машину ввели в проём ворот.

Тут же последовала команда начинать действовать. В небо взвилась ракета. Всё вокруг города ожило. Включились прожектора на кораблях и фары у машин, завелись моторы. В БМД нажали на тормоза. Машина встала. Лошади упёрлись, но гусеницы уже не крутились и машину тащили юзом, однако 7 тонн металла, даже для 6 лошадей было непосильно. К тому же, включённый мотор и зажжённые фары, напугали лошадей и те стали рваться в разные стороны, потихоньку волоча БМД за ворота. Тут заработали автоматы через лючки в кузове и пулемёт.

Уже одна САУ мчалась к воротам, а за ней ЗИЛ. Третья САУ открыла огонь по надвратной башне, снайпера по арбалетчикам, а миномёты по башням. Начались хаос и паника. Ребята из БМД, обрезали построики, и лошади рванулись по улицам города, топча встречных. В проём ворот ворвались САУ и ЗИЛ. Не высовываясь из проёма, они начали обстреливать прилегающие улицы и дома. Надвратная башня, развороченная взрывами снарядов, рассыпалась, погубив своих защитников.

Баллисты, катапульты и обслуживающий персонал были уничтожены, а в город уже врвались казаки на лошадях. Согласно, приказа следовало всего лишь, добраться до первой поперечной улицы и закрепиться там, встречая против-

ника стрелами и пиками, дожидаясь драгун и стрелков с огнестрельным оружием. Город проснулся, едва лишь несколько минут назад и горожане ещё не успели одеться, а ополченцы и воины приготовиться к отражению атаки. Лишь на стенах стояли, бесполезные в этот момент, защитники, сообщая, что им делать.

Казачья рота, нарушив приказ, проскакала в центр города и ринулась в ратушу и главный собор, чтобы грабить их. Оставив коней, другие казаки заскакивали в ближние дома с определённой целью. Степану Кочебору, удалось заставить человек 50 вернуть на исходные позиции и занять оборону. Как раз к ним, начали подбегать первые драгуны и стрелки офицерской сотни. В это же время, юнкера расстреливали стражу на стенах крепости, заставив выживших соскочить вниз и бежать к центру города. Разбуженные солдаты гарнизона, выстраиваясь в отряды бежали на выручку к центральным воротам.

Следом поспевали ополченцы. Перед центральным входом располагалась небольшая площадь, служившая накопительным терминалом для въезжающих в город караванов, для их пересчёта и оценки предстоящего налога. Сюда выходили 5 улиц, которые спешно перекрыли двумя САУ, БМД, БРДМ и одну улицу баррикадой из вытащенной из домов мебели. Сюда же отошли казаки и драгуны. Теперь нам всё было нипочём.

Всех стрелков со стен, сняли и нам ничего не угрожа-

ло. На две ближние башни забрались по 20 стрелков с автоматами. Тем временем, все улицы к центральным воротам уже заполнились набегаящими войсками австрийцев. Они уже подбежали на 60 метров к нам. Судейкин отдал приказ «огонь»! Убийственный поток пуль смёл первые ряды наступающих, пули, порой, поражали по 2-3 человека насквозь,двигающихся в толпе, тесно, друг за другом.

Разбежаться было некуда, улицы были тесны, а двери домов закрыты на засовы. А напирающие сзади, не понимали и не видели, что происходит впереди. Возникла жуткая давка, когда передние ряды, ломанулись назад, сталкиваясь и опрокидывая задних, топча их ногами. Было просто бесчеловечным продолжать уничтожать этих людей, и Судейкинскомандовал прекратить огонь. Толпа, в умопомрачении, помчалась обратно, где их остановили собравшиеся у кирхи, основные силы обороны, руководимые комендантом города, графом фон Гизель.

Здесь, как раз, началась схватка между грабившими горожан казаками и подошедшими рыцарями. Борьба складывалась, явно не в пользу казаков, хоть и имевших сравнительно неплохие доспехи, полученные в результате последнего похода. Но рыцарей было больше, и они были лучше вооружены. Так что казаки, потеряв больше двадцати человек убитыми, бьющиеся на два фронта – против убегающих от ворот и подходивших к кирхе из города, вынуждены были разбежаться по дворам, бросив награбленное. Их оставалось око-

ло 100 человек.

Кочебор доложил Судейкину об отставших казаках и тот приказал БМД направиться к кирхе, спасти их. БМД двинулся вперёд, а за ним десяток автоматчиков офицеров. Однако уже в первой, поперечной улице, на них обрушился поток болтов из арбалетов, заставив пехоту отойти. Но БМД продолжал движение. Рыцари оцетинились копьями и встали рядами против чудовища, осыпаемого стрелами из луков и арбалетов, а также копий. Но невредимый, он продолжал надвигаться.

Экипаж произвёл три выстрела из орудия, разметав толпу и заставив рыцарей отойти до следующей улицы и рассредоточиться в стороны. Казаки, прятавшиеся во дворах и домах горожан, выскочили оттуда и, под защитой БМД побежали к воротам, но, по пути, столкнулись, с выбегающими из боковых улочек ополченцами. БМД, задним ходом двинулся обратно, отпугнув австрийцев. Казаки, потеряв ещё около 30 человек, добежали к баррикаде и заняли места в рядах своих однополчан.

В этом бою мы недосчитались 68 казаков. Были легко ранены трое офицеров. Мы заняли оборону в воротах и замерли в ожидании. Австрийцы сделали одну попытку выйти из города через задние ворота, но были встречены огнём из пулемёта и потеряв до полусотни пехотинцев, вернулись обратно. Начинался рассвет.

Мы ждали, не предпринимая попыток войти в город. Нам

не нужны были потери и даже ранения, кого бы то ни было. Судейкин приказал собирать стрелянные гильзы. Враги проводили совещание и подсчитывали потери. После всех перипетий боя, мы немного расслабились, и тут Судейкин спросил у меня: – Ты не чувствуешь вонь?

И в самом деле на нас накатывал крайне неприятный запах. – Может быть, у них канализация прорвалась на мясокомбинате? – предположил я.

– Откуда у них канализация в 13 веке? – Поморщился Судейкин. Между тем многие, окружающие нас бойцы морщили носы.

– Глянь –ка, – показал я на канаву, идущую вдоль улицы в сторону Дуная. Канавка была заполнена медленно текущей массой, всякой гадости, включая человеческие испражнения. Да и на брусчатке самой улицы лежали кучки отбросов, видимо выкинутых из окон соседних зданий. Всё это накапливалось какое-то время, а потом смывалось во время дождей в реку, из которой, жители лежащих ниже городов, брали воду для питья.

– Боже мой, какая мерзость! –выругался Судейкин. – Вот, тебе и цивилизованная Европа! – Мы читали, что чистота в католической Европе не приветствовалась. Мыться – значит смывать с себя святую воду, которой все омывают руки в соборах. Помои обычно выплескивались из окон на улицу. Ходули, часто были просто необходимы для прогулок по городу. Уход за телом, вообще считался грехом. Церковники

призывали людей ходить в рванье и не мыться, таким образом достигая духовного очищения.

Европейцы не имели бань и представления о гигиене. Вот и мы, сподобились увидеть и унюхать это воочию. Да, впечатления о Европе католической, у нас теперь останутся самые яркие. Наконец, в 9 часов утра, к нам вышли парламентарёры с белым флагом. Это оказались те же самые, вице бургомистр и три рыцаря. Судейкин встретил их в проёме ворот. Только сейчас мы ощутили неприятных запах от этих вельмож, очень напоминающий запахом, бомжей 20 века, но перебитый острым запахом духов и благовоний. Отворачиваясь незаметно в сторону, чтобы не вдыхать исходящее от парламентарёров, амбре, он предоставил первое слово австрийцам.

Вице бургомистр, поклонившись, злобно сверкая глазами, повёл речь

:- Мы согласны уплатить вам контрибуцию в 2 тонны серебра.

- Ну уж нет –отвечал Судейкин. – Сегодня цена изменилась. Вы должны мне уже 5 тонн серебра или соответствующее количество золота и монет, а также 500 комплектов доспехов с оружием к ним, то есть –меч, топор, кинжал, копьё, щит. И ваши доспехи в первую очередь –указал он на рыцарей. А я ведь вас пощадил. Вы, наверное, заметили, что я не стал поджигать город? А ведь вполне мог. Так что мы ждём до утра. И ни часом позже. –

– Но где мы возьмём столько серебра? – вскричал барон.

– Бросьте приbedняться! – тоже повысил голос на него,

Судейкин. – Вы только недавно ограбили венгерского короля Белу, забрав почти всю его казну. Барон промолчал.

– Всё – сказал Судейкин. – Разговор закончен. Мы ждём до утра, а потом всё население будет уничтожено.

Австрийцы удалились. В это время к Судейкину подбежал запыхавшийся драгун и сообщил, что с запада идёт колонна военных. Видимо на помощь городу. Судейкин велел послать 3 казаков на лошадях, догнать и вернуть парламентёров. Парламентёры вернулись, недоумевая. Им, тут же сообщили о движущейся в нашу сторону, подмоге. Между тем, наш западный заградотряд, перенацеливал САУ и пулемёт в ту сторону.

С запада плыли 5 галер по реке, а по берегу скакал отряд рыцарей, человек в 300. Я обратился к графу Гизелю:

– Если вы не хотите гибели этих людей, немедленно скачите к ним и остановите. Я велел казаку, передать коня рыцарю, и он тут же помчался навстречу колонне. Колонну он остановил, но галеры, не обращая внимания на его сигналы, продолжили плыть к нам. Однако, увидев толпу военных перед воротами города, остановились в нерешительности. К ним мы послали других двух рыцарей. А фон Эрлаху, велели идти в город и готовить контрибуцию. Галеры причалили к берегу. Рыцари забрались во флагманскую галеру и, видимо, начали переговоры.

А вот отряд рыцарей, похоже, не поверил Гизелю. Командир отряда, не слушая графа, отодвинул его конём в сторону и скомандовал атаку. Отряд, выставив копья, набирая скорость помчался на двести драгун и САУ, стоящих в две шеренги, целясь из ружей в накатывающуюся лаву. Дальность ружей составляла около 200 метров, а поражение тяжело вооружённых рыцарей, было возможно лишь с 50 -70 метров.

Но выстрелила пушка, а затем застрекотал пулемёт, колонна споткнулась, но кое-кто продолжал скакать. Однако этих, кое-кого, встретил залп ружей, свалив на землю практически всех. Едва с полсотни рыцарей, вздыбив коней, разворачивались в обратную сторону и через минуту помчались назад, мимо графа Гизеля, стоявшего у дороги, с печальным видом. Всадники, прищпоривая коней, умчались.

А на дороге остались лежать до двух сотен рыцарей, многие из которых, стонали или отползали в сторону. Граф вернулся и умолял нас, не добивать раненых. Судейкин согласился, но велел казакам ловить лошадей. Граф попросил нас, разрешить подобрать раненых и занести в город. По словам графа, подкрепление следовало из города Кремс, расположенного в 50 км от Вены. Туда в самом начале осады был послан гонец с просьбой о помощи. Гонец был послан и в Линц, но оттуда помощь придёт дня через два. В эти времена, осада городов продолжалась месяцами, поэтому никто не торопился. Мы согласились, чтобы горожане занялись сбо-

ром раненых и убитых.

Галеры, экипажи которых оказались свидетелями бойни, дали задний ход и, налегая на вёсла, удалились. Рыцари вернулись в город. Судейкин, показывая на флаги кораблей, внушал графу: – Если увидишь эти флаги, то не советую сопротивляться. А на Русь не ходите, не надо нас злить! – Из города выходили горожане и укладывая раненых рыцарей на носилки, несли в город. Судейкин распорядился, чтобы на 4-х центральных башнях, разместились по 20 автоматчиков, в воротах оставил БМД и БРДМ, а все остальные удалились в лагерь, готовиться в обратный путь.

Казачи жалели, что им не дали пограбить город, но, на наш взгляд, взятого в пригороде, было более, чем достаточно. На каждого казака пришлось по 50 кг хозяйственных вещей. К сожалению, и потери у них были большими, но это по их же вине. Пока горожане носили раненых и убитых рыцарей к кирхе, где раненым оказывали помощь монахи, казаки вынесли из города своих 68 убитых.

Мы нашли ровное место на острове и похоронили там всех, поставив на каждой могиле деревянный крест. Бургомистру велели заботиться о кладбище, как за своим. Весь день горожане выносили своих убитых, для которых отвели специальное место, так как их было слишком много, чтобы похоронить на городском кладбище. Мы не считали, но на первый взгляд, выходило до 700 человек, включая рыцарей.

28 мая. Среда. Утром, после завтрака, мы начали грузить

в корабли кое-какие вещи. Примерно в 10 часов, из города выехали несколько повозок и направились в нашу сторону. Повозки сопровождал вице бургомистр.

– Вот ваши деньги и доспехи- сообщил он, указывая на повозки.

– Я надеюсь на вашу честность – сказал Судейкин и велел переносить вещи в трюм. Кроме серебра и золота в слитках, часть контрибуции была в серебряных монетах. Монеты мы не считали, а просто взвесили. Всё было по чести. Четыре тонны серебра и сто килограмм золота. 500 комплектов доспехов с оружием. Взяли с собой ещё 200 хороших, рыцарских коней и 50 казачьих, а остальных 150 своих, оставили. Едва загрузились до обеда и отплыли обратно в 16 часов. Потянулись разграбленные сёла и городки.

Мы едем за бумагой.

30 мая. Пятница. В 8 часов утра мы входим в Белград. Город разрушен и сожжён, но толпы людей работают, разбирая завалы и строят новые дома. Наши корабли причалили к полуразрушенному причалу и закрепились. Люди, работающие в городе и жители, насторожились, готовые в любую минуту удрать. Надо было как-то успокоить людей, и я попросил Судейкина послать меня с двумя десятками офицеров автоматчиков на берег.

К этому времени, на расстоянии метров в 500 от пристани, остановились в нерешительности десятка три всадников, в доспехах, среди которых выделялся один, в позолоченной

кирасе и роскошными перьями в полметра длиной на шлеме. Я с сопровождением, высадился по сходням на причал и прошёл метров 100 в направлении этой группы. Всадники настороженно наблюдали за моими действиями.

Я поднял руку и помахал ею, в виде приветствия. Мой монгольский наряд, вкупе с окружением, также одетыми в монгольские доспехи, не давал повода для радости, но всадники всё-таки, приблизились к нам на десять шагов. Один из всадников, приветствовал нас на славянском языке, как я догадался, на сербском, с некоторой натяжкой, вполне понятным мне. Я ответил ему по-русски: – И вам привет! – После этого, я назвался – Архонт Византии, протоспафарий Феодор. –

Это представление, повергло всадников в ступор. Они начали переглядываться и пожимать плечами, как бы давая друг другу понять, что это какой-то розыгрыш. Тем не менее, знатный рыцарь, поднял забрало шлема, показав лицо молодого, моих лет человека и представился: – Принц Стефан Неманич, сын короля Сербии Владислава. –

Я кивнул ему головой и поинтересовался: – Вы не будете против, если мы проследуем по реке Сава в сторону Загреба?

Тут, наконец, принц спросил: – А кто вы такие и с чем пожаловали? Вы от монголов или сами по себе?

Я подумал про себя: – А что тут делает сын сербского короля, в городе, принадлежавшем Венгрии? – Но я промолчал по этому поводу и сообщил, что мы всего лишь, хотим посе-

тить Триест с дружеским визитом и попросить у них мастеров, по изготовлению бумаги.

Принц удивился такой просьбе и ответил: – Конечно, езжайте куда хотите.

Я задал ещё вопрос: – Вернулся ли король Бела из Далмации?

Принц с подозрением взглянул на меня и ответил, что не знает, хотя я был уверен, что тот ещё не вернулся, так как не потерпел бы присутствия сербов в Белграде. Успокоив, таким образом, местных, я вернулся на корабль, и мы двинулись в сторону Загреба и ещё дальше.

31 мая. Суббота. В 12 часов прошли мимо опустошённого и сгоревшего Загреба. На развалинах копошились люди, проводивших нашу эскадру уставшими взглядами. Плавание продолжилось. Попадались навстречу, лишь рыбацкие лодки. В одном месте мы остановились, чтобы набрать воды из впадавшего в реку ручья. В 20 часов вошли в Лайбах, так называлась в этом веке Любляна, которая, как и Триест, входила в герцогство Каринтия.

Город, как и следовало ожидать, был разрушен, но не полностью, так как сдался Батыю, но для острастки, из-за того, что здесь пролегал путь хана Кадана, ловившего короля Белу. Город был невелик и располагался в километре от Савы, на речке Любляница, впадающей в Саву. Мы не знали об этом и поэтому вынуждены были вернуться к устью Любляницы и уже по ней дойти до города.

Река протекала непосредственно по городу, разделяя его на две части. Мы причалили к берегу, чуть не доплыв до первых домов, притом ширина «Руси» была всего на 10 метров уже ширины реки, перегородив таким образом всю реку для прохода других судов. Но тут не плавали крупные суда, собственно, здесь уже был край судоходства.

Мы постарались не подплывать близко к расположенной почти в центре города крепости, на невысоком холме и бросили якоря. Было ещё достаточно светло и жители города, увидев корабли, кинулись, кто спастись в крепость, а кто в сторону гор, начинавшихся недалеко на юге. Крепость и часть города, расположились на острове, образованном рекой, разветвлённой на два рукава и через полкилометра вновь сливавшихся вместе.

Люди, жившие здесь устремились к крепости. Примерно 2-3 гектара на краю острова, перед слиянием рукавов, были свободными от зданий, и мы выпустили сюда наших 250 коней, чтобы они могли пастись здесь. Надо было срочно успокаивать жителей, чтобы те не послали за помощью, иначе потом придётся с этой помощью сражаться, а нам это было ни к чему. К крепости поскакали пять казаков и грек переводчик с латыни.

Они уверили защитников, что у нас нет намерений напа-

дать на них и мы, хотим попасть в Венецию, чтобы совместно с её войсками участвовать в отражении монголов, которые, якобы, грозят нападением. Нам нужен проводник. Жители помнили монголов и все страсти, связанные с их нашествием, поэтому быстро нашли одного человека, согласившегося нас провести к Триесту, а там, мол, мы найдём путь сами.

Именно это нам и требовалось. Был вариант, проплыть по Люблянице ещё 40 км, пока глубина позволяет, но мы не стали рисковать. Имея 250 лошадей, решили выслать с ними 100 офицеров и 150 драгун. А ещё должны были ехать машина ЗИЛ 131 с прицепом и БРДМ. Посчитали, что этого достаточно. Выступить, решили завтра. Народ возвратился в свои дома, но продолжал относиться к нам с опаской. Мы расположились на зелёных лугах, вокруг города, выставили посты и легли спать.

1 июня. Воскресенье. Утром после завтрака, когда колокола на соборе звали людей к молитве, мы выступили в поход. С группой ехали я и Семёнов, остальные оставались здесь. Проводника я посадил с собой в ЗИЛ, и мы выехали впереди колонны. Семёнов вёл БРДМ. По словам проводника, до Триеста было 95 км. Дорога была накатанная, видно, что её часто использовали. Мы очень скоро оторвались от кавалерии, но дорога всё-таки, не была шоссе, и наша скорость едва достигала 40 км в час.

Между мной и проводником сидел переводчик. Проводник жутко боялся скорости и судорожно хватался за высту-

пающие детали. Машину качало и подбрасывало на кочках. Уже через 4 часа мы, перевалив через горы, увидели впереди Триест. В общем, нам надо было проехать ещё 25 км к западу по побережью в город Аквилею, где, по слухам, имелось предприятие по изготовлению бумаги.

Город, фактически, имел статус свободного, и подчинялся Архиепископу, резиденция которого, всего 100 лет, назад была перенесена в Удине, а главным городом архиепископства стал Градо. С того времени, считавшийся вторым Римом, город, пришёл в упадок и его население, с нескольких сотен тысяч, упало до 30 тысяч.

Однако, город продолжал считаться значительным, в нём чеканили монету и изготавливали стекло и керамику, а также другие промышленные товары. Но нас, в данном случае, интересовала бумага. В городе стоял приличный гарнизон, к тому же, на помощь городу, в короткое время могли прибыть войска из расположенной совсем рядом Венеции (всего 150 км). Поэтому план был такой – быстрым наскоком, налететь на фабрику, демонтировать оборудование и, захватив работников, убраться восвояси.

На всё это дело, мы положили сутки. Не доезжая до города 6-7 км, мы остановились и замаскировались в небольшом лесочке, ожидая подхода кавалерии. Для более детального ознакомления, я, переводчик, проводник и трое офицеров, вооружённых автоматами, завернутыми в холст, переоделись в обычных граждан. Одежду мы позаимствовали у казаков,

из их хабара, захваченного в Вене, и направились в Аквилею. Пройдя через ворота, охраняемые солдатами, мы заплатили за вход несколько медяков в кассу города.

Город впечатлял красотой великолепных, действующих соборов. В город постоянно прибывали сотни паломников, чтобы поклониться реликвиям, имеющим общемировую известность. Не буду их перечислять. Все эти красоты перебивались неприятными запахами и нечистотами, заполнявшими улицы, но вокруг соборов, улицы и площади убирались и там было достаточно чисто. Мы спросили у местных, где находится фабрика по изготовлению бумаги.

Как оказалось, фабрика располагалась в предместье, за стеной, у берега небольшой речушки, поскольку технология требовала большого количества воды. Узнав, что в городе чеканят монету, мы прошли к этому предприятию и разглядели подступы к нему. Это производство, в силу своей значимости, расположилось в городе, у стены, имевшей вход с противоположной стороны города. Предприятие было обнесено высоким забором с крепкими воротами и охранялось стражей. Рассмотрев возможности подъезда к воротам, мы отправились за ворота, к фабрике бумаги.

Наши хождения по городу не привлекали внимания, так как город был заполнен паломниками из различных областей, как Италии, так и Истрии, Австрии, Далмации. По случаю воскресенья, во всех соборах служили мессу, проводились религиозные мероприятия. В городе повсюду, шла тор-

говля сувенирами, изображавшими богородицу, распятия и крестики самых различных видов и размеров. Продавались зубы и волосы святых, дощечки от креста, на котором распяли Христа и от ковчега Ноя, обрывки одежды Богородицы и Иоанна Крестителя и многое другое.

Слава Богу, сегодня и завтра утром, большинство паломников покинут город и разойдутся по своим местам жительства. Я, потихоньку, составлял план действий. На БРДМ врываемся в город к заводу по чеканке денег, забираем там все монеты и запасы драгметаллов, грабим банк. В это время ЗИЛ захватывает фабрику бумаги, грузят всё в прицеп и в кузов, захватывают в плен работников и потом, мы все вместе, удираем. С этими настроениями, мы вернулись к себе. До отбоя, мы отдыхали в тени деревьев.

2 июня. Понедельник. Кавалерия прибыла к обеду. К сожалению, проезд такого большого отряда, насторожил местное население и нам следовало, как можно быстрее, выполнить свою работу. Мы завели машины и помчались к городу. Известие о передвижении отряда ещё не достигли Аквилеи и, поэтому, мы въехали в арку ворот неожиданно для стражей, никак не ожидавших нападения в таком месте, расположенном вдали от театра военных действий. Стражники били копьями и мечами по корпусу БРДМ, но безуспешно.

А уже через несколько минут, в город вливались две сотни наших драгун. Стражники моментально исчезли, но не следовало радоваться, так как из кордегардии в центре города,

через короткое время придут не меньше 3-4 сотен воинов, вооружённых алебардами и арбалетами. Оставив в воротах сотню драгун, мы проехали к монетному двору. Стража, увидев сотню кавалеристов и непонятную машину, забежали за ограду, заперев ворота. Однако, разогнав БРДМ, Семёнов выбил ворота и въехал на территорию заводика. Стражники были вооружены лишь мечами и алебардами и поэтому были беспомощны против железной машины.

Во двор уже въезжали кавалеристы, спешили и забежали в помещения, в поисках монет и сырья для них. Не обращая внимания на работников завода, удирающих через двор в город, драгуны начали переносить мешки и короба с готовыми монетами в БРДМ. Туда же занесли мешки со слитками и готовыми полосами серебра, золота и меди. Выходило больше тонны. Часть мешков приторачивали к лошадям. В течении часа закончили и поскакали к префектуре, где должна была располагаться казна города.

Но здесь уже заняли оборону до 2 сотен солдат гарнизона. БРДМ выехал вперёд и был обстрелян из арбалетов. Стрелок в башне, начал выискивать арбалетчиков и уничтожать их короткими очередями. Десантники из кузова вели отстрел алебардщиков, пытающихся рубить машину. Очень быстро сопротивление прекратилось и остатки солдат спрятались в здании.

– Ну, гады, получайте, – скомандовал Семёнов, приказав выпустить пару снарядов по зданию. Снаряды разворотили

стену, открыв выживших. Не выдержав, солдаты покинули помещение и отступили до следующей улицы, выглядывая из-за угла и время от времени выпуская болты в БРДМ. Драгуны, прячась за машиной, ворвались в здание и начали искать казнохранилище. БРДМ проехал до поперечной улицы и начал обстрел скопившихся там солдат. Наконец и они, сообразив, что их усилия бессмысленны, отошли ещё дальше и распределились по переулкам.

В городе, в это время царила паника. Горожане мчались в свои дома и запирались в них. Некоторые любопытные, смотрели исподтишка в окна. Я же, с ЗИЛом и 50 –ю драгунами ворвались во двор бумагоделательной фабрики. Я приказал окружить здание и с пятью офицерами и переводчиком вошли внутрь. Все рабочие бросили работу и сбились в кучу в производственном помещении, заставленном оборудованием и коробками с выделанной бумагой. Я вызвал главного мастера. Рабочие вытолкнули вперёд пожилого мужчину, с седой бородой. Я велел перевести, что мы никого не тронем, но нам нужно забрать всё самое необходимое для производства бумаги.

Пусть мастер покажет, что необходимо в первую очередь и что можно в принципе сделать на месте своими руками. Я велел мастеру указать на основных работников, без которых производство не сможет работать. Тот указал ещё на пятерых работников. Я не стал пока им сообщать, что они будут вынуждены ехать с нами, а приказал быстро объяснить мне

технологии производства и пробежать бегом по всей цепочке технологического процесса.

Мастера начали мне объяснять, причём я орал на них, требуя, чтобы они быстрее передвигались и, на глаз, определял важность того или иного приспособления. Необходимые, приказал немедленно выносить и грузить в прицеп и в сам ЗИЛ. Заодно забрали всю изготовленную партию бумаги, тысяч 10 листов. Вскоре прицеп был полон и начали грузить в ЗИЛ. Но, заметив, что там осталось слишком мало места, я приказал заканчивать. А вот теперь я объявил этим 6-ти мастерам, что они едут с нами. Как они заголосили! Я представляю их ужас, но ничего не поделаешь.

Я велел, чтобы они оповестили через своих сотрудников свои семьи и если их жёны и дети желают ехать с ними, то я даю им на сборы два часа. Пусть возьмут самое необходимое и идут к выходу из города. Я твёрдо обещаю, что ничего плохого с ними не случится и ни один волос не упадёт с их головы. Более того, если им удастся запустить производство и научить людей работать без них, то я берусь вернуть мастеров с семьями обратно, если они сами того пожелают. Для этого мы отпустили всех других работников. Потом ещё немного отсортировали оборудование, чтобы мастера с членами семей смогли поместиться в кузове.

Наконец всё было погружено, и мы выехали на дорогу. В кузове сидели пять офицеров и 6 мастеров. Машина встала у ворот, которые были перекрыты полусотней драгун, не даю-

щим никому пройти мимо. В городе стреляли и раздавались крики. Наконец показались БРДМ и скачущие следом драгуны. Мы пропустили кавалерию вперёд, а сами стали ждать семьи мастеров. В самом деле, все 6 жён, прибыли к воротам, готовые на всё. Они несли на себе узлы с барахлом.

Все мастера оказались людьми не молодыми и не обременёнными малыми детьми. Только 2 мальчика, лет по 13-14 и одна девочка лет 12, пришли с женщинами. Это меня порадовало – всё меньше места займут! Усадили прибывших в кузов, и машина с БРДМ выехали вслед за кавалерией. Через полчаса мы миновали границу архиепископства и проследовали к Триесту. Договорились, что Семёнов наведёт шороху в Триесте и заберёт там все деньги, которые сможет собрать, а мы поехали в Любляну, везя с собой проводника, который ничего не видел, находясь в нашем укрытии у Аквилеи. Его заинтересовал полный кузов ЗИЛа, но он не сказал ни слова.

3 июня. Вторник. В 2 часа ночи мы подъехали к нашему флоту. Проводника отпустили, а оборудование погрузили в трюм. Всех мастеров с семьями разместили в каютах «Руси». В Любляне пока всё было спокойно. Население занималось своими делами, наши бойцы отдыхали. Весь день провели в ожидании. С Судейкиным договорились, что производство бумаги устроим в Воронеже, чтобы не тащить с собой всё оборудование в Маргелово, через волок, в Данкове. Побеседовали с мастерами итальянцами. Держались с ними просто и дружелюбно.

Ещё раз повторили, что им нечего бояться. От них требуется всего лишь научить наших людей выделывать бумагу, и они будут свободны и даже вознаграждены. Заодно и мир посмотрят, чем не путешествие? Мастера уже несколько приободрились, смирившись со своим положением, тем, более, что к ним относились с уважением, а тут ещё и жены рядом, подбадривают. Сегодня отстающие не пришли. Решили, что, если и завтра не придут, идти на помощь.

4 июня. Среда. Ночью, в 3 часа, прибыл Семёнов и кавалерия с ним. Все устали и легли спать, договорившись, выслушать Семёнова утром. С утра начали готовиться к отплытию. Но всем было интересно выслушать рассказ Семёнова, поэтому мы ждали, когда он проснётся, снаружи, поставив стол на лугу и пили чай с булочками, купленными в городе. Наконец, в 9 часов утра, появился Семёнов. Он взял себе завтрак и начал рассказ:

– Я обогнал кавалерию почти перед Триестом и на полной скорости въехал в ворота Триеста, не позволив их закрыть перед моим носом. Время было 7 часов вечера. Поскольку переводчика со мной не было, то я воспользовался услугами пулемёта, который быстро разъяснил страже, что им следует обратиться подальше. Я немного подождал и уже через полчаса, в город вошли 250 конных драгун и офицеров гвардии.

В воротах остались сотня драгун, а я, впереди остальных, поехал в центр города. Кое какие познания в немецком, у меня были, поэтому, когда я выстрелами разогнал два де-

сятка солдат, то поймав одного из них, я смог спросить у него насчёт городской казны. Тот, охотно, мне её показал. Мы подъехали к ихнему горисполкому и проникли внутрь. Жители города попрятались в своих домах и носа не показывали. Гарнизон города, человек в 50, куда-то спрятался. Так что нам никто не мешал. Однако начало темнеть и мы, уже в потёмках, загружали, в уже забитый БРДМ, мешки с деньгами.

Но тут началась стрельба у ворот. Мы закончили работу и направились к выезду. Как оказалось, от самой Аквилеи, за нами следовала погоня. Примерно 400 всадников, из которых 5-6 рыцарей. Они сразу же попытались напасть на драгун у ворот, но получив залп из ружей, быстро ретировались и рассредоточились в складках местности, начав обстреливать нас из дальнобойных арбалетов. Пришлось войти в город и запереться, заодно поставив людей на стены и башни.

Слава Богу, что Триест того времени, насчитывал около полутора тысяч населения и длина стен крепости равнялась около 600 метров, а башен было всего 5. Поскольку стемнело, мы не стали пытаться прорываться, чтобы не получить случайно болт в спину. Пришлось ждать до рассвета. Теперь мы ясно увидели, что количество осаждающих выросло до тысячи. Они окружили город и ждали, что решат их командиры. Но мы решили раньше. На стену поднялись сто офицеров с автоматами и начали расстреливать прекрасно видимых с высоты стен воинов противника, расположившихся на

расстоянии от 300 до 500 метров, думая, что эта дистанция безопасная.

Однако, враг жестоко просчитался, пули находили своих жертв даже за 800 метров от крепости. Потеряв до 300 человек убитыми и ранеными, враги отошли на километр и начали соображать, что им делать дальше. Я велел открыть ворота и встал там с БРДМ.

Враг решил пойти «Ва банк». Около 400 латников на лошадях, построившись в колонну, помчались к воротам, следом за ними пехота. Мы молчали. Как только колонна приблизилась на 300 метров, я открыл огонь из пушки и пулемёта, а стрелки из автоматов. Все 400 человек растворились всего за 200 метров и пехоте открылся простор, но они не воспользовались этим шансом и помчались в сторону лесочка у подножия гор. Я пустил вслед ещё пару снарядов, чтобы их подбодрить.

И хотя драгуны умоляли меня, немного задержаться, чтобы обчистить убитых и раненых, но я приказал всем скакать в Люблян, а ранеными и убитыми пусть займутся горожане. Драгуны скакали весь день и полночи, всего лишь трижды останавливаясь на отдых. Я ехал позади, ожидая погони, но всё обошлось. Наверное, никто из местных не догадался, кто это столь жестоко расправился с ними. Скорее всего, спишут на монголов. Мы, больше не задерживаясь, отплыли в обратный путь.

Конец 4 книги.

Справочная литература.:

1. Интернет –Википедия.
2. С. Г. Бочаров –Генуэзская Газария.
3. Лукинский. Батый создаёт Золотую Орду.
4. Словарь византийских терминов.
5. Венецианская армия.
6. Дашков С.Б. Иоанн III Дука Ватац.